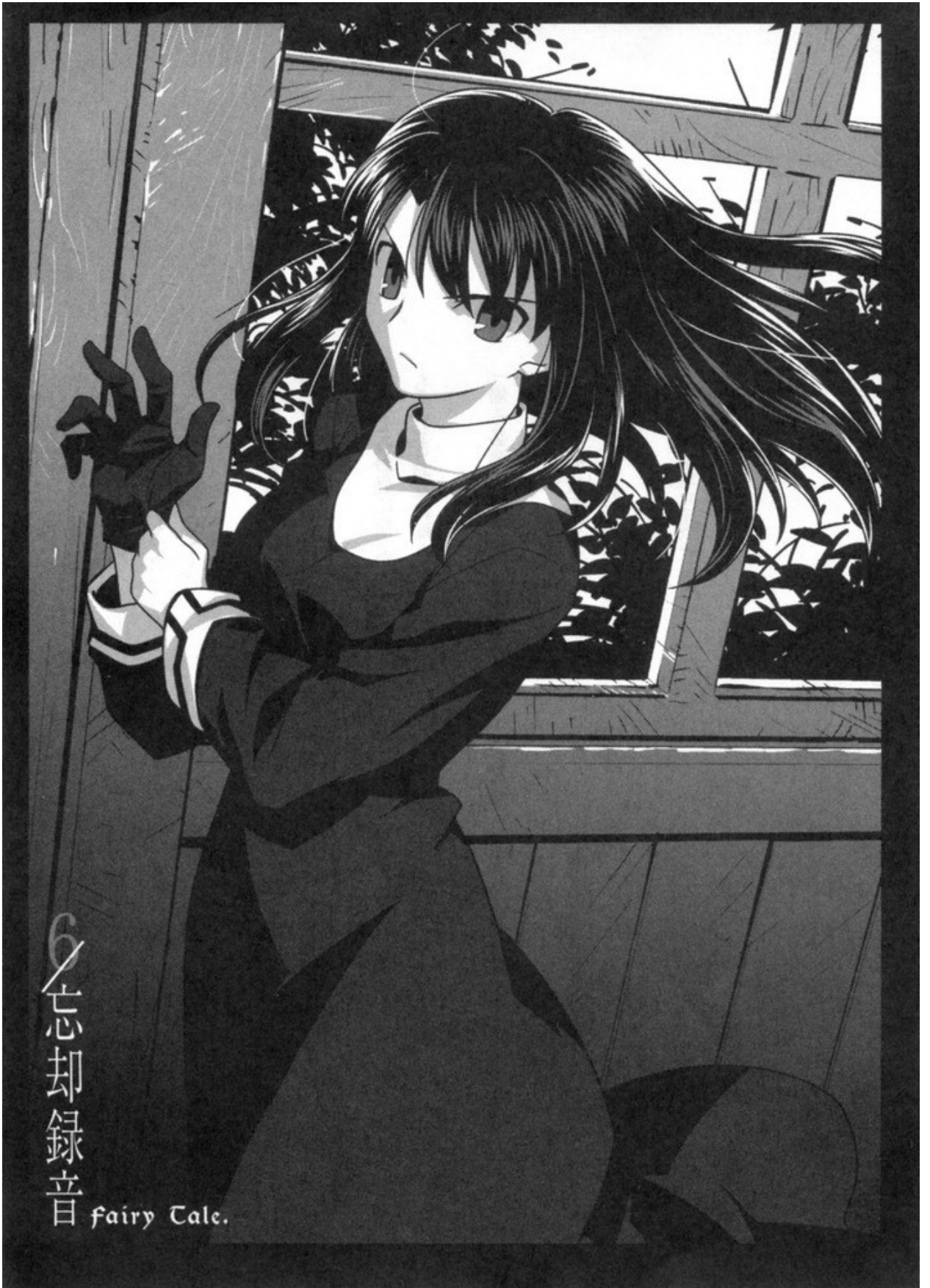

Kara no Kyoukai: Fairy Tale

<u>Записи в забвении – 1.....</u>	<u>5</u>
<u>Записи в забвении – 2.....</u>	<u>11</u>
<u>/1.....</u>	<u>19</u>
<u>/2.....</u>	<u>22</u>
<u>Записи в забвении – 3.....</u>	<u>25</u>
<u>/3.....</u>	<u>34</u>
<u>Записи в забвении – 4.....</u>	<u>37</u>
<u>/4.....</u>	<u>41</u>
<u>Записи в Забвении – 5.....</u>	<u>44</u>
<u>/5.....</u>	<u>52</u>
<u>Записи в забвении – 6.....</u>	<u>54</u>
<u>/6.....</u>	<u>61</u>
<u>Записи в забвении – 7.....</u>	<u>68</u>
<u>Записи в забвении – 8.....</u>	<u>76</u>
<u>Записи в забвении – 9.....</u>	<u>80</u>
<u>Записи в забвении – 10.....</u>	<u>83</u>
<u>/7.....</u>	<u>85</u>
<u>Граница Гоетии.....</u>	<u>88</u>

*За иглами шиповника стоял укутанный туманом дремучий лес.
Из него веяло запахом зелени и слышался тихий шепот насекомых.
И глубже в него я заходил.
И дальше шел я.
Пока не наткнулся на холм, нетронутый нашим солнцем, где оказался я в компании детей.
И наконец, пришел я в себя, осознал поздний час и решил вернуться домой.
- Но тебе не нужно домой. Здесь вечность ждет.
Лесные дети начали петь.
И спросил я, что есть вечность.
- Это когда ты медлишь.
- Это когда ты неизменен.
Хор голосов говорил меланхолично и в унисон.
Свет звезд тихо освещал траву на холме.
Туман собирался, словно молоко, за спиной моей.
И за плечами пропал путь домой.
Я мало знаю о вечности.
Я хочу поспешить домой.
Домой, подальше отсюда.
Дом, далекий от детей и леса.
И окутанный запахом зелени и тихим шепотом насекомых,
В дремучем лесу, укутанный туманом, за иглами шиповника,
Лишен я был дома ради вечности.*

Записи в забвении – 1

Декабрь в этом году был не таким холодным, как я предсказывала, но даже сегодняшней температуры было достаточно, чтобы с каждым выдохом появлялось белое облачко. Тем не менее, вчера был последний день месяца, а значит, и финальный день года. Сегодня новый год, мой шестнадцатый. Абсолютно точно, многие люди сегодня приветствуют друг друга искренним «с Новым годом», дорожа единственным шансом в году, когда можно поделиться своей теплотой и чувством новых возможностей с другими людьми.

Но это не для меня. По сути, Новый год для меня стал временем года, когда я хочу ругать себя за свою глупость; время, когда подушки в моей комнате оказываются в опасности стать жертвами моего желания швырнуть их в стену и попрыгать на них, чтобы выпустить пар; время, когда я просто хочу забыть об остатке дня. Печально, но память и сердце человека вовсе не так удобны. Так что, пребывая в несколько мрачном настроении, я тороплюсь и собираюсь в офис Токо-сан.

Хотя я принадлежу к исключительно нормальной семье, мои родители все еще настаивают на том, чтобы я надевала кимоно для первого посещения святилища в Новый год. И правда, они уже положили его мне на кровать. Но я никогда не была поклонницей традиционной одежды, так что я игнорирую его и, выйдя из комнаты, спускаюсь вниз по лестнице.

- Азака, дорогая, ты куда-то собралась? – спрашивает мама, пока я иду по ступенькам.

- Да. Просто хочу встретиться с кое-кем, кому задолжала. Я вернусь до темноты, – говорю я, демонстрируя лучшую улыбку, и выхожу из дома Кокуто – моего дома.

Небо в начале дня покрыто облаками не слишком дружелюбного вида. Однако, думаю я, они идеально отражают мое настроение, и даже это маленькое признание (перед миром, как-никак!) чуточку облегчает мой шаг.

Я не всегда ненавидела это время года. Было время, когда я, как и любой человек, ждала его. Но в 1996 году, ровно три года назад, это изменилось. Мой тринадцатый Новый год, когда я вернулась в родительский дом на каникулы.

История на самом деле начинается с меня, Азаки Кокуто, и моего слабого здоровья, которым было проклято это тело. Я никогда не имела высоких оценок по физкультуре, и все вокруг говорили, что воздух Токио вреден для моего здоровья. И по этой причине семья спланировала меня жить у дяди за городом, где я и была с десяти лет. С тех пор я приезжала домой только на зимние и летние каникулы, но даже тогда я не хотела возвращаться. Мой дядя относился ко мне как к своей приемной дочери и растил меня вдали от семьи. Я предпочитала, чтобы так и было всегда – даже тогда, когда мое состояние пришло в норму и сделало всю затею весьма спорной – по своим причинам.

Ведь у меня есть брат, Микия Кокуто. И я люблю его.

Проясню, это не семейная любовь между родственниками, как вы могли бы подумать, но любовь романтическая, между парнем и девушкой. Конечно, кто-то может предположить, что десятилетняя школьница ошиблась, и это вполне логичный вывод. Но я не была дурой, и даже тогда я знала, что это за влечение терзало меня. И хотя я могу принять то, что мой интеллект выше среднего, и это удобная ложь для самой себя, я не могу принять идею, что мои чувства к Микии ненастоящие. Когда-то я даже вынашивала детские мысли о том, чтобы как-нибудь украсть его у остальных людей, не позволять никому видеть его. Хотя мои чувства приняли более осязаемую форму, моя любовь к Микии никогда не колебалась. Я с самого начала знала, что это чувство никогда не будет высказано, так что, взрослея, я ждала своего шанса.

Даже мое отступление за город было частью плана по отделению себя от Микии, и все для того, чтобы он мог увидеть во мне кого-то иного, кого-то, кто не является его младшей

сестрой. Мне не важно, что написано в информации о семье. Я давно забыла об этом, и я по-настоящему вернусь только тогда, когда Микия забудет обо мне, как о сестре. До этого момента я буду проводить свои дни как истинная леди. Ведь я точно знала, что нравится Микии, так что это было довольно легко. Это был настолько идеальный план, что даже я сама восхищалась его гениальностью.

Но потом, конечно, появилась проклятая помеха. Прошу прощения. Это было три года назад, во времена моей учебы в средней школе, когда я впервые познала любовь. Это были зимние каникулы, и я поехала домой, когда Микия совершил самый глупый из возможных поступок - привел домой одноклассницу. Для всех было очевидно, что он и эта девушка по имени Реги Шики встречаются. И когда я увидела их, я ощутила не самое приятное чувство, словно приготовила себе милый торт только для того, чтобы его в ту же секунду окружили голодающие, как только я отвернулась. Мысль о том, что мой брат, который всегда казался таким отчужденным, начнет встречаться с девушкой, никогда не приходила в мои даже самые дикие фантазии. Подумайте только: он никогда *не замечал* женщин, не говоря уж о том, чтобы иметь отношения с одной из них!

Кажется, я провела несколько дней в состоянии шока, ходя как во сне, пока, наконец, не вернулась за город. Все еще не отойдя от происшедшего и не зная, что делать с девушкой, я услышала об автокатастрофе и коме, выпавшими на долю Реги Шики. И Микия был снова один. Должна признать, что когда Микия рассказал мне новости письмом, я даже немного посочувствовала бедной девушке. И пусть я видела ее только раз, я помню, как она от души смеялась над словами Микии, была такая энергичная. Но я солгу, если скажу, что не чувствовала какого-то облегчения. Ни одна девушка вроде Шики больше не прикует взгляд Микии. Все, что было нужно - это выпуститься из старшей школы с отличием и поступить в приличный университет. Осталась пара шагов. Еще несколько лет – примерно восемь – до момента, когда мои родственные отношения с Микией будут разорваны.

Но мой противник оказался не из простых, потому что только этой весной Шики пришла в сознание. Микия просто сиял от счастья, когда рассказывал мне об этом по телефону, но это только укрепило мою решимость. Я не скажу ничего о моих чувствах, пока не выпущусь из старшей школы. Мне нужно быть честной с собой. И тогда я собралась с силами. Мой выбор старшей школы был идеален: школа-интернат под названием женская академия Рейен, где деньги были важнее оценок при поступлении. Это идеально подходило и мне, и моему дяде, который, будучи художником, только и желал снискать расположение потенциальных патронов моим присутствием в их кругах. И я обосновалась там, чтобы стать истинной леди в их понимании.

Прошло полгода с моего поступления, и сейчас я проживаю еще один проклятый Новый год, снова напоминающий мне о существовании Шики. Я планировала пойти в храм с Микией, но этот план провалился, когда пришедшая раньше Шики утатила его. Странно, как подобные ненадежные вещи постоянно встречаются в жизни, и как она всегда кажется их центром.

Я иду к району у залива, вид когда-то великих фабрик служит мне маяком. Старый индустриальный район все еще является домом для нескольких сталелитейных заводов, но по большей части это место ржавых дымовых труб, обрушивающихся кирпичных стен, заброшенных складов. В некоторых на потолках все еще висел асбест. В середине всего этого стоит офисное здание, которое вечно строится. Это последняя попытка оживить район, которая обречена на провал. Мой учитель в искусстве Магии, Токо Аозаки, каким-то образом узурпировала это место (в том смысле, что я не уверена, что это законно) и сделала его своего рода офисом для своего «бизнеса».

Когда я добираюсь до здания, то забираюсь по лестнице, каждый удар моих каблуков по ступеням отдается эхом. Первый этаж служит гаражом, и только Токо-сан знает, что обитает на втором и третьем, а четвертый – это офис, где часто оказывается и мой брат

Микия. Он работник, я ученица. Я открываю дверь и обозначаю свое присутствие ленивым приветствием.

- С Новым годом.

- Хм. С Новым годом, – также лениво отвечает Токо-сан.

Почему-то обычная жесткость, с которой она отдает приказы, не портит ее красоты. Наоборот, в тандеме с белой блузкой и черными брюками, Токо-сан начинает казаться еще более властной. Сейчас на ней не было очков, и можно даже усомниться, женщина ли это.

- Ты разве не планировала пойти куда-нибудь с дражайшим братцем? – с характерным отсутствием такта спрашивает она из-за своего стола.

- Планировала, но Шики утащила его раньше. И разве вы не рады, что я здесь, а не шатаюсь с Микией?

- Рада. На самом деле, мне нужно с тобой поговорить об одном деле.

Это странно. Токо-сан очень редко вовлекает меня в свои дела. Я наливаю ей чашку кофе и завариваю немного чая для себя, прежде чем сесть.

- Так о чем вы хотели поговорить?

Она кладет руки за голову и откидывается в кресле.

- Просто хотела спросить, призналась ли ты Кокуто.

О, ради всего святого. По ее тону я понимаю, что она абсолютно несерьезна.

- Нет, *не призналась*. И не признаюсь, пока не закончу хотя бы старшую школу. А теперь - есть ли что-то важное в моем ответе, что вы *настолько* захотели его услышать?

- Не. Просто прикидываю, насколько бы ты спокойно ответила в присутствии Кокуто. Меня удивляет ваше различие, и при этом ты любишь его. Может, тебя удочерили. Никогда не думала об этом?

Уголки ее рта поднимается в знакомой озорной улыбке.

- А сейчас я уже не знаю, шутите вы или нет, – отвечаю я и хмурюсь. Как будто прочитав это, Токо-сан тихо смеется.

- Азака, ты ведешь себя с такой ученой грацией, но иногда чистота твоих ответов очень освежает. Прости меня и мои глупые вопросы. Мне надо выбираться из своей системы хоть раз в году.

- Ну, я бы сказала, что вы отлично стартовали в новом году. Так о чем вы *на самом деле* хотели поговорить?

- Кое-что насчет твоей школы. Ты же на первом году женской академии Рейен? Насколько я знаю, у первогодок в классе Д случилось кое-что интересное. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Класс Д? Думаю, я догадываюсь, о чем она говорит.

- Класс, где была Каори Татибана, да? К сожалению, я в классе А, так что очень мало знаю о происходящем в другом классе.

- Каори Татибана, говоришь? Не могу сказать, что знаю это имя. Во всяком случае, в списке его нет.

Токо-сан хмурится, как будто она копается в своем мозгу в поисках пропажи. Я слегка наклоняю голову набок, думая, есть ли между нами недопонимание.

- Эм... а к чему вы об этом? – спрашиваю я.

- Так ты не знаешь? – вздыхает она. – Думаю, я должна была этого ожидать, зная, как академия Рейен пытается изолировать классы друг от друга. Видимо, только девушки из класса Д знают больше, – заключает она. – В любом случае, давай я расскажу тебе, что мне известно.

Токо-сан начинает рассказывать историю о странном происшествии, случившемся две недели назад. Прямо перед зимними каникулами между двумя ученицами класса 4-Д женской академии Рейен произошел какой-то спор, и в конце они пытались проткнуть друг друга канцелярскими ножами. То, что подобное случилось в Рейене, который обычно настолько неподвижен и тих, что выглядит герметично отделенным от остального мира, кажется мне очень странным. Хуже того, я ничего об этом не знала, что можно списать на школьную практику отделения классов друг от друга и тенденцию покрывать все, что может подмочить репутацию школы.

- Это ужасно, – говорю я, когда Токо-сан заканчивает историю. – Они серьезно поранились?

- Да нет. Меня больше интересует то, что они вообще друг на друга набросились.

- Да, понимаю вас. Рейен, в общем, не похож на место, где каждую перемену устраивают поножовщину. Значит, это должно быть что-то серьезное или что-то из их далекого прошлого. Или и то и другое.

- Верно. Причина их ссоры подождет. Есть еще более странная деталь. Я знаю, тебе непонятно, почему ты не узнала об этом раньше. В этом вопросе отчасти виновата политика Рейен, но в общем это не их ошибка. Просто они сами об этом не сразу узнали. Только когда мать-настоятельница начала просматривать записи лазарета, она обнаружила имена девушек и причину ранений. Она начала подозревать, что классный руководитель преднамеренно скрыл это происшествие.

Это был Хидео Хаяма, когда-то единственный классный руководитель-мужчина и один из двух мужчин-преподавателей за всю историю школы. Но он уже уволился, взяв на себя ответственность за пожар в ноябре. Он был уволен и заменен, но не монахиней, как обычно, а...

- Курогири-сан? Нет. Быть не может, – сама того не ожидая, говорю я. Токо-сан кивает.

- Мать-настоятельница сказала то же самое. Видимо, этот Курогири Сацуки всерьез принялся за работу и почти мгновенно заслужил всеобщее доверие. Когда мать-настоятельница спросила его о случившемся, он не смог вспомнить об этом происшествии. Она даже пошла и опросила участников инцидента, чтобы заставить его вспомнить. Но она не смогла вытянуть ни слова из Сацуки, он, казалось, на самом деле забыл об этом. Он никогда не казался матери-настоятельница человеку, который будет плести небывлицы. Поскольку он доказал свою надежность перед школой и учениками, матери-настоятельница пришлось его отпустить.

Но как может забыть человек что-то настолько важное всего за две недели? Это кажется невозможным. В то же время я сама не вижу причин для Курогири-сана подрывать доверие школы к себе.

- Что касается причин того, почему они пытались зарезать друг друга, - продолжает Токо-сан. – Все другие ученицы слышали об этом, поскольку две девушки начали ругаться в классе сразу после занятия, когда люди выходили в коридоры. Похоже, каждая как-то узнала о секрете, который они хранили друг от друга. И, наконец, главное. Когда их допрашивали, они обе говорили о секрете, который уже забыли.

- Что? Это звучит...

- Нелепо, знаю. Девушки были лучшими подругами. Мать-настоятельница рассказывала, что они всегда были вместе. Каким-то образом секрет всплыл и испортил их отношения. Насколько я помню, на допросе обе сказали, что примерно месяц назад они получили письмо, и сперва не могли понять ничего из прочитанного. В нем говорилось о старых секретах, которые каждая из них не хотела рассказывать другой. Они поругались и поняли, что обе получили такое письмо, прежде чем выхватить канцелярские ножи и начать нападать друг на друга.

Я не знаю, что сказать. Забытые воспоминания и секреты, упомянутые в письме, посланном кем-то, кого они не знали?

- Вы думаете, это новое дело, Токо-сан?

- Может быть. В письмах больше ничего не было. Ни угроз, ни требований. Даже сталкер, который следил бы за ними двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, не смог бы узнать о прошлом, о котором они сами забыли. Я не удивлюсь, если здесь замешан маг. Мне только интересно, какова его цель.

Зловещий тон истории начинает впитываться в меня. Исключая неприятное содержимое письма, это может быть очень интересно, даже забавно получать письма о твоей жизни, не зная, откуда они приходят. Но дайте месяц, и вы уже будете чувствовать себя так же, как эти девушки. Письма о вас, содержащие частицы жизни, которых вы сами не знаете, написанные кем-то, кого вы не знаете. Неведомая вам фигура, наблюдающая за вами день ото дня. Паранойя, охватившая двух девушек, со временем поглотила их. Неудивительно, что они дошли до таких отчаянных подозрений.

- Узнали, кто посылал письма? – спрашиваю я.

- Угу. Говорят, феи, – кратко отвечает Токо-сан.

- Простите. Вы не могли бы повторить?

Я не знаю, отразилось ли в моем голосе мое крайнее изумление.

- Феи. Что, ты не знаешь о них? Даже когда многие ученицы Рейен говорят, что видят их? Думаю, ты правда обделена Мистическими Глазами. Это довольно известный слух среди учениц. Феи, рассказывают они, будут играть у твоей подушки ночью, и когда ты проснешься, то поймешь, что воспоминания последних дней исчезли, как будто их и не было. Если это правда, а не какая-то безумная сплетня, феи с какой-то целью воруют воспоминания. Мне кажется, есть какая-то связь между этим и инцидентом в классе Д, – терпеливо объясняет она.

Хотя я все еще обучаюсь Магии под ее руководством и видела в действии чудеса колдовства, посмотрев на которые вы точно не пожалеете о потраченном времени, мне сложно поверить в сказки про фей.

- Вы думаете это правда, Токо-сан? Эта фантастическая история про фей?

- Я не могу говорить о том, чего не видела, но если и есть место, где могут быть феи, то это Рейен. Подумай. Это место просто идеально: изолированная территория, где никогда не услышишь даже слабого звука работающего мотора, управляемая суровейшими правилами и тихими монахинями, которые не позволяют последним веяниям культуры юности проникнуть в их заведение. Лес, занимающий большую часть земель, дремуч и достаточно велик, чтобы можно было по неосторожности заблудиться на полдня. Воздух пронизан настолько приятными ароматами, что ты готова стоять и смотреть, как течет время, глядя на минутную стрелку часов и ее медленное продвижение. Звучит вполне подходяще для фей.

- Ух ты, я удивлена, что вы знаете школу настолько... близко, Токо-сан.

- Конечно, я все-таки ее выпускница.

В этот раз я прилагаю все силы, чтобы звучать шокированной.

- ЧТО?!

- Прекрати на меня так смотреть, - говорит Токо-сан, приподняв бровь. – Что, ты думала, мать Ризбиф будет рассказывать последние школьные слухи чужаку? Она связалась со мной прошлой ночью, чтобы попросить меня разобраться в происходящем. У меня тут не детективное агентство, но я не могла отказать матери-настоятельница. Теперь я не могу пойти туда, поскольку слишком выделяюсь. Я не вытяну из учеников ни слова. Так что я долго и усердно думала... - она медленно произносит эти слова с улыбкой на лице, – о том, кто мог бы это сделать... Азака?

Нет. Я отворачиваюсь от нее. Я не хочу ее слышать. Она смотрит на меня, сузив глаза, после чего продолжает:

- Да ладно, Азака. Это же весело! Скажи, вот что ты представляешь, когда я говорю слово «фея»?

- Динь-динь, – быстро выпаливаю я, как будто это каким-то образом закончит разговор, от чего Токо-сан смеется.

- Удобное изображение, и весьма популярное среди магов, пытающихся сделать фею своим фамильяром. Но в отличие от фамильяров, настоящие феи – не существа, вызываемые волей мага, но живые существа разных видов. Вроде гоблинов, красных колпаков и даже *они*. Изменчивые твари, и их так много. В Шотландии еще есть истории о феях, играющих с людьми... даже истории о приступах забывчивости среди людей и заманивании детей в лес, чтобы украсть их на неделю, заменяя их идентичными двойниками. Хотя шутки фей постоянно меняются, они имеют общую уникальную черту: отсутствие сочувствия к своим жертвам. Они просто неспособны на такое. Они делают это, потому что считают это веселым, и не желают никому зла. Инцидент в Рейене может быть их работой, но письмо выбивается из их стиля. Это указывает на наличие злого умысла и манипуляции. Я опасаясь, Азака, что наш преступник может быть из первого типа фей, которых ты упомянула.

Как обычно, Токо-сан не упускает возможности рассказать мне что-то новое о невидимом мире, по которому она, кажется, так легко идет. И, как хорошей ученице, мне интересно узнать больше.

- То есть вы говорите, они фамильяры, управляемые каким-то магом? – спрашиваю я. Она удовлетворенно кивает.

- Да, и этот тип рожден от пойманного существа, это точно. Маг, видимо, использует фей, чтобы работать издалека, делать что-то с воспоминаниями студентов Рейена. Быть настолько заметным в своей работе очень непрофессионально для мага. Или, возможно, он не имеет пока достаточно сильного контроля над феями. Они всегда были изменчивы, и маги предпочитают им других существ. Но раз этот любитель навел нас на свой след, я думаю, для тебя это будет отличным тестом, Азака. Так что я, как твой учитель, приказываю тебе расследовать эти инциденты до окончания каникул. Найди источник и уничтожь его.

Ну вот и все. Токо-сан наконец сказала слова, к которым подводила меня все это время. Честно говоря, задание меня пугает, поскольку я чувствую скрытое значение: я отправлюсь туда одна, сражаться против кого-то, похожего на меня и Токо-сан, способного управлять нитями реальности. И она ожидает, что я вычислю его. Я стараюсь скрыть беспокойство уверенным кивком.

- Ну, если это ради большего тайного знания, то у меня нет выбора, - вздыхаю я в ответ. Токо-сан встает с кресла, чтобы дать мне какие-то документы, содержащие подробности происшедшего, но, прежде чем она передаст мне папку, я должна озвучить один вопрос, который мучил меня с момента, как я догадалась о задании.

- Но, Токо-сан, я даже не могу этих фей увидеть. У меня нет мистического взгляда или Мистических Глаз, как у вас.

Неожиданно она улыбается, это действие предвещает новую порцию озорства.

- Не забивай этим вопросом свою маленькую умненькую головку. Я думаю, что смогу достать что-то намного лучшее, чем просто пару глаз.

Хотя она давится от смеха, она не говорит мне, что имеет в виду.

Записи в забвении – 2

Я выхожу из преподавательской женской академии Рейен... к несчастью, *она* следует за мной по пятам.

- Знаешь, я тут думала. Может, Токо на самом деле дура, а мы этого просто не замечали. Четвертое января, понедельник. Полдень позади. Переменная облачность.

Рядом со мной идет забавная идея Токо-сан чего-то «лучшего, чем пара глаз». Враг.

- Из всех людей для проникновения в школу она выбрала тебя. В кои-то веки, я с тобой согласна.

- Отстой. В этот раз я явно в минусе: вынуждена устраивать цирк, прикидываясь переведшейся сюда в третьем семестре.

Идя по коридору здания старшей школы, мы стараемся не смотреть друг на друга. Имя девушки Реги Шики. Как и на всех ученицах, сейчас на ней надета форма Рейен - платье, скроенное по образу черного одеяния монахинь, которое почти всегда смотрится странно на любом японце. Но на Шики оно сидит идеально. Когда я вижу, как заметны ее черные волосы даже на черной ткани платья, и как оно не может скрыть ее тонких плеч и белизны шеи, даже я вынуждена признать, что она хорошо в нем смотрится. Так же хорошо, как любая тихая католичка, которой она, само собой, не является. Все это внушает мне легкое чувство отвращения.

- Азака, те две девушки только что на нас пялились.

И конечно, как настоящая дура, Шики пялится в ответ на старшекласниц, мимо которых мы только что прошли. Это не первый случай за сегодня, и после нескольких взглядов я, наконец, поняла, что их всех так интересует. В чисто женском заведении андрогинная внешность Шики выглядит какой-то ненормальной. Людей вроде нее здесь мало, и ее присутствие обязано привлекать внимание. Те две девушки, мимо которых мы только что прошли, хотели только поговорить с ней, как-то по-детски засмотревшись на такую редкость.

- Не обращай на них внимания. Ты новенькая. Переводные студенты в такое время – явление нечастое, вот и все, – предупреждаю я ее. – Это никак не относится к тому, что мы расследуем.

- Как-то много учеников для зимних каникул, не находишь?

- Хм. Это школа-интернат. Многие из учеников живут далеко и предпочитают оставаться тут на каникулы. Открыты только библиотеки на первом и четвертом этажах, но поскольку в общежитиях и так все есть, в главное здание почти никто не ходит. Если, конечно, тебе не нужно доложить монахиням о нарушении какого-то правила.

Правила, которые очень, очень строги, и нарушение которых определенное количество раз становится достаточным поводом для исключения. «Не выходить наружу» - самое жестко соблюдаемое указание, и исключения не сделают, даже если пожаловали твои родители. И все же деньги доказали, что это можно легко обойти, что я наблюдала в случае с моей бывшей подругой, Фуджино. Будучи человеком с достаточным капиталом, который пожертвовал значительную сумму школе, отец Фуджино мог вытащить ее из школы когда она только хотела. Что касается меня... ну, конечно, помогли мои оценки, и это привело к тому, что моего дядю наняли в Рейен художником (что однозначно подходило его корыстным мотивам при оплате моего поступления). После этого они были более терпимы к моим экскурсиям.

Уберите религиозный налет, и Рейен сам по себе не так сильно отличается от других старших школ. Ученики будут учиться до упаду просто чтобы пройти экзамены для поступления в университет, ведь тут учат элиту. По правде говоря, я думаю, что школа

взяла меня из-за высоких оценок, видя во мне кандидата, которого можно с гордостью послать в Токийский Университет (что я и планировала сделать). Хотя управление может быть слегка зациклено на числах, которыми можно похвастаться, меня это особо не трогает. По крайней мере, они дают мне свободу перемещений.

Я вырываюсь из своих мечтаний как раз вовремя, чтобы заметить, что мы вышли из главного здания, и, стоя рядом со мной, Шики уже некоторое время пялится на него безразличным взглядом. Потом, словно устав от этого, она смотрит на меня, лениво теребя висящий на шее крест.

- Странное место. Не могу сходу сказать, обычные ли они учителя или просто монахини. О, а мы разве не прошли мимо часовни? Это там они проводят эту их «мессу»? Наш Отец, с магией на небесах и все такое?

Ох, Шики, невежественная дурочка. Как вообще Бог связан с магией?

- Там проводятся утренние и вечерние службы, - отвечаю я. – И мессы по воскресеньям. Хотя ученики не обязаны участвовать. Люди вроде меня, которые поступили в Рейен после начальной или средней школы, обычно не являются христианами, так что мы туда не ходим. Монахини хотят, чтобы мы присутствовали, но... ну ты знаешь, как это бывает. Внезапный наплыв богатых-но-не-обязательно-христианских семей, посылающих сюда своих умниц-дочек, в сочетании с родителями, не желающими отдавать своих детей в учреждение, навязывающее католическое образование, вынудило их ослабить стиль миссионерской школы.

- Сколько геморроя, - вздыхает Шики. – Готова спорить, Богу на это тоже наплевать.

От ее вида в этой форме и от острого, вульгарного языка, я чувствую себя слегка неудобно. Я быстро меняю тему.

- Ну, забудем на время о Боге, но что насчет фей? Видишь что-нибудь? Любые следы магии? – я спрашиваю, продолжая идти по школьной территории.

Шики качает головой.

- Ничего. Думаю, у нас нет выбора, кроме как дожидаться ночи, - говорит она, окидывая сонными глазами здания, обильную растительность и каменные дорожки, украшающие школу.

Шики, как и многие маги, может видеть то, что скрыто от большинства обычных людей. Магический взгляд ее Мистических Глаз позволяет ей видеть призраков и духов... и даже значительно более пугающие вещи. Ее вид зрения дает ей власть над смертью и энтропией, и выражается для нее в наборе линий на объекте. Видимо, разрезая их, она может вложить энтропию в объект и уничтожить его. Помимо этого, ее семья является мастерами боевых искусств, и по ней это хорошо видно. Ее рефлексы быстры, а она сама эффективна и жестока.

Другими словами: женщина, являющаяся практически полной противоположностью моего брата, Микии. Абсолютно ему не подходит. Из всех знакомых людей, Шики раздражает меня больше всех. И именно из-за нее я стала учиться у Токо-сан магии. Потому что если девушка Микии была бы обычной, она никогда не сравнилась бы с кем-то вроде меня. Но, очевидно, с Шики все значительно сложнее. Так что я плюнула на здравый смысл и приняла предложение Токо-сан. Сейчас я все еще учусь, но до сих пор не сравнилась с ней, так что я провожу много дней в школе, балансируя между обычной учебой и практикой в Магии. Но пусть я и считаю Шики врагом, есть одна деталь, которую я до сих пор отказывалась озвучивать.

- Мне придется провести ночь в вашем общежитии. Обычно мне не нравится спать в кровати, которую не я сама проверила и приготовила, но сейчас придется снизить стандарты. – Шики завершает предложение вздохом поражения.

На самом деле, Шики меня не ненавидит. И я сама не ненавижу ее. Я всегда думала, что если бы Микии между нами не было, мы бы стали лучшими подругами.

- Так что дальше, Азака? - спрашивает Шики. – В общежитие?

- Может быть, лучше потратить время, которое у нас есть, на расследования, а не сидение в комнате? Пойдем поговорим с классным руководителем класса Д. Просто следуй за мной. В этом деле ты моя собака-поводырь и лучше используй свои Глаза чтобы изучить каждого, с кем столкнешься.

- Классного руководителя звали Хаяма или как-то так?

- Старая информация. Хаяма-сан покинул школу в ноябре. Классный руководитель теперь Курогири Сацуки-сан, единственный мужчина-преподаватель в школе, – я начинаю заходить внутрь, направляясь к квартире учителей английского языка, а Шики верно следует за мной.

- Мужчина-учитель в чисто женской школе. Думаю, это должно будить латентные чувства в некоторых девушках, а?

Я не отвечаю ей, но, по-своему, она права. Ученицы Рейена воспитываются так, чтобы соответствовать школьному идеалу молодой женщины, и в этом росте мужчины считаются препятствием. Одна из главных причин, по которой школа очень не одобряет прогулки наружу - это общение между парнем и девушкой в таком возрасте. Скользкая дорожка, ведущая к запретным сексуальным отношениям. Но мне всегда казалось, что наличие мужчин-учителей подрывало эту философию.

-Ну, да, - наконец отвечаю я после паузы. – Но эта тема – настоящее минное поле, поэтому потише. Хидео Хаяма был непопулярен не только потому, что подозревался в отсутствии настоящей учительской лицензии, но и потому, что вокруг него ходили слухи о приставании к ученицам.

- Что? Так какого хрена его сразу не выставили отсюда? – подняв бровь, спрашивает Шики.

- Сестры и мать-настоятельница были вынуждены закрыть на это глаза, потому что... ну, скажем так, фамилия председателя совета директоров – Одзи, но до свадьбы он делил фамилию с Хаяма-саном.

- Хе-хе, – заговорщически шепчет Шики. - Брат председателя, или что-то в этом духе. Если это так, то вопрос надо ставить следующим образом: почему он вообще вот так ушел?

Я быстро осматриваюсь, чтобы убедиться в отсутствии свидетелей. Потом оборачиваюсь к Шики и говорю:

- Помнишь, в прошлом ноябре мы были в офисе Токо-сан? Я упоминала про пожар в школе. Пострадали только общежития класса С и ниже, но сам пожар, предположительно, начался в классе Д, и говорят, что за этим стоял Хидео Хаяма-сан. Очевидно, председатель сам уволил его, но к этому моменту Хаяма-сан уже исчез. Наверное, сбежал. Новости о поджоге никогда не выходили за стены школы. Видимо, все пожарные были подкуплены, также как и значительное количество родителей и опекунов учеников. Никто не хочет портить славное имя школы, где учатся их драгоценные дочки. Но тогда случилось еще одно несчастье.

В том пожаре кое-кто... погиб.

- Так этот Курогири, какой он? – спрашивает Шики.

- Я мало чего могу рассказать о нем, кроме того, что он полная противоположность Хаямы. Не думаю, что в школе есть кто-то, кто ненавидит его. Он начал работать прошлым летом, и, в отличие от Хаяма-сана, не пользовался ничьей помощью, чтобы попасть сюда. Хотя я слышала, что сама мать-настоятельница очень хотела заполучить его. Из того, что я знаю, она на самом деле хотела, чтобы учителя были носителями

английского – как в давно покинувших нас сестринских школах – но могли говорить по-японски. Конечно, такие люди редкость. Но с Курогири-саном ей повезло.

- Так он один из тех учителей английского, я правильно поняла?

Довольно странно - Шики хмурится, когда спрашивает это. Возможно то, что она во всем отдает предпочтение японским вещам, и привело к появлению какой-то нервной аллергии ко всему английскому.

- Да, но с лицензией для обучения французскому и немецкому. Он даже изучает мандарин и какой-то южноамериканский язык. Поэтому мы называем его языковым задротом. Признаюсь, иногда из-за этого с ним сложно иметь дело.

Я останавливаю себя, чтобы не сболтнуть лишнего - мы оказались перед квартирами учителей. В Рейене учителя делают большую часть работы в учительской, но все они расквартированы по отдельным комнатам. Эта комната для учителя английского, и та же комната, которой когда-то пользовался Хидео Хаяма.

Я осторожно глотаю воздух, чтобы Шики не заметила этого. Потом стучу по двери два раза прежде, чем ее открыть.

Когда я и Шики входим, то обнаруживаем Курогири Сацуки, сидящим за своим столом в дальнем конце комнаты, спиной к нам. Он погружен в работу. Его стол стоит перед окном, из которого в комнату попадают пепельно-серые лучи солнца. Как у любого хорошего учителя, везде разбросаны толстые стопки бумаги: на стуле, в шкафу, выглядывают из комода. Все в каком-то ему одному известном порядке.

- Курогири-сан. Я Азака Кокуто из класса 1-А. Мать-настоятельница рассказала о моем вопросе?

- Да, - отвечает он, сопровождая слова кратким кивком и оглядываясь через плечо.

Он разворачивает кресло, чтобы сесть к нам лицом. Когда его лицо встречается с нашими, я замечаю, как резко вдохнула Шики. Меня это не удивило. На самом деле, я ожидала этого. Я тоже отреагировала похожим образом, когда впервые увидела его.

- А, Кокуто. Да, мне сообщили. Пожалуйста, присаживайтесь. Я думаю, что нужно будет провести некоторые разъяснения.

Его голос настолько же мягок, насколько и его улыбка. Кажется, ему от двадцати до тридцати лет, и если это так, то он оказывается самым молодым учителем в Рейене. Скромные черты вместе с очками в черной оправе легко делают его одним из наименее внушительных людей.

- Я полагаю, вы здесь насчет класса Д.

- Да. Точнее, мы насчет студентов, которые пытались ранить друг друга ножами.

Мой ответ заставляет его глаза прищуриться, а взгляд направить куда-то далеко за мою спину, и на один момент я вижу там тяжелую печаль и безутешность.

- Очень сожалею, что не могу помочь вам. О происшедшем я помню очень мало. Моя память подводит меня, но я знаю, что не смог остановить девушек до того, как они ранили друг друга. Я знаю, что был на месте происшествия, но воспоминания после этого, боюсь, ненадежны.

Он закрывает глаза.

Почему этот человек и он так схожи? Так готовы бросить себя на проблемы другого человека, когда не их очередь волноваться об этом? Они не кажутся людьми, которые могут навредить кому-то другому, и еще слабее кажутся способными пропустить опасную ситуацию, как с двумя ученицами.

- Курогири-сан, вы знаете причину их ссоры? – спрашиваю я, просто чтобы удостовериться, но Курогири Сацуки только молчаливо качает головой.

- Если верить другим ученицам, я остановил их, но я точно не помню, как это случилось. Меня часто называли забывчивым, но я думаю, это первый раз, когда я забыл что-то настолько важное. Что касается причины их спора, я правда не знаю. Возможно, это могло случиться из-за меня. Ведь я был в той же комнате, когда это началось. Думаю, этого достаточно, чтобы расследовать мое участие в инциденте.

Его задумчивое лицо мрачнеет.

Не могу сказать, что я не сомневалась бы в себе, если бы была в подобной ситуации. Любому покажется подозрительным, что он был там, и, тем не менее, не может ничего вспомнить, и вдвойне подозрительно то, что он не помнит ни одного мгновения. Сомнения в себе будут логичным следствием. Он не помнит, что сделал, если его и спровоцировали. Не помнит, какие воспоминания потерял. Но подозревать себя вполне логично, особенно с учетом отсутствия любых оправдывающих доказательств. И дальше ты будешь все больше и больше подозревать себя, пока это не поглотит тебя, до тех пор, пока ты не убежишь.

- Но, Курогири-сан, разве в кабинете не было других учеников класса 1-Д? Вы опросили всех студентов?

- Да, но они молчат о случившемся, как будто все хотят забыть об этом. Память может быть изменчивой, и я не могу полагаться на то, что их воспоминания полностью правдивы. Вопрос о моем участии в инциденте все еще стоит ребром. В любом случае, я не думаю, что вы узнаете от меня много больше о случившемся. Я знаю, что могу сейчас казаться ненадежным, но если у вас остались вопросы, я буду рад ответить на них.

Он снова улыбается, теперь слабее, и я киваю ему.

- Да, давайте продолжим. Вы сказали, что они не хотели говорить с вами о случившемся. Вы считаете, они могут бояться признаться из-за вас?

- Не могу сказать наверняка. Класс всегда был заметно... напряженным, даже в день, когда я был назначен ответственным за них. Может, не мне это говорить, поскольку я недолго был их классным руководителем, но они необычно тихие.

- Вы думаете, они могут быть напуганы?

Пока я задаю вопросы, то думаю, почему другие студенты не смогли предотвратить кровопролития. Может ли быть, что письмо получили все ученицы класса, а не только эти двое? Это бы все объяснило. Каждый попадает под подозрение, что именно она была отправителем, и это мгновенно заставляет их с подозрением смотреть на двух девушек. Возможно, им казалось, что драка - это выявление настоящего отправителя. Но ответ Курогири-сана ломает мою теорию.

- Нет, - медленно отвечает он, давая себе время поразмыслить над ответом. - Мне кажется, не напуганы.

- Тогда что?

- Будет, наверное, правильнее сказать, что они... скованны, может быть, настороже. В отношении чего, я не знаю.

И снова я не пропускаю этот нюанс мимо ушей.

Другими словами, он говорит, что проблема всегда оставалась внутри, она никогда не доходила до сторонних ушей.

- Курогири-сан, можно связаться с вашими ученицами?

Я чувствую, что мне придется напрямую спросить свидетелей. Эти потерянные воспоминания делает фантастическую теорию Токо-сан о феях более правдивой с каждой секундой, и мне придется расспросить людей, распространяющих слухи, в том числе и об этом.

- Нет нужды связываться с ними. Они все здесь, в общежитие, так что вы можете поговорить хоть сейчас.

Это застает меня врасплох. Все они здесь, в школе? Это совпадение или чья-то работа?

- Возможно, позже. У меня уже запланирована другая встреча. Однако, у меня могут возникнуть новые вопросы, если вы не имеете ничего против. Шики, пошли.

Последние несколько минут девушка была непривычно молчалива. Я привлекаю ее внимание и знаком велю следовать за мной. В этот момент замечаю, что Курогири-сан уставился пустым взглядом на меня и Шики, потом его взгляд приклеивается к Шики.

- Курогири-сан, вы что-то хотите...

Прежде чем я заканчиваю, Шики говорит:

- Азака-сан называет меня по имени, Курогири-сан. Меня зовут Шики. Приятно познакомиться.

Чудо. Она, должно быть, собирает всю свою волю, чтобы говорить так вежливо, и я не могу сказать, сочтется ли из ее голоса сарказм или нет. С ней про такое никогда нельзя сказать наверняка.

- Да, ваше молчание привлекло мое внимание. Я приношу свои извинения, - говорит преподаватель. – Кажется, я не видел вас ранее. Вы новенькая?

- Возможно. Только время покажет. Осматриваю школу. Если найду ее подходящей, я переведусь сюда.

- Очевидно, вам уже понравилась форма. Поторопитесь с решением, – говорит Курогири-сан с еще одним кратким кивком. Он смотрит на Шики с видом явного восторга, подмечая каждую деталь, как художник на модели.

Нашу беседу прерывает вежливый стук в дверь. Снаружи раздается приглушенный стеной голос.

- Прошу меня извинить.

С легким скрипом открывается дверь, и внутрь входит старшеклассница, ее миндальные глаза с холодным отчуждением осматривают комнату, и легкий ветерок, дующий через окно Курогири-сана, заставляет ее длинные волосы колебаться. Рейен уже является домом многим красивым девушкам, но даже здесь эта девушка выделяется. Ее лицо мне знакомо. Я не забуду лицо нашего президента студенческого совета с прошлого года. Когда она смотрит на тебя, кажется, что она рассматривает тебя сверху, и длинные, тонкие брови дают ей лицо величественной командующей.

- А, Одзи. Уже пора? – Курогири-сан обращается к ученице, Мисае Одзи.

- Да, Курогири-сан. Уже давно пора, - уверенно отвечает она. – Вас ждали в кабинете студенческого совета в час. Время не бесконечно, так что нам нужно правильно распорядиться тем, что у нас имеется.

Не моргнув глазом, Одзи отчитывает провинившегося преподавателя. Она ведет себя с величественной грацией, на которую только способна, и это залог ее жесткого правления студенческим советом. К моменту, когда я перевелась, она уже занимала свое место, но если верить тому, что Фуджино рассказывала мне, даже сестры не могли ее коснуться. По слухам, не может и председатель совета директоров, который является ее родственником.

Это вполне естественно, учитывая, в какой семье она родилась. Председатель, который после свадьбы стал членом семьи жены, не может игнорировать Мисаю Одзи, вторую дочь семьи. Одзи плутократы; старые богатые семьи с именем на здании на паре улиц. Они имеют странную практику удочерения детей, и все их свадьбы – договорные, так что в семью они берут лишь лучших женихов. После свадьбы с дочерью Одзи, они вынуждены брать их фамилию, в то время как девушки воспитываются, чтобы стать личностями с большой силой воли, достойными отпрысками финансовой империи. Такое воспитание сделало Мисаю Одзи железной леди. И все же она не полный тиран. На деле она обладает сильным чувством справедливости. Она безжалостна к тем, кто нарушает

школьные правила, но для тех, кто следует им, она хорошая сестра и образец для подражания. К тому же она набожная христианка, посещает мессы каждое воскресенье.

- Строги как всегда, Одзи-сан. Возможно, будет разумен более гибкий взгляд на время и вечность.

Улыбаясь, учитель встает и покидает свое место, Мисая Одзи следит за каждым его движением с видимым нетерпением. Очевидно, женщину, столь ценящую дисциплину, неторопливый темп Курогири-сана ужасно раздражает.

Одзи на секунду бросает взгляд в моем направлении, а потом смотрит на Шики, поднимая бровь в попытке опознать нас. Осознав, что мы доставляем ей неудобства одним своим присутствием, я тяну Шики за руку, как бы говоря ей, что мы не должны испытывать удачу, и лучше бы нам уйти.

- Пошли, Шики, - шепчу я, идя к выходу.

Курогири-сан открывает нам дверь в манере, сходной с манерой дворецкого, и я вынуждена пробормотать быстрое извинение и поклониться, прежде чем выйти за порог.

- Нет, нет, - быстро отвечает учитель. – Это я должен извиниться за то, что не смог быть вам более полезен. Приятных каникул вам обеим.

Он улыбается нам последний раз на прощание.

- Вы всегда так печально улыбаетесь, Курогири-сан?

Я поворачиваю свою голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как Шики задает ему этот вопрос. Его глаза расширяются, но не от удивления, а больше от предвкушения, и он кивает.

-Хм? Но я ни разу не одарил вас улыбкой, дорогая моя, – отвечает он, хотя мимолетное выражение его лица говорит об обратном.

Покинув комнату учителя английского, я и Шики быстро идем к общежитию. По пути мы проходим через большой квадрат. Женская академия Рейен имеет почти столько же земель, сколько и университет, и это отражается на расположении зданий. Средняя школа, старшая школа, спортзал и общежития расположены в отдельных зданиях, словно в попытке заставить учеников ходить как можно больше. Расстояние между зданиями школы и общежитий весьма велико, между ними лежит маленький лес. К счастью, есть крытый переход, так что вы не заблудитесь и можете пройти из одного здания к другому, не переобуваясь в уличную обувь.

Пройдя через двор, мы оказываемся на пути к общежитиям. Каждый шаг создает тихое эхо. Я бросаю взгляд на Шики и замечаю, что она выглядит немного странной... более, чем обычно. Что-то беспокоит ее. Я, кажется, знаю, что.

- Курогири-сан похож на Микию, да? – спрашиваю я ее ни с того, ни с сего.

- Угу, - кротно кивая, отвечает Шики.

- Но все же немного посимпатичнее, чем Микия.

- Может быть. Вроде, с ним все в порядке.

Так мы пришли к согласию. Когда я впервые увидела Сацуки Курогири, я опешила – так же, как и Шики – оттого, насколько он похож на моего брата, и внешне, и той атмосферой, которая от него исходила. Его черта принимать все казалась еще сильнее, чем у Микии из-за разницы в возрасте. Для людей вроде меня и Шики, которые не могут приблизиться к другим людям, встретить такого человека всегда чревато шоком.

Смотреть на Курогири Сацуки для меня – это напоминать себе о правде, которую я не могу вынести: я никогда не смогу быть нормальной, как Микия. Я не помню, когда точно я осознала это, но я знаю, что плакала. Где-то там, захороненная в забытых воспоминаниях ранних лет, лежит сцена момента, когда я понимала его - понимала, что пока я жила под одной крышей с ним, я все сильнее и сильнее влюблялась в него.

Парадокс моего существования. Братья и сестры не должны думать о таком, я знаю, но я не жалею об этом. Если я о чем и сожалею, то только о том, что не смогла запомнить этот важный миг.

- И все же не важно, насколько он похож на него, этот человек не Микия Кокуто, но человек, по имени Сацуки Курогири. Не спутай одного с другим, – предупреждаю я Шики.

Могу сказать, даже когда она идет рядом со мной, что она разделяет эту точку зрения. Но вместо того, чтобы кивнуть, она хмурится и бормочет:

- Не то чтобы они были похожи друг на друга. Это, скорее, похоже на...

Ее слова стихают сами по себе, когда она замирает, глядя вглубь леса.

- Азака, в лесу что-то есть. Возможно, какое-то деревянное здание? Что это?

- А. Это старое здание средней школы. Долго не использовалось, собираются снести во время зимних каникул. А что?

- Пойду гляну. Мне показалось, я что-то заметила. Иди без меня.

С шорохом формы, она начинает бежать в лес.

- Шики! Подожди! Ты обещала, что не будешь шататься тут сама по себе! – кричу я ей вслед, но без толку.

Эта девка такая своевольная, что нужно чудо, чтобы она оглянулась на простые крики.

- Азака Кокуто?

Прежде чем я могу сорваться вслед, я слышу, как кто-то окликает меня из-за спины.

Для тебя есть новая работа, Шики.

Вечером второго января Токо сказала по телефону слова, которыми отправила меня на необычное задание. Достаточно странное происшествие в школе Азаки, женской академии Рейен, но задание вычислить преступника было едва достаточным для того, чтобы я согласилась.

Я, Реги Шики, присоединилась к делам Токо Аозаки несколько месяцев назад только из-за обещания возможности убийства. Но эта работа так далека от моей цели. Она как лечение людей - *полярно противоположна*. Даже и близко недостаточно, чтобы наполнить меня, а уж тем более удовлетворить. Думая об этом, я понимаю, что, несмотря на обещания возможностей, которых, по словам Токо, будет в избытке, я все еще не убила ни одного человека.

Да, конечно, был один момент с девушкой, которая могла гнуть предметы взглядом, но это закончилось не так хорошо, как я рассчитывала. В последний момент, пусть жажда крови и переполняла меня больше, чем когда-либо, я не смогла убить ее. Не такой, какой она была в тот момент. Но это была хорошая битва. Одна из лучших. Видимо, это компромисс, с которым мне придется жить.

Однако последние несколько недель не давали возможностей для подобных экскурсий, так что голод неудовлетворения поглощал меня. Наверняка поэтому я и приняла тоскливую работу, которой сейчас занимаюсь. Кроме того, мне все равно нечего делать. Как мне видится, мало разницы между сном в моей комнате или хождении в женскую академию Рейен и сном в общежитии Азаки. По крайней мере, в последнем случае есть больше возможностей выбраться наружу и подвигаться. Так что я здесь, в этом интернате чванливых девиц, изображаю ученицу на экскурсии, собирающуюся перевестись сюда в третьем семестре, и пытаюсь найти фей, которых Азака не может видеть.

Проходя мимо ряда деревьев, я замедляю свой бег до быстрой ходьбы, и, когда вижу, что Азака не преследует меня, просто иду. Глубоко в чаще стоит деревянное здание школы, едва видимое под саваном из зеленого и коричневого, перекрывающим мое зрение со всех сторон. Будь то из-за пасмурного неба или какого-то другого, невидимого влияния - солнечный свет, проходящий через кроны деревьев, больше похож на туман.

Расстояние между зданиями женской академии Рейен настолько большое, что время и пренебрежение позволили зелени бурно прорасти везде, кроме самых активно используемых троп. Большая часть территории покрыта густым, расползающимся лесом. Забудьте о лесе в школе, это скорее можно назвать школой, затерянной в лесу.

Почва покрыта листвой, которая пристаёт к моим туфлям и наполняет воздух знакомым ароматом, горько-сладким запахом зрелых фруктов. Все это, объединяясь с шумом насекомых в листве, почти отравляет меня. Время, кажется, замедляет свой ход, и чувствуется уютное знакомство со всем этим, создавая обманчивую иллюзию отделения от остального мира. Я вспоминаю мага, который построил здание со своей собственной реальностью, и старые воспоминания об особняке Реги, отделенном от остального общества. Оба места, отделены от нормальности мира. Как и эта школа.

Вскоре я добираюсь до здания, которое, как я теперь вижу, стоит в центре поляны из срубленных деревьев. Дизайн здания старомоден, даже если забыть о его деревянной конструкции, и оно бездыханно стоит в центре леса, словно спящее существо или человек на смертном одре, ждущий своего конца. Земля на поляне покрыта сорняками, и мои шаги приглушаются, когда я наступаю на них. Пройдя через них так быстро, как только можно, не нарушая тишины этого места, я вхожу в здание.

Внутри я обнаруживаю, что оно не настолько разрушено, как могло показаться снаружи. У меня есть ощущение, что здание меньше, чем есть на самом деле, видимо, потому, что Азака сказала, что это бывшая средняя школа. Каждый шаг по деревянному полу рождает громкий скрип. Шум эхом разносится по пустынному коридору, становясь все неразличимее с расстоянием и смешиваясь со звуком насекомых.

Когда я вхожу, мои мысли возвращаются к учителю, которого мне представила Азака. Сацуки Курогири. Азака сказала, что он очень похож на Микию, и она права. Но в этом нет ничего особенного. Многие люди выглядят схоже. Но когда даже атмосфера вокруг него такая же, как у Микии, это становится на самом деле тревожным. Но здесь я чувствую большое отличие между ними, которое вертится у меня на языке, но я не могу точно выразить его. В последнее время я часто ощущаю это чувство. Не знать, но ощущать. Очень по-человечески.

Когда я полгода назад вернулась в сознание, я все еще была охвачена невыразимым чувством одновременного знания и незнания, встречи с чем-то, получения чувства обновления и знакомства. Но сейчас я столкнулась с вещами, о которых даже старая *Шики* не могла знать. Теперь, сильнее чем когда-либо, я ощущаю, насколько на самом деле различны *Шики* и я до происшествия и после прихода в сознание, хотя все мы слабо связаны. Медленно, пустота в моей душе, о которой говорила Токо, наполняется новыми воспоминаниями, тривиальной реальностью и мелкими эмоциями. Я все еще чувствую старое ощущение отсутствия жизни, но пустота, которую я чувствовала, впервые проснувшись, исчезла бесследно. Быть может, однажды придет день, когда эта пустая душа будет наполнена, и я даже начинаю ощущать слабую мечту о нормальности.

- Наша маленькая мечта, **Шики**? - шепчу я себе. Я знаю, что ответа не услышу.

- Мечта дурака, думается мне.

И тем не менее, некто невидимый отвечает мне.

Голос похож на тихое бормотание, и он разносится по коридору, пока не смешивается с какофонией насекомых.

И потом я чувствую, как что-то колет меня в шею.

- Черт возьми.

Легкое прикосновение возвращает меня в реальность. Быстро, я переношу руку на затылок и чувствую, что держу... что-то. На ощупь кажется, что это фигура человека, лишь немногим больше руки. Не раздумывая, я сжимаю руку и давлю это. Оно издает подозрительно высокий резкий звук. Я опускаю руку и смотрю на ладонь.

Странная желтая жидкость. С раскрытой ладони эта тягучая, липкая жидкость стекает на пол. Это единственное, что осталось от той штуки, которую я раздавила? Я вспоминаю, что Токо и Азака говорили о феях. Я никогда не видела ничего подобного, и не могу сказать, относиться ли эта гадость в моей руке к делу или нет.

- Фу, - комментирую я, отряхивая руку от субстанции.

Странно, но, несмотря на ее предыдущее сходство с клеем, сейчас она сходит с руки довольно легко. Я не сразу замечаю, что, пока я изучала жидкость, место словно вымерло. Даже резкий шум насекомых исчез. Если это были вообще насекомые. Если то, что я уничтожила, было феей или чем-то вроде этого, то она не могла быть одна. Что-то, что настолько легко разрушается, для мага будет бесполезным. Значит, их должен быть целый рой. И жужжание могло исходить от них, их хозяин предпочел спешно отступить, пронаблюдав мой крайний энтузиазм в уничтожении их товарища.

В любом случае я не думаю, что в этом здании есть еще что-то полезное для меня. Проходя через деревья обратным путем, я выбираюсь на аллею в середине леса, где оставила Азаку, и скоро снова нахожу ее.

Азака лишь немногим ниже меня, волосы достигают середины спины. Если девушка Одзи, которую мы встретили, ведет себя как королева замка, то Азака напоминает принцессу. Ну, принцессу упрямства, если другого титула нет. Я выхожу из леса и приближаюсь к ней, когда она наконец-то замечает меня.

- Э? Решила все-таки не делать этого, Шики? – спрашивает она озадаченно.

- Решила не делать чего?

- Идти туда, дура.

Она кивает головой туда, откуда я только что пришла. Мы пребываем в недоумении, пока я не понимаю, что случилось:

- Азака, - спрашиваю я, - ты знаешь, сколько сейчас времени?

- Должно быть около двух, навер...

Ее слова обрываются. Я знаю почему. Сейчас уже почти три.

- Не ожидала, что ты будешь стоять здесь и ждать меня целый час. Если ты помнишь, что случилось за этот час, никаких вопросов, но...

Я замолкаю. Молча, Азака начинает дрожать, прижимая палец к губам, как будто только сейчас поняла, что случилось. Она даже не пытается скрыть своего изумления, глядя в пространство.

Но я уже могу сказать – и она это знает - девушка не может вспомнить ничего из промежутка времени между моментом, когда она окликнула меня, и временем моего возвращения.

- Шики, не может же быть, чтобы я...

Она говорит обрывочно, дрожа от головы до пят, не от страха, но от чистой злости. Она не может вынести мысль, что кто-то с ней так поступил, а она даже не заметила этого.

- Не знаю, нужно ли мне говорить это, - я начинаю озвучивать то, что она сама отказывалась произнести, - но до тебя добрались феи. Забрали часть памяти, судя по всему.

Когда я говорю это, ее лицо становится ярко-красным. Осознание собственной неосторожности, позволившей подобраться к ней как к новичку, - из-за смущения ей сложно выбрать, злиться ей или стыдиться. Большую часть времени Азака очень спокойна и собранна, но она не любит, когда люди знают, что она может взорваться, как и любой другой человек. Это очень не соответствует стилю, над которым она так долго работала.

Азака прочищает горло:

- Мы пойдем назад в общежитие. Кажется, нам самим нужно выработать стратегию.

В ее голосе слышно раздражение, ее шаг быстр и решителен. Глядя на ее спину, я задумываюсь, что бы она подумала, если бы я рассказала, что восхищаюсь ей в такие моменты.

- Шики, ты идешь или как? - говорит она, хотя это больше похоже на крик.

Ну, у меня нет времени думать об этом. Я быстро иду за ней, подыгрывая ее выходкам, как и обещала.

Вернувшись в общежитии, мы поговорили с несколькими ученицами класса Д. В это время на улице уже стемнело. Хотя в школе и каникулы, правила, похоже, все еще действуют, так что нам пришлось вернуться в комнату Азаки.

После шести вечера ученицам запрещено ходить куда-либо кроме частей общежития, выделенных их классу, ванной и учебного зала на первом этаже. Ученицы, переведшиеся сюда в старшую школу, по глупости иногда пробираются в комнаты их подруг, расположенных в других частях общежития, и по этой причине некоторые из сестер патрулируют коридоры ночью. Ученицы, которые были здесь со средней школы, уже привыкли к этому, так что они или не выходят, или если все-таки делают это, то уже знают маршрут, от которого монашки держатся подальше, и их никогда не замечают.

По крайней мере, именно это Азака только что вежливо рассказала мне. Поскольку меня все это мало касается, все, что я могу делать, это сидеть в ее комнате и ворчать. Азака сидит в своем кресле. Наша комната узкая, но длинная, и первогодки делят комнату с другой девушкой. К счастью для меня, сожительница Азаки уехала домой на зимние каникулы. У стены стоят две учебных парты и двухъярусная кровать для нас обеих. Личные вещи отправляются на книжные полки и в шкафы у стен. Комната такая же старая, как и все здание, но это тот тип антикварности, где ты чувствуешь успокаивающий вес мирной истории.

Азака уже переделалась в пижаму - в ту же минуту, как мы вернулись в комнату. Я сама хотела вылезти из этой тесной униформы, но не привезла никакой смены одежды, так что похоже, мой выбор ограничен рясами, которые есть у Азаки. Не придумав ничего лучше, я сажусь на кровать и слушаю ее объяснения.

- Раз мы не можем покидать комнаты по ночам, - продолжает она, - закругляемся на сегодня. Обычно мы бы проснулись в пять для утренней службы, но поскольку сейчас каникулы, мы можем спать до шести. Помни, Шики, другие ученицы и сестры не знают, что мы расследуем инцидент в классе Д, так что, пожалуйста, постарайся не быть слишком странной и не привлекай лишнего внимания. В отличие от тебя, мне еще предстоит здесь учиться, так что не устраивай переполох, который подорвет мою репутацию.

Все это, практически слово в слово, я слышала прошлой ночью. Я честно не понимаю, почему она так беспокоится. В какой-то обратной зависимости мне настолько скучно, что я и не хочу ничего делать.

- Расслабься, я здесь только чтобы быть твоими глазами, так что даже не привезла свой любимый нож. Я не имею ничего против этого мага фей, кем бы он ни был, так что я не чувствую особой нужды расправляться с ним. Я больше волнуюсь о том, что в погоне за этим парнем ты не справишься со своим темпераментом.

- Не говори глупостей. Я знаю, что наша цель лишь идентифицировать источник феномена, а не уничтожить его. Получить данные, затем передать дело Токо-сан и позволить ей решить проблему самой.

Она говорит спокойно, но знакомый огонь в ее глазах не угасал с середины дня. Она принимает этот инцидент с феями слишком близко к сердцу. И когда это случится, я знаю, она просто ударит в ответ.

- Ну, посмотрим, сможешь ли ты сохранить это спокойствие, Азака, - небрежно бросаю я, что заставляет Азаку уставиться на меня.

- Может, ты из меня дуру делаешь, Шики?

- Как ты сама сказала: не говори глупостей.

Ее обвиняющий взгляд так похож на то, как Микия смотрит на меня с издевательским подозрением (и это не так уж необычно), что заставляет меня неосмотрительно рассмеяться. Это только ухудшает настроение Азаки.

- Ух, ладно. Я клянусь, что не буду беситься, так что у тебя нет никакого права судить меня. Теперь вернемся к более важным вопросам, - говорит она, меняя тон голоса. – Среди встреченных сегодня людей был кто-то, кого бы ты назвала странным по какой-то причине?

- Странным? Ну, все они, честно говоря, странные. У всех людей из класса Д, которых мы встречали, в шеях что-то было.

- Под «что-то» ты подразумеваешь ту феи кровь, которую ты предположительно убила?

Ее брови собираются, когда она хмурится, наверняка думая, что я худший человек на свете, потому что разрушила идеально здорового (и, что важнее для нее, пригодного для изучения) фамильяра. Но это правда, так что я не могу спорить с ней.

- Мне кажется, это не кровь. Больше похоже на чешую на крыльях бабочки. Я сомневаюсь, что они не заметили бы, если бы это была какая-то жидкость. Это было и на учителе, с которым мы разговаривали. Курогири, верно? Я не знала, что это, когда мы встретились, но теперь понимаю, это была та же самая штука.

- Понятно. Скажи, Шики, кто бы это ни был, почему он ворует воспоминания?

- Без понятия. Я бы не стала заниматься подобным.

- Не знаю, зачем я вообще спрашиваю тебя, - обиженно говорит Азака.

Потом, игнорируя меня, она тихо начинает перечислять факты, имеющиеся в нашем распоряжении.

- В декабре ученики класса Д получили письмо, содержащее секреты, о которых забыли даже те, кто изначально о них знал. В то же время начинают распространяться слухи о феях. Прямо перед каникулами две ученицы из класса Д поссорились и попытались нанести друг другу увечья ножами, причина их ссоры – полученные письма. Другие ученицы не попытались остановить драку. Даже в январе ученицы отказывались говорить о случившемся, и атмосфера остается очень напряженной и бесполезной.

Она бросает на меня острый взгляд, потом возвращается в свои мысли.

- Ну, *она*, по крайней мере, столкнулась с одной из фей, а я отдала им целый час. Что я делала в это время? Я могла заниматься чем угодно.

Так даже спокойная и хладнокровная Азака Кокуто переживает из-за потерянных воспоминаний.

А я?

Мои воспоминания о случившемся три года назад, во время моего первого года в старшей школе, все еще содержат много пробелов. Неоднозначность их природы создает значительное беспокойство, наполняя мое воображение всеми видами сомнений. Объяснения, ни одно из которых не выставляет меня в лучшем свете. В тот самый год город казался замороженным на месте жестокими убийствами, совершенными неизвестным серийным убийцей. Дыра в моих воспоминаниях заставляет меня чувствовать... что я словно связана как-то с этими событиями. Но если кто и знает про это, то только **Шики**, мое другое «я». Но его нет, и вся проясняющая ситуацию информация исчезла вместе с ним.

Погодите – *погодите минутку*. Почему я не подумала об этом раньше? Если дыры в моей памяти связаны со смертью **Шики**... то почему воспоминания прямо перед ДТП тоже исчезли? Тогда точно контролировала тело не **Шики**, а *Шики*. Может... может, если этот маг фей может красть воспоминания, он может и возвращать их? В любом случае будет

сложно протащить эту идею через Азаку. И даже если забыть о том, верит Азака в это или нет, существование фей я не слишком одобряю.

Во что бы ни развилась эта ситуация, мы все еще должны найти виновника. И факт, который я и Азака упускаем, который свяжет все вместе, так близко, что я почти чувствую его сквозь стены, он вытекает через спокойствие этого замкнутого места безумия.

- Азака, ты думала о том, как мы вообще собираемся расследовать потерянные воспоминания?

- Знаю, знаю. Мы не можем гипнотизировать людей и копаться в их подсознании или вытворять что-то похожее. Ты знаешь что-нибудь о четырех процессах памяти, Шики?

- Кодирование, хранение, извлечение, распознавание, верно? Как любой видеомэгнитофон. Записанное видео наклеено на пленку, закодировано и сохранено. Когда ты снова его смотришь, ты вставляешь его в аппарат и извлекаешь видео. Ты проверяешь, то ли это видео, распознавая его. Если один из процессов проваливается, это какой-то вид расстройства памяти.

- Именно так. Даже если кто-то забыл о чем-то, память все еще сохранена в мозгу. Все, что кодируется в мозгу, там и остается. Это не какая-то странная массовая истерика. Эти так называемые феи извлекают эти воспоминания, но с какой целью, неясно.

Прежде чем мы уехали, Токо призналась мне, что она подозревает во всем этом какой-то злой умысел, но я не могу сказать, что согласна с ней. С учетом того, что украденные воспоминания уже забыты их владельцами, человек даже не заметит, что они пропали. По сути, все, что связано с письмами, выглядит почти доброжелательным действием, как будто кто-то, кто посылал их, информировал людей о том, что они забыли *это* конкретное воспоминание. Отправитель не хотел, чтобы они снова его забыли.

- Возможно, преступник ищет что-то в воспоминаниях. Информацию, какой-нибудь факт, который ему нужен, – предполагаю я. Азака принимает идею, слегка кивнув, и откидывается в кресле.

- Или просто он любитель рассказывать людям о скелетах в их шкафах и выставлять их напоказ. В любом случае, все это плохо. Это же, как минимум, преследование. Словно дети малые, – добавляю я.

Ну, феи уже как дети в их изменчивости, так почему меня это удивляет? Я пытаюсь прекратить думать об этом. Все-таки сейчас я просто глаза Азаки, и лучше ей заниматься тайными знаниями и выискивать ответ ко всему. С этой мыслью я укладываюсь на кровать, раскинув руки и ноги.

- Скажи мне кое-что, Шики, - неожиданно выдает Азака, кажется, смущаясь. – Как ты можешь видеть фей?

Блин, она все еще мучается от этого?

- Точно не знаю. Я даже не знаю, как работает магическое зрение. Все, что я знаю - у тебя его нет. Но если хочешь попробовать почувствовать их, то, может быть, стоит импровизировать с заклинаниями, которые ты *умеешь* делать, и с Магией, которой ты можешь управлять. Найди движущиеся потоки воздуха, которые теплее своего окружения. Если твое чутье тебя не подведет, ты сможешь их поймать.

- Теплый воздух?

Она кивает и кладет руку на подбородок. Это может звучать как полная чушь, но я не врала ей. Если феи живые, они должны отдавать в окружающую среду тепло, а это специальность Азаки. Все, что ей нужно, это найти маленькие уголки, которые чуть теплее остального места. Это и будут феи, пытающиеся двигаться вокруг нее.

После этого мы завершаем наше планирование. В приступе неожиданной щедрости, Азака одолжила мне одну из своих пижам, которая немного больше, чем я привыкла. Я забираюсь на верхний ярус и отхожу ко сну.

Записи в забвении – 3

Вторник, пятое января.

Шики отказалась просыпаться, несмотря на то, что я потратила большую часть из тридцати минут сборов на попытки разбудить ее. Или она потрясающая соня, или просто не спит и ленится. В любом случае я сдалась, и сразу после семи решила пойти в учебный зал на первом этаже в одиночку.

Обычно учебный зал наполнен одними и теми же ученицами (одной из которых являюсь, конечно, я), занимающими одни и те же места, штудирующими к экзаменам учебники, но каникулы очистили комнату от большинства ее обычных завсегдатаев. То, ради чего был построен зал, и то, для чего ученицы зачастую используют его, может временами очень различаться. В одно и то же время рвущиеся к знаниям индивиды используют книги, другие сплетничают за полками, постоянно озираясь в поисках патрулирующей сестры Айнбах, чтобы избежать персональных дисциплинарных лекций, когда она обнаруживает провинившихся. Простота использования полок для маскировки известна и мне, потому я знаю, что на время каникул они станут одним из лучших мест для всех видов тайных встреч, особенно по утрам и на каникулах.

Пользуясь этим, я устроила встречу с президентом класса Д здесь. Вчера, когда я и Шики задавали несколько вопросов ученицам из этого класса, они не спешили сотрудничать с нами и все отвечали подозрительно похожими фразами. Мы не смогли вытащить из них ничего ценного. Ну, не то чтобы я ожидала, что они сразу откроются нам, чужакам. Так что я не нашла иного выбора, кроме как быть несколько более прямолинейной, и решила четко обозначить нашу позицию в разговоре с президентом класса, некой Фумио Конно.

Все идет по плану, когда я наконец прибываю в учебный зал, в котором не видно ни души. Никаких обогревателей тут нет, потому что зал слишком велик, так что за порогом меня застаёт врасплах зимний холод, гуляющий по просторной комнате. Тут холоднее, чем в остальном здании.

- Кокуто, сюда, - зовет спокойный голос откуда-то из глубины зала. Это лишь шепот, но пустота зала усиливает его. Я вижу ряды и ряды полок, и между двумя из них - голову Фумио Конно. Я быстро закрываю дверь и прохожу вглубь зала.

У нас с Фумио Конно есть лишь одна общая черта: то, что мы перевелись в женскую академию Рейен в один год. В остальном, трудно найти двух столь различных людей. Ее рост явно больше пяти с половиной футов, она одна из самых высоких в школе, а вот мой рост весьма средний. В то время как она сильна и агрессивна, я хладнокровна. В то время как ее волосы обрезаны коротко, мои выросли до внушительной длины. Она выглядит довольно взрослой, ее можно было бы принять как минимум за студентку, и она сама признает, что ее поведение не соответствует тому, которое пытается воспитать в девушках Рейен.

- Я извиняюсь за то, что нам пришлось встретиться в такую рань, - говорю я Конно, приближаясь к полкам, за которыми она прячется. Я кланяюсь ей, обозначая, что это первая наша встреча, но она явно удивлена этой вежливостью и нервно вдыхает воздух, отводя глаза от меня на те секунды, что я трачу на поклон.

- Не беспокойтесь. Я не могу нормально спать с девушками из моего класса. Занять себя другими вещами кажется наиболее правильным. Так о каком важном деле вы хотели поговорить? Это насчет Хаямы?

Ну, это точно было прямолинейно, и вопрос застал меня врасплах.

- Простите?

- О, да, - говорит она со смешком. – Я услышала, что вы разговаривали с ученицами из моего класса, и какой-то наблюдатель, которого никто не мог узнать, следовала за вами.

Кроме того, что еще может быть настолько важным для президента класса А, чтобы спрашивать меня лично?

Она заканчивает фразу слегка подозрительным взглядом.

Как я и опасалась, слухи о нашей деятельности распространились в мгновение ока. Я смотрю на Конно, пытаюсь рассеять ее маленький страх.

- Сначала я не думала о Хаяма-сане, но полагаю, это было ошибкой с моей стороны. Я буду откровенна с вами, Конно-сан. Мать-настоятельница дала мне задание расследовать инцидент, случившийся в классе Д. Мне нужно, чтобы вы рассказали мне все, что знаете.

Неожиданно лицо высокой девушки темнеет.

- Прямо от матери-настоятельницы? Думаю, отличницы и правда *отличны*. А мне они просто сказали продолжать забывать о случившемся и сфокусироваться на учебе. Вау.

- *Продолжать* забывать. Вы имеете в виду...

- Ну да. Я в одной лодке с Курогири-саном. Я была на месте происшествия и не могла ничего сделать. Потом - пустота. Я знаю, что это произошло, но ничего не помню. Потом помню, как Касиму и Руридо отправили в лазарет. Я пыталась навестить их, но мать-настоятельница запретила мне там появляться, когда допрашивала их.

На ее лбу появляются маленькие капельки пота, и кажется, что ей практически стыдно просто говорить об этом. Это только провоцирует меня надавить еще сильнее:

- У меня есть дикая догадка, но... вы тоже получили письмо?

- А, ну... Оно не было таким страшным как те, что получили эти двое. Оно было довольно доброжелательным. Многие из нас получали его каждый день, включая Касиму и Руридо. От этого можно на стенку полезть, да? Мои были о мелочах типа прогулок домой со старой любовью из средней школы или моей домашней кошке, умершей давным-давно. Поначалу я думала, что это довольно бессмысленно. Но потом эти письма даже начали мне нравиться. Они заставляли меня вспоминать вещи, о которых я почти забыла. То, что отправитель так много знал обо мне, было в чем-то страшным, но если честно, это меня особо не трогало.

- Вы когда-нибудь чувствовали себя виноватой по поводу того, что вам посылали?

- Не знаю. Может быть, чувствовала, но я просто не знала, как назвать это.

- Я не рассчитываю получить положительный ответ, но все же вы знаете, кто посылал письма или кто мог это сделать?

- Никто из тех, кого я знаю. Но это едва ли можно назвать нормальной ситуацией. Если допустить, что вещи вроде призраков и фей существуют, то точно есть нечто... кто знает. Однако у нее так и не получается уточнить, что она думает, так что я пытаюсь сменить направление.

- Так что лично вы думаете о случившемся, Конно-сан?

- Я не знаю, что теперь думать. Это все странно, но мой класс всегда был странным. Может, это что-то кармическое? Может, вы не знаете, Кокуто, но они все перевелись в старшей школе. Многие родители думали, что они проблемные дети, так что они выбросили их сюда. Включая меня.

Даже я знаю о причинах пребывания здесь Фумио Конно. Она когда-то была звездой школьного баскетбола, но ее отец хотел, чтобы его единственная дочь унаследовала семейный бизнес. Когда она воспротивилась, отец насильно отправил ее в Рейен, чтобы научить ее уму-разуму, конец истории. Я не знала, что это судьба, которую она разделяет со всем остальным классом.

- Что вы можете рассказать о том, как Хаяма-сан поджег общежитие? – спрашиваю я. Это самая важная карта, которую я могу разыграть. Сестры запретили нам говорить об этом

под угрозой исключения, и это довольно эффективно заткнуло девушкам рты. Надеюсь, доверие, которое Конно Фумио оказывает мне, откроет мне нечто новое.

На ее лице появляется горькое выражение и она отворачивается.

- Я не знаю, о чем он думал, сжигая общежитие. Хидео Хаяма был неадекватен. За закрытыми дверями нашего класса он любил помногу жаловаться на своего брата за то, что тот не позволяет ему, – пауза, затем она сглатывает, – трахнуть мать-настоятельница. Не знаю. Может, вы не поверите мне. Но насколько я знаю, до обучения ему дела не было.

Ее голос начинает ломаться, становится прерывистым.

- И Каори даже умерла из-за него! Все потому, что его брат пожалел его и повесил на безработного идиота ответственность. Наш класс... мы в этом не участвовали. Мы не виноваты!

Она выплевывает эти слова громче, чем ей следовало бы, и они эхом раздаются в пустом зале, на секунду вселяя в меня тревогу, пока я не вспоминаю, что в зале кроме нас никого нет. Я высовываю голову из-за полок просто чтобы удостовериться, и быстро возвращаюсь к Фумио Конно, только несколько секунд назад выглядевшей веселой и уверенной, теперь же прячущей от меня лицо, очевидно сдерживая всхлипы. Я бы попыталась надавить еще сильнее насчет того, что она хочет сказать последним жутковатым утверждением, но понимаю, что не сейчас вытащить из нее ничего толкового, не сейчас, по крайней мере.

- Мне жаль, Конно-сан, - я странно заикаюсь. – Правда. Если это вас утешит, вы были очень полезны. Давайте на этом закончим наш разговор. Вам помочь вернуться?

- Нет, - быстро отвечает она, ее голос приглушен рукой, прижатой ко рту. – Просто ненадолго оставьте меня здесь.

Я с сомнением поворачиваюсь к ней спиной и начинаю обеспокоенно уходить от полок. Прежде чем свернуть за угол, я пробую задать еще один, последний вопрос:

- Вы верите в фей? – я почти сожалею об интонации, с которой спрашиваю, но Конно смотрит на меня с долей изумления во взгляде.

- Не верю, но это не значит, что их нет, верно? Как иначе можно объяснить эту ситуацию с воспоминаниями в нашем классе?

Я вздыхаю в знак согласия и оставляю ее в одиночестве, по кратчайшему пути покидая учебный зал. Расставшись с Фумио Конно, я пытаюсь поговорить с некоторыми ученицами класса Д, на которых я натолкнулась в коридорах, но их ответы такие же, как и раньше. Сейчас они намного меньше ходят по коридорам, как будто начали прятаться в своих комнатах, чтобы как можно меньше взаимодействовать с внешним миром, будто они ждут чего-то. Студенты класса Д, с которыми я столкнулась, разделяли желание вернуться домой, озвучивая его тоном холодного разочарования. Когда я спросила, почему они и правда не поехали домой, они только озадаченно смотрели в ответ.

Я уже знала, что не смогу выбить нормальную беседу ни из кого, кроме Фумио Конно, которая, будучи президентом класса, несла груз ответственности, ей нужно было снять его с плеч. Единственное, что я смогла узнать, это то, что все они определенно верят в слухи о фях, крадущих воспоминания. Все и правда получили таинственные письма, и у всех, как и у Курогири-сана, были пробелы в памяти.

Вывод – все девушки класса Д что-то скрывают. Что конкретно - я сказать не могу, но почти наверняка, что Хидео Хаяма является центром всего этого.

Не имея иного выбора, я направляюсь в учительскую. Хидео Хаяма покинул нас в ноябре, после пожара, но я надеюсь, в папках осталась какая-то информация.

- Простите, - шепчу я, ни к кому не обращаясь, открывая дверь в пустую учительскую. Я знаю, что в это время она пуста, потому что учителя редко пользуются ей, помимо утренней встречи, и хранитель кабинета также в отпуске.

- Спасибо тебе, Боже, - бормочу, с улыбкой на лице, отчасти радуясь удаче, отчасти – благословиению.

Я трачу немного времени на поиски папки по ноябрю прошлого года, и не спеша углубляюсь в содержимое. Я с трудом осознаю, что провела почти час, листая файлы и папки в неосвещенной комнате, моему зрению помогает только солнечный свет, пробивающийся через окна. Вопреки моим надеждам, я не могу найти ничего полезного для расследования.

- Блин. Похоже, мне правда придется использовать Шики и обыскивать каждый закоулок и каждую щель в этой школе ради улики.

Я в самом деле не хочу, чтобы она следовала за мной, как послушный доберман, но у меня, похоже, нет иного выбора. Я закрываю файл, ставший несколько неопрятнее. Но одна из бумаг привлекает мой взгляд.

«Хидео Хаяма, нанят в 1989, уволен в декабре 1998». На первый взгляд, выглядит абсолютно обычно. Но беглый просмотр выявляет некоторые очень странные детали. Декабрь 1998? Это кажется невозможным, потому что пожар случился в начале ноября и никто не слышал и не видел Хидео Хаяму. Но согласно этому документу, он работал до декабря. И чуть ниже, причина увольнения указана как «постоянный адрес неизвестен». Значит, он пропал?

Мысли кружатся в голове, когда я возвращаю файл туда, откуда взяла, и быстро выскользываю из учительской в коридор...

...только чтобы встретить того, кого меньше всего ожидала и меньше всего хотела.

- Кокуто-сан. Могу я узнать, что вам нужно было в учительской в такой ранний час?

- До... доброе утро, Курогири-сан, – я быстро кланяюсь. – Но уже полдень.

Я пытаюсь уклониться от вопроса, одновременно стараясь не особо торопясь проскочить мимо него. Вчера, когда Шики была рядом, я не чувствовала тревог, как обычно, но когда я одна, беспокойство возвращается. Моя грудь сжимается и сердце стучит быстрее. Я не могу сказать, беспокоит ли меня его сходство с Микией или мне не нравится нервирующе спокойная манера поведения.

- Вы что-то собирались взять?

Несмотря на мой неосторожный вопрос, он отвечает:

- Да. Кое-что, о чем просила мать-настоятельница. Список имен учениц французского отделения. Ей нужно послать его в школу сестер во Франции.

- Понятно. Наши имена, да? – я неуклюже запинаясь. Я опять пытаюсь проскользнуть мимо него, чтобы закончить беседу.

- Именно. Это вас даже несколько касается. Краткий список кандидатов на поездку по обмену в нашу французскую школу включает вас и Одзи.

Я замираю, прежде чем все-таки пройти мимо него. Первый раз об этом слышу. Мгновение я смакую этот факт, после чего продолжаю идти. Но снова останавливаюсь, чтобы задать вопрос, который я уже задавала ученицам.

- Курогири-сан, вы знаете о слухах, гуляющих сейчас по школе?

- Феи, правильно? Да, я слышал об этом.

- Вы верите в них? О, но конечно, я сама в них не верю, - быстро добавляю я. Неожиданно, он лениво улыбается.

- Я думаю, я понимаю ваше замешательство. Истории о феях в Японии не так распространены, как в моей стране, не так ли? Я думаю, что испытываю симпатию к старым шотландским сказкам о Кэт Сит¹, Ку Сит² и о других фантастических существах.

¹ http://en.wikipedia.org/wiki/Cat_S%C3%A4th

Я поражена его ответом, и у меня уходит несколько драгоценных секунд на то, чтобы сообразить, что Курогири-сан – иностранец. Университет, в котором он учился, мог иметь что-то эзотерическое, вроде фольклора. Так что мой вопрос мог показаться не столь детским, как я полагала.

- Если я правильно помню, Кэт Сит – это кот в сапогах.

- О, так вы знаете. Все же говорящие коты встречаются и в японском фольклоре, так что это не очень оригинально.

Ха, ну, по крайней мере, он знает, где найти актуальную информацию, когда она нужна.

- Так в вашей стране мифы кажутся более реальными, Курогири-сан? Или они – просто еще одно недопонимание народных обычаев или природных феноменов?

- Я не очень много знаю об этом, но всегда есть странная история о детях, уносимых призраками и заменяемых на двойников. Все реже и реже я слышу истории о фермерах, которым помогают феи.

Он прочищает горло перед тем, как продолжить.

- Эти старые легенды о добрых феях – домовых, например – на самом деле всего лишь еще один способ преувеличить действия людей, которых по какой-то причине изгоняли из каждой деревни, которую они посещали. Обреченные на отшельническую жизнь, иногда они появлялись, чтобы оказать помощь в черной работе, вроде сбора урожая, с помощью чего они надеялись построить дружеские отношения.

- Выглядит очень достойным путем в жизни, - комментирую я.

- Да, но с другой стороны, есть сказки о похищенных детях, откуда происходят истории о подменышах. Некоторые легенды повествуют о джентри, похищающих детей, которые, по их мнению, были избраны Богом. Желание получить этих детей ведет их к подмене.

- Что происходит с похищенным ребенком? – как только я задаю вопрос, Курогири-сан реагирует широкой улыбкой.

- А, не думайте об этом. Все заканчивалось хорошо. Поскольку забирали их джентри, ребенка можно было найти в записях крещения церковью. Любой человек, знатный или нет, крестил своего ребенка, чтобы тот не подвергался гонениям в обществе. Так что поход в церковь обычно законно решал проблему.

Я вздыхаю, почти улыбаясь, пока он не продолжает:

- Но есть также и случаи, когда это не так, когда ни единого разумного объяснения нет. Это дети, которых на самом деле унесли феи, те, кого мы называем подменными.

- Так вы *верите* в них, Курогири-сан?

- Да, - отвечает он без тени сомнения, - я думаю, они существуют. Но это не значит, что они мне нравятся. Их шалости иногда заходят слишком, слишком далеко. Подменыши – один из примеров. Они похитят ребенка, иногда будут держать его многие годы, и потом вернут необъяснимым путем на родительский порог. Далее радость родителей начнет исчезать, когда ребенок быстро заболеет, ибо повреждена сама его суть, только чтобы умереть медленной, одинокой смертью, ненавидимый родителями и потерянный для мира.

Я почти подношу руку ко рту. Это определенно не похоже на сказки, к которым я привыкла.

- Простите меня, - быстро говорит преподаватель. – Похоже, я слишком много наговорил.

- Не... нет, - кратко отвечаю я. – Было очень интересно, Курогири-сан. Вы меня извините, но...

Я оставляю предложение неоконченным, кратко кланяюсь и торопливо ухожу нелегкими, но быстрыми шагами, настолько далеко от Курогири-сана, насколько меня унесут ноги.

² http://en.wikipedia.org/wiki/Cu_Sith

Полдень остается позади, и, видимо, от объединенного желания убраться подальше от Курогири-сана и избегать Шики, я направляюсь к сгоревшим общежитиям в восточной части территории. Я сомневаюсь, что найду там что-то важное, но чувствую, что должна посетить место, которое пытался сжечь Хидео Хаяма как минимум единожды. Кажется, мое расследование приближается к цели.

Когда я оказываюсь перед общежитием, то вижу, что по его периметру натянуты ленточки со знаками «входа нет», чтобы отпугнуть любого любопытного. Естественно, этого недостаточно, чтобы поколебать меня. Я перебираюсь через ленточки и иду к внушительному зданию. Большая часть его – это сгоревший остов; комнаты, когда-то находившиеся в восточном крыле, полностью распотрошены, словно огромное чудовище разорвало его когтями от крыши до основания. Те немногие оставшиеся части, когда-то бывшие полом и стенами комнат, – осыпающиеся и почерневшие куски бетона и дерева. С другой стороны, западное крыло – коридор, ведущий из его комнат и все, что западнее, – по большей части целы.

Пройдя через коридор, вы не поймете, что сразу на востоке, за закрытыми дверями, произошел пожар. Откройте двери, и вы увидите лишь территорию и зеленеющие деревья, выглядящие как плохой пример смонтированной картинки. Может, лучше оставлять двери закрытыми, чтобы уважить последний горький вкус нормальности, который остался у здания?

Хотя его имя скачет у меня в голове все чаще, я лишь раз видела Хидео Хаяму. Он вел уроки в классах от В до Е, так что у него никогда не было причин приходить в класс А. Единственный раз, когда я видела его, был на утренней службе, он выглядел скучающим, с пустым видом листая страницы библии. По моему мнению, ему было по меньшей мере тридцать лет, и его лицо было простым и непритязательным.

- Как я должна расследовать что-то о нем, когда я вообще ничего про него не знаю?

Теперь я говорю сама с собой, что, возможно, является знаком того, что мне тут делать нечего и пора уходить. Я спускаюсь со второго этажа на первый, используя пустую, едва освещенную лестницу, пробираясь к уцелевшему выходу.

Где вижу, что его блокирует знакомая фигура, оттененная полуденным солнцем. Хотя черты скрыты, ее довольно легко опознать. Мало у кого в Рейене настолько прекрасные черные волосы и такие тонкие черты, как у Мисаи Одзи, тайной силы академии. Она молча идет ко мне, и почему-то мне кажется, что я должна придержать язык до тех пор, пока она сама не заговорит. Она останавливается в двух метрах от меня, смотрит прямо мне в лицо и дарит нежную улыбку.

- Скажите, Кокуто-сан. Как продвигается ваше дело? – спрашивает Мисая Одзи. Как только она это произносит, температура вокруг словно падает на несколько бесценных градусов, хотя я не могу сказать почему или так ли это на самом деле. Но этого достаточно, чтобы я насторожилась. Ее голос знаком мне на том уровне, который я связываю с обрывками услышанных бесед за последние месяцы. Откуда-то появляется воспоминание о шуме, хоре жужжащих мух. Память обращается к реальности, и я уверена, что шум, который медленно нарастает и который я сейчас слышу, похож на услышанный в воспоминаниях.

Все складывается, и я запоздало осознаю, что это будет повторением случившегося вчера. Мои воспоминания будут украдены, а я буду стоять, шокированная и запутавшаяся, черт знает сколько времени. У меня нет сейчас моей перчатки для быстрого заклинания, но выбора не остается. Огонь зовет, и возможно, еще не слишком поздно. Я фокусируюсь на Мисае Одзи, стоящей передо мной, и начинаю колдовать, чувствуя свое окружение и горячие потоки воздуха, как и советовала мне Шики.

Я чувствую, как работает заклинание, и почти рефлекторно закрываю глаза, доверяясь Магии, которая укажет мне на неестественный карман тепла в воздухе. И потом...

- ...попалась! – что-то теплое пыталось приблизиться к моей груди, но я поймала это голыми руками прежде, чем оно коснулось меня. Я точно что-то поймала, потому что оно издает ужасный резкий шум. Я игнорирую его и открываю глаза, встречаясь взглядом с Мисаей Одзи.

- Ну-ну, - говорит она, как будто ожидая всего этого. – Вы сказали, что никогда не видели фей, но вот вы отмахиваетесь от одной из них?

По ее тону понятно, что она и есть враг, которого я искала.

- Ясно. Так мой пропавший вчера час – это мой разговор с вами.

- Да, и это очень упростило дело. Мои дети помогли узнать мне, что вы за человек, Кокуто-сан.

Она поднимает руку, чтобы погладить на плече что-то невидимое, и я слышу знакомых резкий звук в ответ. Еще одна фея? Нет. Если я верно сплела мое заклинание, то вокруг нее находится аномальное количество тепла, навскидку пятьдесят подобных источников. И хотя я не вижу фей, я почти подавлена ее впечатляющим потенциалом.

- Ваше хладнокровие заслуживает восхищения, Кокуто-сан. Кажется, что вы не удивлены, но я знаю, что это просто ложь. Однако вы для меня были неожиданностью. Подумать только, здесь оказался кто-то, кто изучал Магию кроме меня самой.

- Вы не удивили меня, Одзи-сан. Я знала с самого начала, что здесь есть маг с феями-фамильярами. Но вы, вы ждали, когда я останусь одна, не так ли? Стану уязвима, после чего вы уничтожите меня? Похвальный выбор стратегии, но ошибкой было показывать себя.

Я пытаюсь выиграть время, ища вокруг альтернативные выходы. Я напоминаю себе, что моя задача здесь лишь разведка, а не бой. Я с радостью вступаю в кулачную драку в любой день недели, но не желаю смертельной дуэли между магами.

- Избавьтесь от этой мысли. Я никогда не думала убирать вас, Кокуто-сан. Зачем мне это, когда вы одна из немногих моего рода? Понять друг друга намного лучше, чем приставлять нож к горлу, согласны?

- Это говорит та, кто пыталась натравить на меня фамильяра.

- О, я только пыталась узнать о вас больше, дорогая моя. Очень полезно, если мы хотим провести осмысленную беседу и избежать бессмысленных смертей, - говорит она смертельно спокойным голосом. Она серьезно? Я бросаю мимолетный взгляд на коридор за моей спиной - единственный путь к бегству – и пытаюсь задержать ее до того, как она даст мне способ отступить в относительную безопасность.

- Поговорить? Со мной?

- Ну конечно! Вы посетили это пустынное место, Кокуто-сан, и этого достаточно, чтобы расположить меня к вам. Потому что это место...

- ...где Каори Татибана лишилась жизни, так?

Одзи удовлетворенно кивает. Но ее глаза выдают безжалостную и злобную гримасу, холодную, как зима.

- Единственная ученица, которая почему-то не смогла спастись в ноябрьском пожаре. Вы знали ее, Одзи-сан?

Еще один грациозный кивок в ответ.

- Я очень дорожила Каори, она была словно младшая сестра. Она страдала от лишений всю жизнь, но ее вера во Всемогущего Господа была непоколебима. И все же она умерла здесь, ее жизнь свободна от великого греха и полна красоты. Она выбрала для себя сложный путь.

В голос Одзи закрадывается нотка меланхолии, но я все равно не слышу жалости в ее словах.

- Пусть и случилась эта ужасная трагедия, девушки все равно не усвоили урок. Они не признали свои грехи, даже живя и зная, что Каори была принесена в жертву. Это не по-человечески. Ученицы класса Д все грешницы, и грешницы не должны осквернять мою школу. Мусор, такой, как они, должен быть сожжен.

- Стойте, вы хотите сказать, что ученицы класса Д убили Каори Татибану?

- Нет. Это слишком большая честь для них. Кокуто-сан, Каори сама лишила себя жизни. Но я не жду, что вы поймете, что это значит.

Ее взгляд, полный презрения, не отворачивается от меня ни на секунду, а я пытаюсь понять, что она хочет сказать на самом деле. По меньшей мере, я понимаю, что класс Д как-то связан со смертью Каори Татибаны. Но что она имеет в виду под тем, что я не пойму?

- То есть все это – расплата за Каори Татибану?

- Верно. Я клянусь, что пока жива, эти девушки узрят огонь ада, и они не найдут покоя будучи здесь, в Рейене.

- То есть вы убьете их? – отчаянно спрашиваю я, думая, что ответ довольно очевиден.

Мисая Одзи не видит человечности в своих жертвах. Убийства ей мало. Она будет смотреть, как они будут очищаться. Но пока я думаю об этом, она удивляет меня, качая головой.

- Зачем мне это? Убийство их не даст мне гарантии, что они отправятся в глубины ада, которым принадлежат по праву. Потому я и говорю, что вы не поймете, хотя не виню вас. Опустите руку и успокойтесь, Кокуто-сан. Я не желаю сражаться с вами сегодня.

Она гладит фею, сидящую на плече; почти незаметное, но нервирующее движение.

- Хотя вы не можете видеть их, эти малыши полны воспоминаниями, в том числе и вашими. Поразительно, не правда ли? Ваши воспоминания прекрасны как холодный, гладкий мрамор, и все же они пылают внутренним огнем. И хотя они невидимы мне так же, как и феи для вас, я чувствую чистоту ваших воспоминаний. Вы и правда великолепны, Кокуто-сан.

Ее нежная улыбка делает ласковую речь лишь более нервирующей.

И когда я смотрю на нее, я приветствую еще одну эмоцию, ту, которую я не чувствовала почти три года. Эмоция, которую я впервые ощутила, увидев Микию с Шики. Желание надрать задницу этой девке так, что она этого не забудет.

Мы стоим так еще несколько секунд, пока она ожидает моего ответа, а я не поддаюсь ее тонко завуалированной угрозе. Насколько я знаю, она нарушила мои права так же, как если бы украла мою собственность, и это требует ответа настолько мощного, насколько я смогу. Я изгоняю из головы мысли о побеге, пока наконец не вызываю у Мисаи слабый вздох.

- Вы сделали свой выбор. А я так хотела узнать вас получше. Неужели в вашем сердце нет места для мира, Кокуто...

- Нет, - обрываю я ее. Мисая только смеется.

- Вот как? Какой позор. Я приняла вас за родственную душу, потому что мы так похожи. Нашей страстью к братьям, например.

- Чт... что? - я пытаюсь выговорить слово, но не получается. Мое горло высыхает, и я знаю, что мое лицо становится ярко-красным за секунду. Мисая Одзи, с другой стороны, лишь закрывает глаза, наслаждаясь происходящим.

- Да, это вы сами сказали вчера, но я думаю, вы не помните этого. Я знаю о вашем брате, и о вашем становлении магом. Понимаете? Мы движемся в одном направлении. Хотя вы практикуетесь в Магии уже полгода, я лишь недавно обрела ее.

Магия. Самое могущественное из слов пронзает меня и укрепляет понимание тяжести ситуации: я сражаюсь с другим магом, и нетрадиционная природа этих дуэлей делает их быстрыми и смертоносными.

Мисая продолжает:

- Когда Каори умерла, я узнала, как создавать фей-фамильяров и магию кражи памяти. Не типичные для мага высокие цели просвещения, но инструменты для достижения цели. Я собираю воспоминания, связанные с Каори, лишь ради нее, чтобы убрать все остатки ее позора. Остальное меня не волнует. Я ничего не разрушаю, не совершаю убийства. И вы все еще считаете, что это эгоистичная цель, Кокуто-сан?

- Не думаю, что мне судить, но вы *терроризировали* учениц класса Д, а также доставили неприятности учителю. Я правда не могу понять, зачем вам понадобился Курогири-сан.

Я замечаю, что бровь Мисаи дергается, когда я произношу его имя. Она должна знать, что Курогири-сан стал классным руководителем класса Д после смерти Татибаны Каори и пропажи Хидео Хаямы. Он не связан со случившимся. Зачем тогда она забрала его память?

- Мне кажется, вы перестарались с ним, - прямо говорю я.

Я думала, она выдаст какую-то ошибку в плане, но в противоположность моим мыслям она опускает бровь и зубоскалит со звуком, наполненным раздражением и весельем.

- Не перестаралась. Все это не несет для него последствий, но правда должна быть скрыта от него.

- Но почему?

Мисая Одзи поворачивается боком, ее волосы развеваются на ветру, когда она отвечает:

- Потому что моя кровь – это его кровь. Потому что он мой брат.

- Ваш брат? Он? – запинаясь, спрашиваю я, не веря ее словам. Может, это просто огромное совпадение, но я понимаю, что это за гранью вероятностей. Одзи удочеряют своих детей, так что получается, бывшее имя Мисаи – Мисая Курогири.

Мисая продолжает, не замечая моего изумления:

- Поначалу я не знала. После смерти Каори я была полна подозрений ко всему классу Д, и в отчаянии обратилась к их новому учителю. Я говорила с ним, прося его помочь мне справиться, когда одна я не могла ничего. И Курогири-сан был добр ко мне. Дабы узнать его нежную душу, я забрала его воспоминания. Но это тоже стало благословением, ибо в его мыслях было доказательство того, что он мой брат. Откуда-то он узнал об истинной природе смерти Каори, так что, к сожалению, мне пришлось заставить его замолчать.

Она опускает глаза, прежде чем продолжить:

- Когда я была маленькой и ничего не знала, мой брат сказал, что я должна чтить живых больше, чем мертвых. Но как я могу делать это теперь, когда те, кто живы, мирно живущие – это те, кто довел Каори до суицида? Я вспомнила слова брата, и не могла выносить его, отягощенного этим знанием. Так что я забрала его знания о случившемся, и о том, что я его сестра. Все. Сацуки будет жить, не тревожась, и любить меня без сожалений. И теперь, когда я сделала это, для меня уже не было пути назад.

Тяжесть совершенного ей лишает меня дара речи. Она говорит, что мы похожи, что может быть правдой. Но глядя на нее, слушая ее, я осознаю, что мы похожи только поверхностно. То, что мы желаем, может быть схоже, но наши пути абсолютно различаются.

- Но это было полезно и вам, не так ли? – отвечаю я. – Вы забрали его воспоминания, чтобы сохранить секрет класса Д. Но что вы будете делать со мной?

- Это скоро решится. Я рассказала вам о нашей общей природе, Кокуто-сан, и я понимаю раздор в вашей душе. Со временем, я могу подарить вам то, чего вы так желали.

Мисая подает мне руку в знак примирения. Я смотрю на ее протянутую руку, руку врага, который бросил свои преступления мне в лицо.

- Я могла бы закрыть на это глаза, если... - вру я ей.

В то же время я думаю, на что она способна, и непрощеная мысль пересекает мой разум. Если она действительно способна на то, о чем говорит...

- Если вы можете вернуть мне давно забытые воспоминания.

...то возможно, ее магия может стать моей.

- Забытые воспоминания? – переспрашивает она с улыбкой.

- Как и у вас, у меня есть брат, которого я люблю. Но память о минуте, когда я влюбилась в него, потеряна. Если вы можете вернуть это воспоминание...

- Боюсь, что это невозможно. Если вы сами забыли об этом, это больше не воспоминание. Лишь запись такового. А феи могут извлекать лишь воспоминания.

Я вздыхаю разочарованно, но в то же время с облегчением.

- Тогда, похоже, мы не сможем договориться.

Я напрягаю мышцы в ожидании того, что сейчас начнется. Расстояние между нами мало. Два широких шага, и я приближусь настолько, что смогу ударить ее в лицо. Мисая тоже наклоняется вперед.

- Кокуто-сан, вы знаете, что фамильяр должен быть создан из чего-то?

Конечно, я знаю это. Она что, считает, что я в Магии абсолютный дилетант?

- Тогда вы должны знать, что то, что вы держите в руках, рождено из определенного материала.

В ее улыбке видна насмешка.

Я опускаю взгляд на вещь, которую держала все время. Я думала, что не могу их видеть, но теперь увидела. Внешность феи отличается от моих представлений. В моей руке, фигурка человека, которого я видела лишь раз, маленький Хидео Хаяма. Я выпускаю его со сдавленным криком.

В этот миг слабости Мисая Одзи бросается вперед. Я теряю сознание, как от потери крови, но перед этим я вижу Мисаю Одзи, тянущуюся ко мне рукой и касающуюся моего лба.

13

- Если воспоминания рисуются в наших умах также ярко, как любая картинка, то почему мы можем забывать? – спрашивает он.

- Забывать естественно, - отвечаю я.

- Воспоминания - единственные вещи, которые ты не можешь вернуть в свой разум. Даже если ты это помнишь. Воспоминания слезают с меня, как сгнившая кожа, но мой разум – не разум человека. Разум человека не теряет ничего, - говорит он.

- Но если нельзя что-то вернуть в разум – это значит забыть об этом, - протестую я.

- Забывчивость есть дегенерация, не потеря. Только контур, из которого исчез цвет. Разве это не расточительно? Все это собственность вечности, ржавеющей и изнашивающейся. Но от такой вечности можно избавиться по своей воле, - говорит он. Я не отвечаю. – Вечность неумолима, и эта вечная скорбь должна быть извлечена и возвращена тебе. Хотя ты думаешь, что она исчезла в забвении, память повторяет ее, словно запись.

- Кто решает, что вечно, а что нет? – спрашиваю я.

- Никто не знает. Потому мы ищем, - отвечает он.

Он тот, для кого мысли чужды и кто не может их создавать, тот, кто отвечает лишь эманациями из прошлого, крадеными идеями и несопоставимыми мыслями незнакомцев.

Стук в дверь пробуждает меня. В то же мгновение я вижу окно, и пепельный свет, проходящий через него, не позволяет определить, утро сейчас или полдень. Быстрый взгляд на часы на столе подтверждают мое подозрение, что сейчас больше полудня.

- Кокуто-сан, вы здесь? – слышу я голос снаружи. Только потом головная боль, всегда начинающая преследовать меня, когда я сплю слишком долго, становится заметной, и я рефлекторно прижимаю руку к голове. Я пытаюсь игнорировать ее, спускаясь с верхнего яруса, и открываю дверь в комнату.

За дверью стоит одна из сестер, которая оглядывает меня, после чего я вижу замешательство на ее лице.

- Привет. Угу. Реги Шики, - лениво говорю я, прежде чем замечаю, что нужно следить за внешностью, - Я перевожусь сюда в следующем семестре.

- Эм, да, конечно, - отвечает сестра, подозрение в ее глазах смягчается, но не исчезает. – Кокуто-сан звонит ее семья.

Похоже, что именно когда звонит семья, ее нет на месте. Ну, ладно, ничего не поделаешь.

- Возможно, я могу ответить вместо нее, - говорю я. – Я достаточно близко знакома с семьей Кокуто.

По крайней мере, если считать выгнанного из дома сына.

- Понятно. Тогда проблем нет. Я переведу звонок на телефон в холле, так что, пожалуйста, поспешите.

Сестра быстро кланяется перед тем, как спешно выйти. Я иду к выходу из комнаты, но вспоминаю, что на мне все еще пижама Азаки. Я переодеваюсь на ходу в одну из ее форм и быстро иду в холл у входа в общежитие.

Я видела вчера телефон в холле, без диска или кнопок, но он стоял около удобного на вид дивана, так что они, наверное, надеются, что второе компенсирует первое. Если верить Азаке, они фильтруют звонки, которые сперва идут в комнату, где находится одна из сестер. Если это не семья или одна из учениц, они должны отклонить его. Если звонок получает их одобрение, то его переводят на телефон в холле, где ученица может ответить на звонок лично.

Идя в холл, я уже догадываюсь, кто звонит, и когда я поднимаю трубку, мои подозрения подтверждаются.

- Алло?

- Алло, Азака?

Голос, который я знаю очень хорошо. Голос Миики. Я оглядываю холл, чтобы убедиться, что вокруг никого, прежде чем заговорить.

- Нет, не в этот раз. Азаки нет. Всего пятый день нового года, и ты уже соскучился по сестре? - говорю я неожиданно холодным даже для себя голосом.

- Шики, где Азака?

- Без понятия. Нет ее, я же сказала, занимается чем-то важным. Она в адской спешке с самого утра, с тех пор, как изо всех сил пыталась разбудить меня. Думаю, она на самом деле хочет поскорее разобраться со всеми задачами и вернуться домой.

- Правда? Мне кажется, ей не нравится приезжать домой. Я говорил ей, что было бы проще, если бы она оставалась в школе.

- Не думаю, что дела хоть немного задержат ее от возвращения, если ты понимаешь, о чем я.

Конечно, он не понимает.

- Так чего ты хотел, Микия?

- Ничего особенного. Я собирался удивить Азаку, но это не слишком важно. Просто хотел проверить, как вы двое справляетесь.

- Ну, ничего не могу сказать. Может, если позвонишь завтра, сам спросишь у Азаки. Пока.

- Нет, погоди минутку, Шики!

Я слышу его голос из трубки сразу после того, как отвожу ее от уха. Смотрюсь в зеркало в дальнем конце комнаты, видя себя, держащую трубку и хмурящуюся. Не могу понять, почему.

- Ты звонил, чтобы поговорить с Азакой. Тебе больше нечего мне сказать, верно?

- Есть! Я беспокоился о тебе. Поговори со мной. Кроме того, я хотел поговорить с тобой, мне просто нужно было назвать имя Азаки монашкам, потому что они не допускают никаких звонков, кроме семейных. В любом случае, есть прогресс в поисках?

- Некоторый. Не слишком большой. В любом случае, я ненавижу говорить по телефону, так что, может, мы сможем сделать это позже, когда я не буду перебивать тебя.

- Хорошо. Ладно. Кажется, сегодня мне уже нельзя будет позвонить, так что, *может*, я позвоню завтра.

В его голосе слышна нотка сарказма... если подумать, то поговорить с ним подольше не так уж и плохо.

- Ну, если ты свободен, то можешь оказать мне услугу. Отсюда я ничего не могу узнать, так что тебе должно повезти больше. В Рейене был учитель по имени Хидео Хаяма, а еще парень по имени Сацуки Курогири. Сможешь достать их историю работы до момента, как они попали сюда?

Микия вздыхает.

- Ну, не узнаю, если не попробую.

- Это не очень важно, так что все нормально, если не получится, - успокаиваю я его, - я не хочу, чтобы ты делал что-то безрассудное. И не делай ничего противозаконного. В любом случае мне нужно пойти поискать Азаку, она опять шатается по территории.

- Стой, стой. Если просишь меня об одолжении, то выслушай и мою просьбу. В Рейене есть ученица по имени Каори Татибана, и я хочу, чтобы ты поискала ее данные. Записи о посещениях физкультуры, дисциплинарные проступки, в таком духе. Рейен держит все свои бумаги под колпаком, так что я не могу получить к ним доступ снаружи.

На мгновение мне становится интересно, зачем все это, но это точно что-то полезное, если он исследует ученицу Рейена.

- Хорошо. Если смогу, сделаю. Пока, Микия.

Сказав это, я кладу трубку.

Записи в забвении – 4

*Спите, Кокуто-сан. В пустых землях ваших снов лежит скорбь, которую я умножу.
Последние слова, которые я слышу от Мисаи Одзи перед тем, как погрузиться в забвение.
Когда мои глаза закрываются, тьма накрывает меня, и на мгновение есть небытие, не сон
и не явь. И потом, в ростках сна, я всматриваюсь в вечность.
Я ненавижу это. Я хочу быть особенной.*

Моя фраза. Но когда я это сказала? Я не помню лица того, с кем говорила, или на кого я тогда была похожа. Это было очень, очень давно. Когда я выросла, я гналась за тенью этого слова. Как проклятье, оно висело надо мной, и я не могла любить любую жизнь, которая подводила меня ближе к нему. Я точно не знаю, почему. Но я знаю, что я не хочу быть как все вокруг меня. Обыденное пробуждение, обыденная жизнь, обыденный сон; я ненавидела их природу.

Я – это я и только я. Я должна быть другой. Дитя, объявшее расплывчатую идею, скоро начало понимать «отличный» как «превосходящий всех остальных». Но когда я выросла, я освободилась от невинных, но ограничивающих останков детских мыслей. Каждый год мое тело взрослело, и каждый год я хранила секрет, обманывая всех вокруг, убеждая их, что я нормальна; хотя внутри мое различие с другими детьми с возрастом лишь увеличивалось.

Успехи в учебе никогда не были моим путем к становлению особенной. Я хотел большего - быть отличной во всем. Это не значило «лучшей во всем». Но и не значило быть слабой. Просто иной. И это был импульс, который заставил меня разорвать многие соединения. Ведомая им, я вредила людям, отчуждала себя, иногда даже заставляла их бояться меня. И он делал меня счастливее, позволял выпустить пар. Мои друзья, мои учителя, даже мои родители всегда дарили мне странную отдаленную похвалу, которая всегда преследует тех, кто явно перестарался. И благодаря всему этому какой-то странный мир воцарялся в моей встревоженной душе.

Было время, когда я почти чувствовала, будто что-то другое владело мной, что-то, что желало вернуться к и первичному Истоку, предопределенному до моего рождения. Как дитя, следовавшее этому желанию, я никогда не могла судить о его правильности. Я только знала, что если подчинюсь ему, то мое желание стать иной воплотится в реальности.

Нечто иное. Нечто, неспособное жить с другими. Нечто, способное лишь ранить. И я пыталась обмануть себя, думая, что это мне выгодно. Но в итоге это не какая-то царственная фигура вытряхнула меня из этого ступора. Это случилось само по себе, почти незаметно для меня.

Почему ты тут совсем одна, Азака? Скучно играть одной. Пошли домой. Скоро совсем стемнеет.

Это был только один мальчик.

Я всегда была одна, и потому что я позволяла себе верить, что так лучше, я ненавидела его. Но он всегда шел за мной, всегда тащил меня играть в его игры. Когда даже родители отделились от меня, он всегда был рядом, дарил смех. Он говорил со мной просто так. Поначалу я думала, что у него с головой не все в порядке, но он все равно хватал меня за руку и вел домой. Только он мог так делать. Все-таки он был моим братом.

И тогда я позволила себе надеяться, что дистанция, созданная ради бытия другой, позволит ему задуматься над мыслью, пусть даже несерьезной и мимолетной, что я не ребенок его семьи, что я иной крови. Он всегда должен быть отдален от меня, чтобы взрастить эту мысль. И хотя идея пронзала мое сердце, как шип, я осознала, что потратила много дней на свою одержимость.

Я следовала за братом глазами, куда бы он ни шел. Он никогда не гонял страшных собак, не защищал меня от упреков родителей, не спасал от утопления в реке. Но в итоге мне пришлось признать, что однажды симпатия переросла в любовь. И это заставило меня ненавидеть его еще сильнее. Потому что как я могла чувствовать столь иррациональную любовь к нему? Но не важно, как сильно я отрицала это, я ничего не могла с собой поделать. И обнаружила, что уже жду тех моментов, когда он позовет меня. Для ребенка, которым я была, презрение могло быть лишь эхом моего одиночества.

Как много раз я пыталась собрать волю в кулак и извиниться перед братом? Я смотрела на него сверху вниз так долго, но не могла высказать извинения. Он позволил мне познать что-то лучшее, но ребенок, отбросивший то, что считала шлаком, обнаружила, что не может произнести простые слова благодарности.

Иногда я думаю, что мой брат сделал со мной. Он не пытался устраивать проповеди, а если бы попытался, то обнаружил бы, что я готова. Казалось, полностью изменились чувства без причины, любовь без начала. Но нет. *Должна* быть причина. Я просто потеряла ее, забыла о самом важном. И я должна вспомнить, так что я снова смогу начать верить в себя, и поверить, что эта любовь – реальна и истинна. И когда это случится, может, я смогу, наконец, в первый раз в жизни извиниться, пусть даже это будет очень неловкое извинение.

- Просыпайся, Азака. Ты простудишься.

Я знаю этот голос. Голос скорее мужчины, чем женщины, и когда я слышу его, я медленно открываю глаза. Кто-то держит меня за спину, помогая мне подняться, одновременно глядя мне в лицо. Рука, удерживающая меня, тверда и холодна. Мое зрение все еще расплывается, но я уже более-менее вижу, что уснула в каком-то коридоре, и кто-то пытается разбудить меня.

- Мики... - начинаю шептать я, но быстро одергиваю себя, когда вижу, чьи черные волосы нависли надо мной. Я и Реги Шики оба замечаем имя, которое я собиралась произнести, и вглядываемся друг в друга достаточно долго, чтобы нам обоим стало некомфортно.

Пока Шики неожиданно не одергивает руку, которой поддерживала меня. С громким хлопком, мое тело падает на деревянный пол, приводя к внезапной белой вспышке боли.

- Что ты, черт возьми, творишь, стерва?! – протестую я, прежде чем встать в самую устрашающую позу.

Шики только бросает на меня ленивый взгляд.

- Ну, зато этого хватило, чтобы тебя разбудить.

- Да, разбудить настолько, что я забыла важную вещь, которую видела во сне, неуклюжий варвар! – кричу я. Приходится собрать всю силу воли, чтобы не ударить ее.

- Так они опять тебя достали.

Когда она говорит это, я пытаюсь вспомнить. Я говорила с Мисаей Одзи, и точно поймала одну из фей. Она заколдовала какую-то иллюзию на нее. Я была удивлена. Она набросилась на меня и усыпила. Следующее, что я помню, это лицо Шики.

- Хм, это странно. Они точно напали на меня, но ничего из головы не забрали. Я помню все, что случилось.

- Так ты знаешь, кто наш маг фей? У тебя есть имя? – спрашивает Шики. Я киваю. К сожалению, это не кто-то, кого мы могли ожидать, и не кто-то, кого я хотела бы просто так обвинить. Я мельком смотрю на наручные часы, и осознаю, что не прошло и нескольких минут с того момента, как я уснула. Видимо, она собиралась что-то со мной сделать, но потом заметила Шики и сбежала. Похоже, в этот раз Шики меня спасла.

- *Спасибо, Шики*, - бормочу я так, чтобы она не насладилась звучанием этих слов. – Да, я знаю нашего преступника. Это Мисая Одзи.

- Высокая девушка, которую мы вчера видели?

- Да. Мы беседовали, и она, скорее всего, сбежала, чтобы спрятаться от тебя.

Шики кивает в знак понимания, кладя руку на подбородок во время раздумий. По нахмуренной брови, я вижу, что в ее мыслях что-то не сходится.

- Что не так, Шики? Несварение?

- Разве она не была одной из жертв приступа забывчивости?

Она права, но любой поворот событий, который из этого может вытекать, сейчас имеет вторичную важность. Шики приходит к похожему выводу.

- Не важно, мы сможем узнать все, что нужно, когда увидим ее. Тебе звонил Микия. Он спрашивал, можем ли мы поискать информацию об ученице, Татибана Каори, или как-то так.

- Что? – искренне удивляясь, спрашиваю я. Это имя, которое я не ожидала услышать ни от нее, ни от Микии. Я не хотела вовлекать его в это дело. Летом, когда он вляпался в этот глупый случай с призраком, он уснул на три недели. К счастью, поскольку Микия живет один, наши родители не узнали об этом. Токо-сан заботилась о нем, пока он пребывал в этой коме. И слава Богу, потому что если бы ее там не было, он бы умер за три дня или даже меньше. С тех пор я никогда не хотела, чтобы он лез в дела Токо-сан и Шики. Но как он узнал о пожаре и об имени, которое просил исследовать? Я почти уверена, в прошлом ноябре я сказала о пожаре лишь одно предложение, этого точно недостаточно, чтобы разжечь его интерес. Токо-сан обещала держать все в секрете. Тогда как он мог угадать момент и попросить информацию? С кем он погово...

- Почему я не подумала об этом раньше? Это все ты, Шики! Ты сказала ему, куда мы собираемся перед отъездом, и это заинтересовало его. И теперь он, наверное, выпытал все, что мог, у Токо-сан, – говорю я голосом, кипящим от злости.

- Что? – повышает она голос. – Он волновался, потому что я не сказала ему, куда собираюсь, и он хотел знать! Ты сама виновата, что не была у себя, чтобы ответить на звонок и заставить его бросить затею.

Я вздыхаю. Ненавижу признавать это, но насчет звонка она права. Я могла бы поругать его, и на этом все закончилось бы. Шики меняет тему, игнорируя мои жалобы.

- В любом случае с этим ничего не поделаешь. Микия сказал что-то насчет записи посещения физкультуры. Что думаешь? Это как-то поможет?

- Посещаемость физкультуры?

Что это может нам рассказать? Какой-то вариант кода или...

Вспышка воспоминаний. Мисая Одзи сказала, что Татибана Каори умерла не потому, что не смогла вырваться из пожара. Она убила себя. Но был еще один фактор, от расспросов насчет которого я воздержалась, и это...

- Причине самоубийства Каори Татибаны, – бормочу я в то время, как Шики поднимает бровь. Она и ее вопросы подождут. Я срываюсь с места. Удивленная Шики не проявляет желания следовать за мной, что сейчас не имеет никакого значения. Мне нужно поспешить. Я выскакиваю из разрушенного общежития, торопясь в главное школьное здание. Я точно знаю, куда иду. Больничное крыло, скорее всего, содержит информацию обо всех ученицах, и моя позиция президента класса, плюс мое разрешение от матери-настоятельницы могут быть достаточными, чтобы получить одну из записей.

Лишь немного поворчав, школьная медсестра и управляющий отдадут мне документы, и спустя несколько минут они позволяют просмотреть записи о здоровье и записи о посещении физкультуры Татибаны Каори.

Второй семестр начался в сентябре и завершился зимними каникулами, и физкультурные занятия класса Д в это время полностью состояли из поездок или внешкольных мероприятий под наблюдением классного руководителя. Просто чтобы удостовериться, я спрашиваю школьную медсестру. Как и ожидалось, в это время девушка сдавала проверку. Кусочки мозаики начинают складываться, но, пока мы здесь, от гнетущего присутствия врага не сбежать.

/4

День прошел, и солнце начало садиться слишком рано по сравнению с тем, как я привыкла. Ученицы начинают возвращаться в свои общежития и комнаты, поскольку приближается комендантский час, который в Рейене начинается в шесть. Поужинав в столовой, мы, как и обычные ученицы, возвращаемся в комнату.

За окном ее комнаты небо становится одеялом полной звезд ночи, и тьма окутывает территорию школы, свет из окон и путевые лампы мелькают тут и там. Ничто не нарушает

пустынной тишины, кроме дуновений ветра и шелеста листьев, колыхающихся от его прикосновений. Если бы не вся эта система интерната, то это было бы неплохая школа. Старшая школа, в которую я хожу (ну, в какой-то степени), находящаяся в центре Токио, весь день адски шумная.

Я захожу в комнату перед Азакой и немедленно сажусь на зовущую меня кровать. Азака запирает дверь и оборачивается ко мне с встревоженным видом.

- Шики, ты что-то скрываешь.

Теперь она тычет в меня указательным пальцем.

- Не знаю, о чем ты. И давай будем честны, ты же тоже кое-чего недоговариваешь?

- Я не об этом, тупица. Прекрати суетиться и отдай мне нож, который ты утащила из столовой, - говорит Азака раздраженным и не совсем мирным голосом.

Ну, это и вправду удивительно. У меня на самом деле есть хлебный нож, спрятанный в рукаве. Или нож слишком большой, или мое умение прятать оружие дало трещину, если даже Азака смогла это заметить. Ладно, я слишком много практиковалась с мечом, полученным в прошлом ноябре, так что может в этом причина.

- Ой, ладно тебе, им порезаться-то сложно, - протестую я. Но это не интересует Азаку, которая подходит к кровати.

- Нет. Меня это не волнует. Точка. Все, что ты держишь, превращается в смертоносное оружие. Я не допущу, чтобы в Рейене кто-то умер по моему недосмотру.

- Ты на редкость паршиво справляешься с этой задачей, учитывая, что у вас уже случилось убийство.

- Есть разница между несчастным случаем и убийством. Достаточно. Просто отдай нож. Я не знаю, сколько раз мне потребуется повторить наши цели прежде, чем они пройдут через твой дубовый череп.

- Ты большая дура, чем я предполагала, если думаешь, что мы сможем уйти без боя.

Я демонстрирую Азаке отсутствие желания отдавать нож, и это становится для нее сигналом забраться на мой ярус.

Насчет сказанного – я серьезно. Нож я стащила не просто так. Я рассказала Азаке о том, как убила фею, но не сказала, что она укусила меня. Не знаю, было ли этого достаточно Мисае Одзи, чтобы получить доступ к моим воспоминаниям, но я не хочу повторения этого... и кроме того, дизайн этого ножа довольно хорош и продуман для школьного. Если я смогу забрать его отсюда, он вполне сможет потягаться с остальными ножами.

Добравшись до верхнего яруса, Азака останавливается.

- Ты точно не собираешься отдавать его, Шики?

- Я тебе когда-нибудь говорила, насколько ты упрямая ослица? Не лучшая твоя черта. Поэтому Микия никак не хочет идти с тобой на прогулку. Как в этот новый год.

Лицо Азаки искажается в гримасе раздражения. Почему-то мне кажется, что я попала в точку.

- Ладно. Я все равно давно ждала подходящего момента.

После этого она прыгает на меня изо всех сил. Толчок выбивает меня из сидячего положения и заставляет упасть на кровать, Азака садится сверху. Она борется со мной, прижимая меня с удивительной силой, и начинает тянуться за ножом в рукаве.

Эта девушка – обычный темпераментный случай. Почти как раненый, загнанный в угол медведь – если напугать ее слишком сильно, она взбесится. Слов недостаточно, чтобы заставить ее отказаться от желаемого, так что с сомнением я достаю нож из рукава и передаю его ей, просто чтобы закончить эту нелепость на кровати. Получив нож, она сползает вниз и идет к столу, а я остаюсь лежать.

- Черт, сила есть – ума не надо. Теперь у меня синяк на руке. Чем они тебя блин кормят, стероидами?

- Просто обычная диета из хлеба и овощей, спасибо, - говорит она издевательским тоном. Пока она прячет нож в стол и проверяет, заперта ли дверь, я снова сажусь и гляжу на спину Азаки. Было бы лучше закончить на этом, но мне просто необходимо высказаться.

- Не ожидала, что ты настолько сильная. Должно хватить, чтобы завалить Микию на кровать, когда ты наконец соберешься это сделать.

В мгновение ока лицо Азаки становится красным. Ну, я точно не знаю, так ли это, поскольку она сидит спиной ко мне, но ее красные уши рисуют не самую лестную картину.

- Ч... чт... что... - заикается она, глотая слова. Она оборачивается ко мне. Так и знала, лицо красное.

- Что за чушь ты только что сказала?!

- Ничего. По крайней мере, ничего важного для меня.

Она не ведется. Мы пялимся друг на друга, я и полыхающее красным лицо Азаки. Когда кажется, что секундная стрелка сделала уже сотый шаг, Азака разочарованно вздыхает и спрашивает.

- Так ты знаешь?

Кажется, она задержала дыхание в ожидание ответа.

- Это не я первой заметила, могу тебя заверить. Но нет нужды беспокоиться. Микия не в курсе.

С явным облегчением, Азака выдыхает. То, что я сказала – правда. Это не я первая заметила. Это был **Шики**, видевший Азаку насквозь с их первой встречи. И через него *Шики* тоже узнала об этом. Если бы не он, я не думаю, что вообще поняла бы это. Рядом с Микией она очень осторожна, и если его нет, она редко говорит о нем, даже если беседа подходит к теме ее брата, если, конечно, речь не о моем плохом влиянии, ну и так далее. Посвежев и вернув былое хладнокровие, она смотрит на меня в ответ.

- Ты не злишься на меня, Шики?

Я не понимаю, почему должна злиться, и не злюсь, так что качаю головой в ответ. И вижу еще более непонимающий вид Азаки.

Стоп, мы все еще говорим о Микии? Но он не мой...

...кто не мой?

Я пытаюсь вытащить это из головы, задав Азаке первый пришедший в голову вопрос.

- Вы же родственники? Откуда такие склонности?

К сожалению, это оказывается самый взрывоопасный вопрос из всех, которые я могла придумать.

- Это потому... что я люблю быть особенной. Или точнее, я люблю вещи, которые мне запрещали, «табу». Следовательно, Микия... Он просто не... он не может ответить на мои чувства, и я счастлива, что это так. Я везучая, правда? Я всегда буду рядом с тем, кого люблю.

Я смеюсь про себя. Не над ней, но над неожиданным, но точным наблюдением, что чудиков тянет к Микии.

- Ты больная.

- А сама-то.

Резкость наших ответов не остается незамеченной, и несколько секунд мы молчим. Но затем она улыбается, и я улыбаюсь в ответ. Достигнув бессловного соглашения, мы решаем оставить все как есть и пойти спать.

Азака явно собирается завтра что-то сделать. Она засыпает уже через минуту после того, как падает на подушку. Мои ночные привычки, однако, полностью противоречат правилам этой школы, так что для меня намного сложнее просто уснуть, когда захочется. Я бодрствую еще долгое время, слушая секундную стрелку настенных часов Азаки, потому как мне больше нечем заняться, разве что пялиться на окружающую местность из окна напротив кровати. Сейчас даже несколько драгоценных огней, слабо горевших на территории лагеря, потушены. За двором видна только темная чаща леса Рейен, куда не может пробиться лунный свет. Кроны деревьев, чьи ростки теперь дали путь толстой и неразрушимой тишине.

Как можно тише, я лезу в левый рукав. Чего Азака не знает, так это то, что я украла два ножа. Я вытаскиваю его и рассматриваю, держа над головой так, чтобы те крохи света, что попадают в комнату, падали и на него. Я планировал использовать этот, а тот, что забрала Азака, хотела взять в домашнюю коллекцию. Не хотелось пачкать этот клинок, но я понимаю, что это глупая мечта.

- Все сегодня ночью заняты, - шепчу я себе, возвращаясь к рассматриванию леса за окном, чтобы увидеть множественные, но слабые огни, летающие вокруг тьмы Рейена как светлячки. Их по меньшей мере десять или двадцать. Вчерашней ночью я видела нечто похожее, но тогда их было всего один или два, и я сомневалась, что они были чем-то кроме игры моего воображения. Теперь нет сомнений, что это феи, и их деятельность внушает подозрения. Должно быть из-за случившегося днем с Азакой. Теперь маг, управляющий ими, должна поспешить со своими планами.

- Мы тебя скоро проверим, - бормочу я блестящему в моих руках лезвию, позволяя ему поймать тусклый лунный свет из окна. Это будет последняя ночь, которую я провожу в Рейене, я уверена. Что бы ни случилось, оно случится завтра.

Записи в Забвении – 5

- Я не знаю, что хорошего в этой договоренности.

- Все еще есть способ. Всегда есть способ починить то, что сломалось, - отвечает человек.

- Но можно ли восстановить меня? – спрашиваю я.

- Я могу переделать вещи. Сделать их целыми еще раз. Грех не принадлежит тебе, и такие чистые вещи не должны касаться нечистого. Оставайся такой, какая есть, и все будет хорошо, - отвечает он.

- Но разве я чиста? Когда-то была. Но сейчас я не уверена.

- Хотя ты сдерживаешь растущую в себе тьму собственными руками, те руки все еще чисты, все еще не замараны, - он кивает и счастливо смеется. - И таковыми они должны оставаться. Такая грязь - это рак нашего мира, и она должна исчезнуть сама или быть удалена. Это жалость - поступать так для таких нечистот, путешествующих с душой, пройдя династию повторяющихся проклятий. И дабы не замарать тебя, нужно использовать кое-что еще.

Но чем это закончится? Я не могу ответить, и я не озвучиваю дерзкий вопрос.

- Вечность беспощадна, и эта постоянная скорбь должна быть извлечена и возвращена тебе. Хотя ты думаешь, что она утеряна в забвении, память повторяется подобно записи, - говорит он.

- Я ничего не забыла, ничего из этого, - отвечаю я.

- Забвение - это мысли, исчезнувшие в твоём сознании, блуждающие по пустошам снов. Не забыты, не потеряны, - прямо говорит он.

Как тогда объяснит дыры в моей памяти?

- Я не понимаю. Какая часть меня потеряна?

- Ростки и мысли, связанные с твоим братом, - отвечает человек. - Если ты пожелаешь, я верну это эхо пустоты.

Согласиться было легко.

Среда, шестое января.

В последние несколько дней погода была предсказуема, серые пасмурные утра и ясные ночи. Это утро было таким же, и, похоже, погода намерена следовать этому шаблону еще какое-то время.

Первая вещь, которую я вижу после пробуждения, это часы.

- Семь... тридцать, - слабо шепчу я. Не могу поверить, что проспала на час. Я мгновенно выбираюсь из кровати и занимаю себя миллионом дел, снимая пижаму, запрыгивая в свою форму, поправляя волосы и пытаюсь разбудить Шики, спящую на верхнем ярусе.

Я пытаюсь раз за разом позвать ее по имени, но это бесполезно; она даже не шевелится. Это ее вина, потому что она уснула много позже. И, тем не менее, несмотря на то, что она уснула в такой поздний час, она не нашла времени выбраться из формы и переодеться во что-то более подходящее для сна. Не думаю, что это имеет для нее какое-то значение, поскольку она никогда не жаловалась на жару или холод. Из-под одеяла доносится звук раздражения. Бесит. В остальном она во сне неподвижна как статуя, так что я прихожу к выводу, что пробуждение Шики - невыполнимая задача, и сдаюсь.

Наша цель «наблюдать» не изменилась. Инцидент с Мисаей Одзи был ненужным столкновением, и, хотя теперь мы знаем имя преступника, нет нужды для меня или Шики пытаться убить или пленить ее. Кроме того, я не думаю, что Мисаея Одзи в данный момент находится в общежитии. Когда я пыталась узнать, где она была вчера, прямо перед наступлением ночи, мне сказали, что этим утром она подала официальный запрос об оставлении школы на время зимних каникул. Другими словами, насколько известно школе, она больше не на ее территории (хотя очевидно, что, как минимум, до нашего столкновения это было не так). Если она умна, она поступит согласно этому запросу и уедет и не захочет больше встречаться со мной или Шики по собственной воле.

Все же она явно хотела что-то сделать, и что-то подсказывает мне, что, несмотря на мое примирительное отношение к ней и последний шанс на отступление, который она дала мне, она попытается снова. Сложно представить, что она появится сама и нападет на кого-то, но говорят, что бог любит троицу. Просто на всякий случай я хватаю свой любимый магический инструмент, перчатку, сделанная из кожи саламандры, используемую для колдовства. Я засовываю ее к себе в карман и выхожу из комнаты.

В коридоре температура практически нулевая, и я понимаю, что мне надо двигаться, если я хочу согреться. Я посещаю некоторые комнаты учениц класса Д, но почти все уже ушли из комнат. Те, кто остались, абсолютно бесполезны. Большинство выглядят так, словно они не здесь, никогда не глядят в глаза, как будто в каком-то летаргическом сне. Я бы решила, что они употребляют какой-то сильнодействующий наркотик, если бы не их резкий отказ от разговоров со мной. Их глаза внезапно начинали блестеть страхом и презрением. Будь Шики со мной и будь она способна сдерживать их кипящую ненависть, все было бы проще. Но я не думаю, что смогла бы с ними поговорить, так что, кажется, это не вариант. Я временно отказываюсь от попыток выудить у них хоть что-то.

Я перемещаюсь из общежитий в главное здание школы, задавая вопросы преподавателям, но, хотя они и были достаточно добры, чтобы ответить, ответы их были весьма бесполезны. Чувствуя, что я зря потратила время, я направляюсь назад в общежитие, в свою комнату для перегруппировки и повторного обдумывания имеющейся информации.

Я захожу и обнаруживаю, что Шики продолжает упорно спать. Ее глаза дергаются, и на мгновение, во мне рождается надежда, что она просыпается. Но подождав несколько секунд, понимаю, что она всего лишь пребывает в фазе быстрого сна. Разочарованная, я сажусь на стул перед столом и думаю.

Информация, которую я получила вчера из больничных документов Каори Татибаны, кое-что прояснила. Тот факт, что физкультура класса Д последний месяц состояла из полевых поездок был неважен. Это вполне стандартная практика в Рейене, и даже школьная медсестра это подтвердила. Полезная информация всплыла на поверхность, когда я сравнила даты физических осмотров Татибаны и классных выездов.

Я не знаю, как это происходит в других школах, но, считая, что это важная медицинская информация, Рейен ведет запись менструальных циклов каждой ученицы. Я узнала, что девушка смогла принять участие в очередном выезде класса, когда обычно из-за месячных она этого не делала, и когда я спросила у школьной медсестры, та сообщила, что уверена, что Каори Татибана сообщила о задержке. Она говорила, что во всем виноват стресс, но это только потому, что медсестра не знает обстоятельств, связанных с девушкой.

Ее задержка – лишь часть истории, и концовка известна, пусть у нее и не было возможности пройти еще один осмотр из-за собственной смерти в следующем месяце. В октябре у нее месячные могли просто отсутствовать. Самая очевидная причина – беременность.

Сначала месячных просто нет, но ощущения в ее животе становились бы все более заметными с каждым днем. С сентября по ноябрь она ментально загоняла себя в угол. Все-таки в женской академии Рейен беременность считается преступлением намного хуже убийства. Это значит, что в какой-то момент ты без разрешения сбежала из школы, пошла в город и по какой-то причине у тебя был секс; мать-настоятельница или любая из сестер рухнули бы в обморок, просто узнав об этом. И конечно, с учетом их строгого и консервативного католического воспитания, я почти уверена, что родители Татибаны Каори никогда не простили бы ее.

У нее не было выхода. Аборт вынудил бы ее идти в больницу, но доктора точно сообщили бы ее родителям и школе. Готова поспорить, она не знала нелегальных врачей, и едва ли отдала бы себя в их руки. Последние недели жизни она жила, как преступник, идущий на эшафот, испуганная, что ее растущий с каждым днем живот вот-вот заметят.

Мисая Одзи говорила о Татибанае, однако сложно поверить, что настолько верующая католичка состояла в таких отношениях.

- Значит, изнасилование? Хидео Хаяма, ну конечно, - бормочу я себе под нос. Кто еще это мог быть? И совпадает по обстоятельствам. Он изнасиловал Татибану Каори, а узнав, что она беременна, убил ее, устроив пожар в общежитии, пытаясь одновременно уничтожить доказательства и сымитировать несчастный случай? Это лишь набросок, но вполне ему подходит.

Есть еще один момент, который нужно учесть. Медсестра сказала, что Каори Татибана была в постоянном стрессовом состоянии, и я не думаю, что эта оценка ничего не значила. Я уже видела, что класс Д что-то скрывает, и мой разговор с Фумио Конно подтвердил это.

- Над ней издевались, - продолжаю я. Вполне возможно. Все-таки она - лучшая по оценкам, единственная, кто перешел из средней школы, а не перевелся в старшей. Это та обстановка, в которой рождаются издевательства. Но что насчет президента класса? Фумио Конно не выглядела девушкой, которая допустила бы такое и просто закрыла глаза. Даже если она игнорировала положение Татибаны, то на это была причина.

- Например, класс знал о беременности.

Этого было бы достаточно. Достаточно, чтобы убедить Фумио Конно, что это ее не касается. И Татибана, бедная девушка, которая не могла даже поговорить с монахинями, которые должны были поддерживать ее. Достаточно причина для Татибаны Каори совершить в том пожаре самоубийство. И класс Д, чувствуя, что у них есть темный секрет, продолжает свое скрытное поведение.

- Чего-то не хватает, - шепчу я, но не могу понять, чего конкретно. Легко сидеть и объединять кусочки мозаики, пользуясь личной проницательностью, но превратить их в завершенное и поддерживаемое фактами заключение – это совсем другое. Это то, в чем преуспевает Микия. По крайней мере, он знает, как собирать информацию и как развязывать людям языки. По сравнению с ним, я просто безумная подражательница, которая создает идеи, обладая только каплей фактической базы.

Я всегда ненавидела персонажей из детективных романах, которые все верно угадывали, и единственным их объяснением было «это возможно», как будто они выше обычных людей, выше полицейских детективов, которых книги всегда выставляют слабыми и неэффективными, когда в реальной жизни все совсем наоборот. Я знаю, как работают детективы. Мой кузен Дайске - полицейский, и я слышала от него более чем достаточно. Работа полицейского детектива – это перерывать пустыню в поисках одной крошки драгоценного камня, дать форму прошлому, о котором он не знал, и в реальной жизни это иногда занимает месяцы, а то и годы изнурительного труда. Детективы в романах, по крайней мере, как я это понимала, забрасывали процесс, пропуская пустыню и улики, которые она дает, ради недальновидных заключений.

Реальные детективы, простые мужчины и женщины в полицейских отделениях по всему миру, которые собирают улики и пытаются говорить за умерших. Вымышленные детективы, которые действуют по вспышке вдохновения и выдают его за истину. Лишь последние пойманы в ловушку собственной глупости, и если бы они были реальны, они всегда были бы одиноки в своих выводах по сравнению с обычными людьми.

Довольно иронично, что я оказалась в этом же положении. У меня нет нескольких месяцев, как у кузена Дайске, и нет доступных ему ресурсов. Так что с великим сожалением я осознаю, что приняла роль, которую ненавижу. Я вздыхаю, понимая, что я запуталась, и откидываюсь назад в кресле, прежде чем посмотреть на настенные часы. Уже почти полдень, но небо за окном все еще не прояснилось. Если в нем что-то и изменилось, то оно только потемнело, что почти гарантирует нам дождь. Пока я задумалась, в дверь постучали, и из-за нее раздается голос.

- Кокуто-сан, вы там? – это одна из сестер.

- Да, я здесь. Я вам нужна? – спрашиваю я, открывая дверь.

- Вам звонок. От вашего брата.

Услышав это, я извиняюсь и спешно иду в холл. Он пуст, когда я захожу в него, и я благодарна за такой подарок судьбы.

- Алло? – говорю я, может, слишком пылко.

- Алло, Шики?

Хорошо, что я не вижу своего нахмурившегося лица.

- К сожалению, Шики все еще спит. М-м-м, так ты звонишь в Рейен просто чтобы поговорить со своей девушкой, Микия? – говорю я ледяным голосом. На другом конце провода Микия прочищает горло.

- Я этого не говорил. Я звонил, чтобы узнать, как у вас дела.

- Тебе не о чем беспокоиться. Я же говорила тебе, что тебе не следует лезть в *это*, – я чуть-чуть повышаю голос, как будто на допросе.

- Ох, началось, – говорит он, явно ожидая тему беседы. – Не то чтобы я хотел вмешиваться. Но ты ждешь, что я буду беззаботно отдыхать, когда вы с Шики по уши увязли в этом деле?

Я хотела ему ответить четким «да». Но это было бы слишком прямолинейно, так что я сдержалась.

- Ладно, ладно. Так зачем ты звонишь? Ты хотел поговорить со мной или с Шики?

- Ну, Шики просила меня, но я думаю, будет лучше, если я скажу тебе. Я нашел кое-что насчет Хидео Хаямы и Сацуки Курогири. Хочешь послушать?

Хм. Шики ничего не говорила об этом. Я бы поругала ее за то, что она не проконсультировалась со мной, если это не слишком хороший ход. Но все же...

- О, так *Шики* попросила тебя, да? Хотя обещала, что не будет тебя втягивать во что-либо опасное? Я знала, что она ничему не учится. Ясно, что она не заботится о твоём здоровье, если просит выполнять такое опасное задание. Возможно, тебе, наконец, стоит подумать о расставании с ней.

Хотя я удивлена тому, что сама говорю, разумеется, это Микию не трогает. Напротив, он даже смеется.

- Не, Азака, у нее просто очень... особенный способ показывать свое беспокойство.

Его голос звучит настолько довольным, что я задумываюсь, а что если он и правда счастлив.

- В любом случае, я намерен рассказать кое-что насчет тех двоих, о ком спрашивала Шики.

Я слышу тихий шелест перелистываемых страниц на другом конце. Толстая папка, судя по звуку, и если я знаю Микию, очень хорошо организованная. Пока он копается в ней, я задаю ему вопрос.

- Где ты сейчас, Микия?

- В офисе Токо-сан. Она ушла. Встречается с кузеном Дайске. Так что я здесь застрял в роли сторожа, – говорит он угрюмо.

- погоди минутку, ты имеешь в виду *нашего* кузена Дайске?

- Говори потише, ладно? И да, да, это он.

Дайске Акими, младший брат моего отца, технически мой дядя. Поскольку он младший из родственников, он лишь немногим старше нас, и мы в шутку называем его кузеном. Он очень близок с Микией, настолько, что кто-то смотрящий со стороны наверняка посчитает их братьями.

- Похоже, он знакомый Токо-сан, - объясняет Микия. – Когда мы встречались в Новый год и я рассказал ему, где работаю, он закричал: «Но это Аозаки Токо!» и все. Я думаю, сейчас он на свидании с Токо-сан. Она всем видом показывала «как я могу отказать предложению кузена Кокуто» и оставила меня тут.

Это должно быть неправильным. Даже Микия говорит с неудовольствием. Так вот кто был контактом Токо-сан в Токийском Полицейском Отделении все это время. Если подумать, для него это неудивительно. Он член первого отряда Отдела Расследования Преступлений, людей в штатском, которые имеют большой опыт полевой работы, патрулей и расследований, и имеет самое большое количество связей во всем ОРП. И даже внутри группы кузен Дайске известен как человек талантливый и активный, но в то же время высокомерный и презирающий власть. Иными словами, точно такой человек, с которым может столкнуться Токо-сан.

- В любом случае, я звоню не из-за него, - продолжает Микия, - Прежде чем я вернусь к Хидео Хаяме, я должен спросить, ты с ним когда-либо говорила?

Я слышу беспокойство в его голосе и мгновенно осознаю, что он на самом деле спрашивает.

- Нет. Не говорила. Я имею представление о том, что это за человек.

Он вздыхает с облегчением. И с легким сомнением продолжает:

- Ладно, поехали. Я работал в коммерческом округе и опросил несколько людей в отряде полиции нравов через кузена Дайске, и то, что я узнал, мне не понравилось. Дело в том, что Хидео Хаяма был сутенером и использовал своих учениц, клиенты оплачивали их компанию. Он выводил учениц, возможно, под прикрытием поездок, и заставлял их делать это.

Я ловлю себя на частом дыхании. Я была готова к худшему, но, честно говоря, я даже не думала, что это будет нечто подобное. Или Микия не услышал меня, или проигнорировал. В любом случае, он продолжает доклад.

- Я не уверен насчет деталей, но ты знаешь, как много учениц попадает в зону проституции. А ведь они – очень редкие ученицы Рейен, и он знал об этом. Он был хорош. Требовал много, но недостаточно, чтобы заставлять людей скупиться. Он выводил девушек два раза в неделю, и, судя по количествам, лишь немногие в его классе не делали этого регулярно. Я не знаю, был ли он храбр или безрассуден, но он управлялся с довольно шатким кораблем. Когда-то он был популярен и вел себя как транжира. Он заходил все дальше и дальше, и в итоге очень много задолжал бару, которым в свою очередь владела группа якудза. Конечно, они хотели получить долг. Не имя выбора, он обратился в Рейен, где его брат был председателем совета директоров, и попросил дать ему работу учителя. Я уверен, он нашел оправдания, подделал лицензии и со временем получил работу. Планировал ли он начать кружок ученической проституции с самого начала или ему эта идея пришла в голову позже, я не знаю, но факт в том, что довольно скоро все именно к этому и свелось. А поскольку ученицы Рейена в основном дочери влиятельных или богатых семей, на улице за них дают неплохие деньги. Я слышал, поначалу это была лишь одна ученица, но потом якудза надавили на него, и он уже выводил их всех. Думаю, это самое важно.

Потом Микия называет мне имена вовлеченных учениц, даты, когда они выходили, и даже примерные оценки времени их возвращения. У него есть детали насчет группировки якудза, с которыми была связан операция, и я знаю, насколько тяжело их было достать.

- К сожалению, большинство из этого – недостоверные свидетельства, которые не могут быть использованы как доказательства. Бери из этого что хочешь, - разочарованно говорит он. Он прав. Полиция не может действовать на основании чего-то настолько незначительного, и отряд полиции нравов, с которым он связывался, наверняка сам собирает доказательства, чтобы разрушить всю систему. Хотя беременность Каори

Татибаны делала все это настолько значительным, что даже Рейен не смог бы заставить исчезнуть все следы. Связь была слаба, родители учениц достаточно могущественны (некоторые из них наверняка финансово вовлечены и вложили достаточно в якудзу), что они смогли бы заставить расследование застопориться и умереть медленной смертью, если бы только услышали об этом.

- Прости за все это, Азака, - мрачно говорит он.

Хотя правда шокирует меня, я нахожу в себе силы ответить ему нервным «Не бери в голову». Но эта правда оставила нам вагон и маленькую тележку проблем. Тайной, которую скрывал класс Д, был не суицид Татибаны Каори, а кружок проституции. Хидео Хаяма не мог держать секрет один. Пусть кто-то из учениц ходили по собственной воле - те, кто делали это лишь ради удовольствия и не были фанатами политики воздержания Рейена, могли использовать свое влияние, чтобы заставить остальной класс замолчать и держать это в секрете. Для них искушение найти что-то запретное в школе было слишком велико, и Хидео Хаяма был единственным ключом.

Но слияние факторов, создающих проблему, не создано лишь людьми. В какой-то степени, суровость учебного заведения тоже виновна в этом. Ее высокие резные стены, отделяющие ее от всего, что не принадлежит к ней. Ветер редко поет внутри, и из-за стен нельзя услышать ни звука. Время течет лениво и неспешно. Все это создано, чтобы дать защиту против угрозы загрязнения, которое лежит снаружи. Но как в любой герметичной комнате, воздух со временем становится затхлым, зловонным. Люди здесь думают, что это какой-то секретный мир, защищенный от всего остального, жестокого мира. Но это не более чем тюрьма от реальности.

- А почему тебе интересна Татибана Каори, Микия? Ты спрашивал о ее оценках и всем таком.

Я хочу узнать последнюю оставшуюся тайну.

- Девушка из ноябрьского пожара? Помнишь, когда мы были в офисе Токо-сан, ты рассказывала мне о пожаре в общежитии? Ну, после того, как работы стало меньше, я решил этим заняться. Начал узнавать у властей. Однажды кузен Дайске подкинул мне отчет о вскрытии умершей девушки, нашей Каори Татибаны. Судя по всему, причина смерти несколько более неоднозначна, чем можно ожидать. Патологоанатом нашел доказательства того, что она могла умереть от передозировки героина, и была мертва еще до пожара. Но в итоге они не смогли сказать наверняка. Последняя странная деталь, касающаяся ее смерти, это высокая вероятность того, что она была беременна, хотя состояние ее тела не позволило определить точно.

- Они также уверены, что никто не вел ее в пожар. Она была достаточно глубоко в здании, чтобы любой, кто увел ее туда, не успел бы выбраться сам. Печальное дело. Сначала изнасилование, потом беременность. Не самые нормальные проблемы для шестнадцатилетней девушки; она, по всей видимости, не смогла справиться с ними. И это всего лишь догадка, но... я думаю, что когда начался пожар, и все стали убегать из общежития, она единственная осталась в своей комнате. Она на самом деле могла желать себе смерти.

- Верно, - отвечаю я, возможно, слишком вызывающе. Не могу сдержаться. Дело Каори Татибаны наконец-то начинает обретать форму.

- У нее были причины для суицида. Почему она не могла просто сделать аборт? Если бы она сообщила Хаяме, он мог бы ей помочь.

- Не знаю, - ответил он задумчиво. - Слишком молода? Осложнения?

- Может, - говорю я лениво, думая о чем-то другом. Ее беременность была причиной унижений со стороны класса Д, не в последнюю очередь и потому, что это было позором для класса. Если она не делала аборт, то она грозила раскрыть маленький секрет класса и Хидео Хаямы. Что еще хуже, ей даже не нужно было для этого открывать рта. Класс,

видимо, даже не стал ждать команды от Хаямы и сам сделал Каори изгоем. С другой стороны, никакого физического вреда. Рано или поздно это привлекло бы внимание сестер, а этого они точно не хотели. Так что три месяца она выносила собственный позор и выдерживала ненависть класса, ментальная пытка высшего сорта. И потом суицид, когда ноша оказалась слишком велика.

- Как глупо. Если она была настолько готова умереть, то беременность должна была быть меньшим испытанием. Бездарная маленькая девочка... - я обнаруживаю, что начинаю запинаться, непрошено икая перед тем, как прийти в себя. - Бросать все, ради чего жила, чтобы умереть. Она была здесь с детских лет, и она проиграла такому, как Хаяма. Как... - я задыхаюсь на последних словах, осознавая, что несю. Я закрываю глаза, не желая выпускать слезы. Кладу руку на лоб, радуясь, что никто не может увидеть меня.

- Проиграла? Азака, о чем ты? Это не какая-то игра, не соревнование с победителями и проигравшими. Слов нет... - он вздыхает, а я касаюсь своих волос, прежде чем опереться спиной на стену. - И она могла совершить суицид, но причина наверняка отличалась от той, о которой ты думаешь. Не с ее воспитанием.

Голос Микии пронизан сожалением, хотя я не знаю, направлено ли оно на меня или на скончавшуюся Каори.

Я сглатываю и размышляю над тем, что собираюсь спросить.

- Почему ты так говоришь? Ты не считаешь, что она совершила самоубийство потому, что ее одноклассники издевались над ней? Для таких отчаявшихся людей, как она, побег в смерти является единственным выходом. Это единственное значение ее действий, разве нет?

- Ну, я и не ждал, что ты поймешь, - говорит он. В этой фразе есть что-то знакомое. Это почти то же самое, что сказала мне вчера Мисая Одзи.

- Почему?

- Сама посуди, Каори Татибана была в Рейене с детства. Она очень традиционная, очень консервативная католичка. В католической вере суицид – это древнее преступление, которое не только оскорбляет дарованную тебе жизнь, но еще и обесценивает жизнь, которую ты должна была прожить, зарабатывая спасение. Это на одном уровне с убийством. Для кого-то, кто настолько серьезно воспринимает католическую веру, Каори Татибана должна была иметь причину, которая для нее находилась за гранью рационального.

То, что говорит Микия, удивляет меня, заставляя выдохнуть. Я почти забыла о религии Каори. В отличие от цикла рождения, смерти и перерождения в буддизме, христианство обещает спасение в загробной жизни. Я знала это, но для меня, кто посещал лишь мессы и утренние службы как ученица, а не как верующая, это имело так же мало значения, как любое английское слово. Но для кого-то вроде Татибаны Каори, чье рвение и пыл в католической вере определяли ее с детства, религия была всем. Перспектива суицида пугала ее намного сильнее смерти.

- А причина?.. – спрашиваю я. До меня никогда сразу не доходят ответы на такие вопросы. Микия любит говорить, что мое рвение к соревнованиям сожгло как минимум часть моего сочувствия. Иногда он улыбается, говоря, что это шутка. Иногда, как во время моей последней вспышки, я лишь подтверждаю его мнение.

- Наверное, искупление. Она приняла на себя и свой грех, и грехи одноклассниц, и пожертвовала собой, чтобы стереть грехи класса Д, так, что она одна отправится в христианский ад. Она пыталась всех спасти.

Я ничего не говорю, позволяя тишине на мгновение воцариться в зале.

Я не ожидаю, что ты поймешь, что на самом деле это значит. Это то, что сказала Мисая Одзи. Ее злость была настоящей. Она понимала Каори лучше, чем кто-либо другой, и потому не может заставить себя простить класс Д, несильно изменившийся с инцидента.

Их смерть не гарантирует, что они отправятся в глубины ада, которому они принадлежат по праву. Она была права. В уме Мисаи Одзи убийство не отправляло их в ад. Это не было бы подходящим наказанием для людей, которые привели Татибану Каори к ее концу. Потому она преследует их, невидимая, все это время. Для них нет прощения. Только предложение смерти, более ужасной, чем кто-либо из них мог себе представить.

15

Льет дождь, и тяжелые капли, пробивающиеся через толстую поверхность бамбуковых листьев, приземляются на мою кожу. Тысячи холодных кинжалов вонзаются в меня. Впервые я по-настоящему чувствую холод. Некоторые капли падают на что-то металлическое, и я замечаю, что это лезвие моего ножа. Холодный дождь подходит холодной стали. Мои холодные, лишённые всякого воображения глаза сфокусированы на ком-то подо мной, хотя я не знаю кто...

Я просыпаюсь ото сна, чувство знакомства отдается эхом в моей голове, но оно уже отступает в забытую память. Я открываю глаза прежде, чем смогу обработать сон, только

чтобы заметить что-то маленькое, летящее рядом. Ошибки быть не может – это одна из фей. В тот же миг я выхватываю из кармана нож и бросаю его в фею. Спустя мгновение я слышу тупой звук удара ножа сначала в фею, а потом в стену.

На нож насажен один из фамильяров, существо с крыльями насекомого, точь-в-точь как в буйном воображении Азаки, издающее тихий, но высокий резкий писк. Думаю, она пытается вытянуть нож из себя своими маленькими ручками, но это не в ее силах. С последним писком она растворяется в воздухе, обратившись в струйку яркого материала, который тоже исчезает.

- Черт. Не стоило ее убивать. Может, она могла бы...

Может она могла что? Заставить сон продолжиться? Наконец позволить мне узнать правду о случившемся три года назад? Вспомнить автокатастрофу, из-за которой я оказалась в коме? Что из этого?

- Прекращай думать об этом прямо сейчас, - говорю я себе, быстро выбираясь из кровати и готовясь встречать других непрошенных гостей. Как только я спрыгиваю со своего яруса, я слышу четкий скрип половиц за дверью и звук удаляющихся шагов. Кто-то все это время стоял за дверью!

Я прячу нож в карман и бросаюсь к двери. Коридор тянется и на запад, и на восток, и когда я смотрю на восток, я вижу лишь тень убегающего человека. Рост – единственное, что можно было заметить в фигуре. Может, Мисая Одзи? Может она приняла меня за Азаку? Хм, скорее всего, так и было. Я знаю, что Азака настаивает на точном исполнении задания Токо, но если Мисая Одзи намерена атаковать нас в нашей комнате, когда мы спим, у меня нет иного выбора. Я следую за ней, наши шаги заставляют деревянный пол стонать, звук эхом раздается в коридоре. Она быстрее, чем я ожидала, и я не могу сократить дистанцию между нами. И она точно знает куда идет. Выскочив из коридора, а потом и из общежития, она направляется к главному зданию школы, используя крытый путь, которым не так давно мы с Азакой сами пользовались. Лес окружает нас на время погони, но дистанция между нами все еще настолько велика, что я едва вижу преступника. Наконец, мы выбираемся на школьные земли. Она направляется не в здание школы, как я ожидала, а в часовню.

Ловушка. Ничем иным быть не может. Но будет глупо возвращаться, когда я так далеко зашла. Здесь она загнана в угол, и мы обе знаем это. Несколько секунд я восстанавливаю дыхание, вытираю пот со лба и открываю дверь часовни.

Несмотря на размер, дверь не издает ни звука. В мрачном интерьере заброшенной часовни стоит лишь один человек, тень его вытянута дневным солнцем. Я как можно быстрее закрываю дверь, не отворачиваясь от силуэта. Дистанция между нами лишь десять метров, но человек хранит молчание, окутывающее это священное место. Он поднимает руку туда, где должно находиться лицо, словно поправляя очки, и наконец, я замечаю мужчину, плящущегося на меня так, будто я какая-то статуя.

- О, по какому делу вы так поздно пришли в часовню, Реги-сан?

Мимолетная улыбка проскальзывает по его лицу, ленивое, беспечное выражение, специально для детей. Это та же улыбка, которая была на его лице два дня назад, но в этом месте она кажется фальшивой, и от самой улыбки веет пустотой. Там, в тусклом, пыльном свете часовни, стоит Курогири Сацуки.

Записи в забвении – 6

- Теперь давай пройдемся по информации о Курогири Сацуки.

На том конце провода я слышу, как Микия бросает толстую стопку бумаг на стол, а затем берет другую. Как жалко, он собрал так много информации, а я не уверена, что нам пригодится хоть что-нибудь о Курогири Сацуки. Теперь, когда действия Хидео Хаямы и секрет класса Д раскрыты, мне больше нечего делать. Предпримет ли Мисая Одзи что-нибудь или нет, теперь дело в любом случае принадлежит Токо-сан.

- Нет, спасибо, Микия. По всей вероятности, я и Шики уже скоро покинем школу. Просто дождись меня в офисе.

- Уверена? Все же я не думаю, что эта информация полностью бесполезна. Она может быть связана с делом.

Что-то в его голосе настораживает.

- Что, Сацуки Курогири тоже вовлечен в кружок проституции?

- Нет, дело не в этом. Он никак не связан с инцидентом в классе Д. Азака, ты знаешь, где он родился?

Имя японское, но я слышала, что он долго учился за границей. Может, его родители были японцами, но он родился за ее пределами.

- Не могу сказать точно, - начинаю я. – Но я слышала, что он долгое время жил в Британии. Там живет его семья?

- Да, судя по всему, он родился в маленьком городе в Уэльсе. Его усыновили в десять лет, и новые родители дали ему имя Сацуки Курогири вместо его старого имени. Довольно странно менять имя ребенка в таком возрасте.

Не слишком странно, на мой взгляд, если приемные родители чувствовали, что должны приблизиться к своему ребенку. Хотя это первый раз, когда я слышу о ребенке, которого усыновили так поздно.

- В любом случае, я навел справки, - продолжает Микия. – Видимо, он считался каким-то вундеркиндом. Яркий, полный талантов. Но он сделал что-то, что заставило его родителей возненавидеть его и отдать на усыновление. Прошло немало времени, прежде чем его усыновили, похоже, какая-то японская семья из далекого города подобрала его.

Поскольку он учился в школах, дальнейшее легко узнать по бумажному следу, но о том, как он жил перед усыновлением, ничего неизвестно.

Это определенно странная история, и на первый взгляд она не подходит Курогири-сану. Более того, то, что Микия смог найти человека, который знал о прошлом Курогири-сана, заслуживает восхищения. И заставляет задуматься, в какой информационной сети мы живем.

- Интересно, почему его родители вдруг отдали ребенка на усыновление, хотя он был гением, - размышляю я вслух – Финансовые проблемы?

- Нестыковка, да? Если быть точным, он был гением только до десяти лет. Потом его гениальность пропала. Я не смог узнать, было ли это из-за какого-то повреждения мозга или еще чего, но что-то случилось, когда ему было десять лет, он практически потерял способность к запоминанию. Что бы он ни видел, он не мог запомнить, и какое-то время считался умственно отсталым. Когда это случилось, родители поспешили избавиться от него, отдав на усыновление.

- Он не мог... вспоминать?

Что-то здесь напоминает те проблемы с памятью, которые возникли сейчас в Рейене.

- Но я в нем этого не заметила. Он, кажется, помнит, что с ним происходит, и весьма начитан.

- Ну, да. Иначе он бы не смог получить лицензию учителя. Это, видимо, было чудо. Он снова стал гением через какое-то время после усыновления. Когда ему было четырнадцать, он учился по университетской программе и получил докторскую степень в лингвистике, едва ему исполнилось двадцать. Перед ним были открыты все двери. Он выбрал карьеру в образовании и нанимался во многие университеты и колледжи. Но есть кое-что странное во всем этом. Всегда было самоубийство...

- Одного из учеников, да? – внезапно спрашиваю я.

- Я знаю, в наши дни самоубийство в школе не является чем-то из ряда вон выходящим. Но тут это какой-то шаблон. Каждый раз, когда Курогири Сацуки начинает работать в школе и затем покидает ее, кто-то из учеников совершает самоубийство. Этого мало, чтобы установить причинно-следственную связь, так что я просто рассказываю, что знаю. Совпадение в десяти или двадцати случаях? Невозможно, да?

Его слова заставляют мои мысли сорваться с места. Профессор, оставляющий след страшных самоубийств за своей спиной. Может ли он быть связан с происходящим здесь? Но Мисая Одзи сказала, что управляет им, как инструментом. Он также потерял воспоминания, и верит, что с классом Д все нормально. Я думала, организатором всего этого была Мисая Одзи. Что сделал этот человек? Насколько велика его роль?

- В любом случае, это все, - заключает Микия. – Оставшаяся ручная работа на тебе. Не перетрудишься. И старайся далеко от Шики не отходить.

Я открываю рот, чтобы ответить, но он перебивает меня прежде, чем я успеваю начать.

- погоди, еще кое-что. Я слышал что-то насчет имени Сацуки. Видимо, имя «Сацуки» является каким-то странным переводом слова «Первое мая». Не знаю, что имеется в виду.

Но я знаю. Первое мая – день Белтейна³, отмечающего появление летнего солнца. И Сацуки – название пятого месяца японского лунного календаря. В этом контексте имя Сацуки имеет смысл. Первое мая или Белтейн в Японии не празднуются, но я кое-что знаю об их значении. Если я права...

- Микия, ты знаешь, что случилось с Курогири-саном непосредственно перед тем, как он временно лишился ума?

- Если учитывать слухи, то да, но понимай их как тебе угодно. Слухи таковы, что он был украден, или заменен, или что-то в этом духе. Похоже, он пропал из дома на три дня. Когда вернулся, он уже был другим.

- Похищен, а потом изменился. В таком ключе его имя довольно подозрительно. Как Хэллоуин или Летнее солнцестояние, Первое Мая – время, когда феи выходят на охоту, и именно это с ним случилось. Спасибо, Микия. Я скоро поговорю с тобой.

Я кладу трубку, не тратя более ни секунды на прощание. Микия был прав. Информация относилась к нашему делу.

В моей голове раздаются последние слова Токо-сан. *Управлять феями как фамильярами – глупая затея. Ты и не заметишь, как со временем уже не они исполняют твои желания, а ты – их. Будь осторожна с фамильярами, чуждыми душе мага, Азака. Они легко могут превратить тебя в их собственность.*

Как глупо с моей стороны - в попытках найти виновника и узнать, что скрывал класс Д, я упустила главные вопросы, на которые все еще не знала ответа. Например, причина суицида Каори Татибаны, которую Микия так удобно предоставил.

Мисая Одзи сказала, что феи могут украсть только воспоминания, все еще живущие в уме, но не забытые записи и эманации таких воспоминаний. Но кто тогда достал те записи из забвения и дал им форму с помощью писем, разосланных ученицам? И с учетом нового знания, которым щедро поделился Микия, есть еще вопрос относительно самой главной тайны, которую я забыла.

Кто научил Мисаю Одзи Магии?

- Спасибо, Микия. Я скоро поговорю с тобой.

Оставив Микию в задумчивости, звонок обрывается.

- Азака? – пытается обратиться Микия, но он знает, что ответа не будет. Он трясет головой от разочарования, кладя трубку на место. У него есть чувство, что все намного

³ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%82%D0%B5%D0%B9%D0%BD>

сложнее, чем ему казалось, а он просто не знает об этом. Парень возвращается на свое место за столом.

Шестое января, после полудня - кроме него, в офисе Аозаки Токо больше никого нет. Сама Токо уехала по своим делам, но и Микия должен был получить отгул, так что его присутствие не совсем оправданно. Но конечно, поскольку его сестра, Азака Кокуто, и его подруга, Реги Шики, впутались в какое-то новое дело, он должен быть здесь и следить за телефоном. Не первый раз он беспокоится о том, почему эти двое получили новое дело в самом начале года.

У него нет ни малейшего представления о сути этого дела или хоть какой-то информации о том, насколько оно опасно для них. Он никого не спрашивал, собирались ли они на новое расследование, но ужасно раздраженная Шики проболталась на следующий после Нового года день, кажется, не заморачиваясь тем, что Азака требовала держать в тайне. Если верить Шики, она собиралась изображать новую ученицу в Рейене, что должно быть ее легендой на время расследования. Прошло всего несколько дней с тех пор, как он говорил с Шики и просил узнать о Хидео Хаяме и Сацуки Курогири.

Микия услышал о пожаре в общежитии Рейена в ноябре прошлого года и с того момента в нем разгоралось любопытство и желание заняться этим делом, но лишь сегодня он собрал какой-то адекватный набор документов, что, в сочетании с его беспокойством за безопасность сестры, конечно, значило, что он толком не спал.

- Ну, думаю, что если она рядом с Шики, она в относительной безопасности, - говорит он себе, вытягивая руки над головой. Так что ему теперь делать? Сон кажется хорошей идеей. И пока он думает, что это не совсем правильное время для сна, когда Азака может перезвонить в любую секунду, он обнаруживает, что его веки тяжелеют быстрее, чем он ожидал и он проваливается в глубокий сон.

Сон уносит Микию в эпизод, случившийся несколько дней назад, после Нового года. Шики показала ему форму, которую она должна была носить в Рейене. Разъяренная тем, насколько нелепо она в ней смотрелась, она потащила его жаловаться Токо, которая, увидев ее, сказала только одно:

- Великолепно.

Что было великолепным, Микия так и не понял, очевидно, не поняла и Шики. Перед тем, как уйти, она поклялась никогда больше не показываться ему в этом дурацком наряде.

- Простудишься, если будешь спать на столе, Кокуто.

- Я не сплю! – рефлекторно отвечает Микия, мгновенно просыпаясь и оглядываясь. Он замечает настенные часы, которые показывают три часа пополудни. Осознав, что он проспал два часа на собственном столе, Микия чувствует, насколько замерз. Это большая ошибка – уснуть здесь без какого-либо обогрева посреди зимы.

- Токо-сан? – говорит он наконец, сфокусировав взгляд на женщине, идущей по комнате. - Когда вы вернулись?

Токо Аозаки, все еще в своем непромокаемом плаще с сигаретой, зажатой между губами, останавливается рядом с Микией.

- Только что, - отвечает она. Ее длинное лицо выглядит так, словно она жаждет какого угодно развлечения. Похоже, сегодняшнее свидание с кузеном Дайске закончилось провалом.

- Вам скучно, Токо-сан.

Микия улыбается, думая, что может отделаться несколькими колкостями по поводу вида Токо. Но ее ответ полностью противоположен ожиданиям Микии.

- Нет, на самом деле не скучно. Он был немного уныл, но мне с ним не было скучно.

И это единственная оценка прошедшего дня, которую она дает перед тем, как потянуться к карману пальто за банкой кофе, которую она ставит на стол Микии со словами:

- Маленький подарок для тебя за то, что присмотрел за офисом.

«Экономичный... подарок», - думает Микия, но он, тем не менее, благодарен за него из-за холода, захватившего тело за время сна. Прежде чем открыть крышку, он слабо благодарит Токо-сан. Она неожиданно замечает толстую стопку документов на столе Микии и хватается один из них с еще более скучающим видом.

- А, это просто немного из материала, который Шики попросила найти по Рейену. Не думаю, что вы найдете это чтиво увлекательным.

- Наверное, нет, - отвечает Токо с кивком, но все равно начинает листать страницы. Несколько секунд ее лицо не выражает интереса, но она останавливается на странице с фотографией Курогири Сацуки.

- Глас божий.

Ее голос – изумленный шепот, и после того, как она произносит эти слова, она застывает с открытым ртом так, что сигарета, зажата ранее в губах, падает на пол. Ее глаза расширяются, словно она увидела привидение.

- Поверить не могу, - наконец произносит она. – Колдун, в охоте за которым Ассоциация сбилась с ног, изображает здесь учителя старшей школы? Это должна быть какая-то шутка Повелителя языков.

Она надевает рваную улыбку человека, который знает, что может потерять столько же, сколько получить. Улыбку, в которой нет злости, но хватает опасной смеси сухой осторожности и рассчитанного риска выбора.

- Сацуки Курогири? Маг? – недоверчиво спрашивает Микия. Токо бросает на него взгляд, прежде чем вернуться к активному чтению. Все еще безумно ухмыляясь, она занимает место за своим столом.

- Мать-настоятельница не показывала мне фотографий. Поручать это Азаке могло быть ошибкой. Я могла бы... нет. Если бы я пошла, мои воспоминания были бы украдены.

Не понимая сбивчивые слова Токо-сан, Микия только вздрагивает, заключая, что «украденные воспоминания» - лишь одна из наиболее ярких и странных метафор. Все же из того, что он понял, этот человек кажется намного опаснее, чем Токо предполагала изначально, и он вынужден задавать вопросы.

- Если этот парень и правда маг, Шики и Азака суют головы в петли, будучи так близко к нему. Токо-сан, я должен знать, представляет ли он для них опасность.

- Маловероятно. Если слухи правдивы, Глас божий не планирует вредить кому-то, во всяком случае, намеренно. Все-таки он не маг. Он не происходит из магической семьи, и его душа не несет искры, которая оживляет Магию в везучих индивидах, таких как Азака. Но также, как Азака может лишь управлять пламенем, его трюк – власть над языком. Это является способностью за пределами документированных династиями магов, но он утверждает, что получил ее, когда ему было десять лет.

- Мое мастерство тайнства Рун в двадцать лет часто считается ранним, но были и те, кто достиг его еще раньше. Одним из этих людей был человек, учившийся в Африканских горах Атласа, с которым я лично не встречалась, хотя вся Ассоциация знает его имя и титулы. Повелитель языка, Глас Божий. Единственный мастер Магии настолько могущественной и древней, что она вплотную приближается к мифическому волшебству. Она хмыкает, как будто внезапно стала владелицей какого-то секрета. Микия знает, что она закручивает слова для себя так же, как для него, и каким-то образом, это беспокоит его еще сильнее.

- Никто не знает настоящего имени Гласа Божьего, и даже тех, кто знал его во время обучения, можно пересчитать по пальцам. Немногие видели его лично. Но его лицо и магия известна всем, кто верен традициям Лондонской Ассоциации магов. Видишь ли, магия Гласа Божьего довольно очевидно связана с его титулом: он говорит высшей речью,

мифическим Адамовым языком. Слова все еще имеют власть над реальностью, и они внедряются в сознание, встроенное в каждого человека, делая их понятными каждому. Нет слова, которого он не знает, нет диалекта, который ему незнаком. Хотя он слышит себя так, словно говорит на одном языке, любой, кто слышит его, слышит то, на что их настроит их же парадигма. Даже ты должен знать историю Вавилонской Башни, Кокуто.

- Да, та самая, которую нарисовал Питер Брейгель? Высокая спиральная башня, почти достающая до небес, наверху которой они собирались построить храм, так чтобы Бог мог общаться с ними. Но Бог увидел в этом высокомерие и разрушил башню, а чтобы люди не смогли повторить то же самое, он создал смешение языков, которое разметало людей по Земле.

- Именно. Старая история о Вавилонской башне из Библии. Другие сохранившиеся источники указывают на похожие истории, и всегда есть то, что называется «смешение языков». Бог смог разбросать человечество по свету не сложной физической характеристикой вроде расы или цвета кожи, а простым языком. Все-таки самое большое различие между японцем и иностранцем не в цвете волос или глаз, а просто в конструкции нашей грамматики и орфографии, верно? Это создает протяженный барьер для понимания. Причина действий Бога в том, что, благодаря барьеру, человечество никогда не построит вторую башню. Но со временем человечество росло и развивалось, глобализировалось, и однажды барьер языков стал слаб.

- Зачем было нужно смешение языков? Такое суждение было сделано во времена, когда люди еще чувствовали своих богов. Мифическая эпоха. Это было время, когда наши тайны не были тайнами, и Магия была консенсусом, то есть обыденностью, и когда могучие волшебники несли великие силы из оккультных фаз луны и завистливых приливов звезд, которые переполняли мир маной. Так нас учили, по крайней мере. Глас Божий – постоянное напоминание об этом. Перед смешением языков был только один бесформенный высший язык, путем которого все понимали все, когда люди говорили с душой мира и ее творениями так же легко, как друг с другом. Потом Бог создал низшие языки, украв обещание мудрости, которое однажды даровал. Глас Божий единственный, кто может воспроизводить универсальный язык и творить свою Магию через высшую речь. Он общается со всеми людьми - канал, через который проходит сила творца, абсолютный исток. То, что его отсутствие таланта к магии не дает ему использовать его в полную силу – настоящее благословение для нас.

В противоположность зловещей улыбке Токо, лицо Микии имеет запутанное и озадаченное выражение. Он не уверен, что понимает, что пытается сказать Токо, кажется, снова забывшая, что ему неведомы мистические аспекты ее дела. И все же он знает достаточно, чтобы выбрать то, что в силах понять.

- Другими словами, Сацуки Курогири может говорить с чем угодно? – спрашивает он.

- Почти. Универсальный язык не настолько универсален, как был когда-то, и хотя он может говорить со зверем, и зверь поймет его, выразить ответные мысли животное не сможет. Люди также ответят ему на том языке, на котором говорят.

- Так что тогда в этом особенного? Если они не могут ответить ему, разве это не то же самое, что говорить сам с собой?

- Если используется медиум слов, да. Но этот человек иной. Он говорит не с людьми и зверями, а с душой, которая все еще содержит последнее соединение с чем-то высшим. Всегда есть частица, отсеченная от первобытной спирали истока, и когда высшая речь говорит с нашей душой, наши падшие сущности обязаны подчиниться. Отрицать это - значит отрицать структуру реальности - следовательно, это невозможно. Абсолютный язык, который начинает утверждение и превращает слова в истину. Абсолютная форма гипноза. Он неосознанно получает доступ к Записям Акаши, и через высшую речь встраивается в них, чтобы направлять свою волю. Так он вытягивает воспоминания, не из

ума, но из Записей вещей за гранью того, что содержится в реальности. Носитель заклинания, достойный Печати и заточения Ассоциации.

Сев в кресло, Токо откидывается назад с тяжелым вздохом, и Микия прикидывает, наговорила ли она.

Печать Ассоциации. Знак признания и уникальности, который Ассоциация выдает магам, чей талант настолько редок, что не был известен ранее или не ожидался быть встреченным снова. Для сохранения этих умений они стремятся заточить этих личностей в своей башне. Хотя Ассоциация считает это великой честью, запечатанные маги едва ли так думают, поскольку их вечно используют как объект для изучения. Маги, попавшиеся в такую ловушку, не могут учиться, у них нет времени на задачу вознесения, определяющую каждого мага. Таким образом, большинство магов, отмеченных Печатью Ассоциации, сбегают, чтобы отделиться от Ассоциации, и Глас Божий как раз относится к таким отступникам. Если Ассоциация узнает, что Глас Божий здесь, пройдет немного времени перед тем, как он будет пойман. Но Токо Аозаки не может пойти на такие действия. Не пойдет. Она рисковала своей независимостью и задолжала Ассоциации после инцидента в апартаментах Огава в ноябре. Она не настолько дерзкая, чтобы повторять это.

Женщина пялится в потолок пустым взглядом и думает. Покуда Глас Божий в Рейене, Шики и Азака в опасности. И все же Азака сама искала драки, и она не простит Токо, если та лишит ее этого шанса.

- Мы пока на скамейке запасных, Кокуто. Не думаю, что это что-то серьезное.

Она провозглашает это с нотками завершенности, зажимая между губами новую сигарету и зажигая ее. Микия смотрит на Токо, подняв бровь.

- Вы уверены? Насколько я понимаю, Сацуки Курогири кажется весьма опасным. Вы точно не собираетесь отправиться им на помощь, Токо-сан?

- Я уже сказала, что он не станет кому-то вредить. Его Магия не настолько отточена, чтобы использоваться для атаки. У него не тот вид искусства, который культивируют Азака и Шики. Он может только заставлять желания других людей осуществляться. А он там только ради расплывчато-определенной цели, за которой гонится всегда.

- И эта цель?.. – простота вопроса Кокуто заставляет Токо вспомнить о моменте, когда она давала это задание Азаке. Инцидент с забытыми, утерянными в забвении, воспоминаниями и правда становится похожим на работу Гласа Божьего. Но что сделано – то сделано. Кто подозревал, что один из лучших людей Ассоциации будет прятаться в академии в богом забытой провинции?

- Это цель довольно простая, непоследовательная. Это... ну... я думаю, можно назвать это вечностью. Покуда у него есть эта сила, он всегда будет гнаться за тенью, непонятными нам, но ценными для него. Это подобно горькому миру, и погоня будет длиться всю жизнь и даже дольше.

Она основательно затягивается и потом выдыхает густой серый дым.

- Однако он никогда не достигнет ее. Пусть он и может найти вечность везде, где ищет.

Дым от сигареты взлетает к потолку, встречаясь со светом в смутном узоре, рисующем неясный мираж.

/6

Пепельный тон солнечного света, отфильтрованный мириадами цветов запятого стекла окон, добавляет какие-то оттенки безумия во все, чего он касается; в меня, и в Курогири Сацуки, стоящего посреди всего этого с глупой улыбкой на лице, без всяких добрых или злых намерений.

- Ох. Что привело вас в часовню в такой час, Реги-сан?

Его голос не винит мой бесцеремонный вход в это место, но просто задает вопрос, что делает его еще подозрительнее. На мгновение, когда я вошла, я подумала, что у алтаря стоит Микия, и этого было достаточно, чтобы я неуклюже замерла на месте. Но я вовремя пришла в себя, выхватила нож из заднего кармана формы, и держу его наготове с того

момента, как мы предстали друг перед другом. Теперь он мрачно смотрит на неплохой, напоминающий скальпель, клинок, возможно, не зная, что делать дальше.

- Лучше уберите его, - говорит он. – Вы можете порезать кого-нибудь.

Сказано с грацией учителя, мягко направляющего ученика. Я игнорирую его, все еще ища в часовне следы присутствия других людей, но хотя здесь темно, я не могу заменить ни следа подозрительного блеска. Девушки, за которой я гналась, тут нет. Тут вообще никого нет, кроме самого Курогири Сацуки.

- Может, вы знаете, что случилось с Мисаей Одзи, Курогири-сан? – говорю я, прекращая осмотр часовни и возвращая взгляд на мужчину, стоящего перед алтарем. Курогири Сацуки мягко опускает глаза вниз.

- Одзи-сан здесь нет. Но вы же меня ищете? Потому что это я собираю кусочки забвения, разбросанные по школе, а не она.

Он снова улыбается. Почему-то я легко могу поверить, что это не ложь. Он преступник, настоящий, и это правда, которую легко принять. Почему-то. Кажется, что это данность, давно известная и странно убедительная.

- Что все это, черт возьми, значит?

Прощай внешность вежливой ученицы. Хотя мне кажется, этот образ давно исчерпал свою полезность. Я обвиняюще смотрю на Курогири Сацуки, и он встречает мой взгляд подходяще виноватой улыбкой.

- Это значит то, что значит. Я – тот, кого вы искали, хотя я должен признать, что убитая вами фея мне не принадлежит. Вы – все еще чистый лист для Мисая Одзи, и она заинтересована в вас. Ее ложные феи бесполезны против вас, и, тем не менее, она настаивает на сражении с вами, используя их. Хотя та фея всего лишь жертва ее Магии, это печально, что ей пришлось умереть.

Опять сожаление в его голосе кажется настоящим, даже когда он закрывает глаза, читая молитву по скончавшейся твари. И все же я не могу позволить поколебать себя такой глупой демонстрацией сострадания. Азака бесконечно говорила о нашей роли наблюдателей, но враг прямо передо мной, так что есть только одно действие, доступное мне. Я...

- Не думаю, Реги-сан, - неожиданно говорит он, как будто прочитал мой разум. – Маг фамильяров-фей не я, но Мисая Одзи. С моим навыком в Магии просто невозможно управлять столь впечатляющим количеством фамильяров. Единственная, кто способен на это – Мисая Одзи. Мой талант заключается лишь в записи слов и мыслей, и, следовательно, моя роль в этом слабо связана с феями. И вы не будете считать меня врагом в этом вопросе.

- Чт... - снова его слова звучат странно.

- И несмотря на это, я не сказал, что я не связан со всей драмой в целом. Возможно, будет правильно исправить маленькую ошибку Мисаи Одзи, вы согласны?

Его глаза наконец-то открываются, и когда я смотрю в них, я вижу внутри неизменный мир.

- Я не собирался так сильно вмешиваться в это дело, но и не рассчитывал, что вы появитесь на сцене столь рано. Одзи-сан должна была лишь оценить возможности Кокуто-сан, но, думаю, после того, как моя вовлеченность в это дело была обнаружена, ваше появление здесь было лишь вопросом времени. Раз уж я заманил вас сюда, будет лучше, если я смогу быть вашим оппонентом.

- И зачем ты хочешь так легко расстаться с жизнью? Не вижу причины нарываться на мой нож с такой готовностью.

- Возможно. Мне интересно, что вы чувствуете насчет ваших воспоминаний, запертых глубоко в вас. Вы отрицаете их так же, как отрицаете меня, или вы хотите вернуть их?

Кража воспоминаний была ролью Мисаи Одзи, а моей было вытягивание воспоминаний, утерянных в забвении. Вы обе преследовали Мисаю Одзи, думая, что это закончит путаницу, но здесь вы нашли меня, ваша рука готова сделать то, чего вы так жаждете.

Я не двигаюсь. Я даже не моргаю. В том, что он говорит, есть истина. Не думаю, что идея наложить руки на потерянные воспоминания придется мне по нраву. Моя чрезмерно яростная реакция на фей, по всей видимости, была связана с этим, и она же была причиной того, почему я так хочу покончить с Мисаей Одзи тем или иным способом. Хотя цель изменилась на Курогири Сацуки, мои чувства изменились мало.

Но нет того знакомого ощущения, нет импульса, толкающего меня вперед. От него не исходит чувства угрозы. Странно, я знаю, что он враг, но это меня не трогает. И как только я замечаю странно чуждое чувство, по моей спине бежит холодок. Но это не четкая ясность цели, приказывающая мне убить. Может... может, мне это не нужно.

Я игнорирую холодок, и использую Глаза, чтобы рассмотреть Сацуки Курогири и его чудаковатую улыбку. Черные линии смерти появляются в поле моего зрения, разбегаясь по его телу, как паутина, завивающаяся сама в себя со сложностью фрактала. Одно их количество говорит мне, что его тело на грани смерти, ближе, чем кто-либо, кого я видела. Безумный пепельный свет и темные электризованные линии смерти смешиваются в один комок, но Курогири Сацуки все равно издает слабый, почти унижительный смешок.

- Вы использовали магию. Мистические Глаза Восприятия Смерти, я полагаю. Мне принадлежат конечные пути, что уже пройдены, но вы видите бесконечные пути, которые еще предстоит проложить. Я записываю лишь прошлое, но ваши глаза не видят ничего, кроме будущего. Какая ирония. Арайя позвал меня заняться вашим прошлым, эм, *Шики-сан*?

Его полузакрытые глаза, кажется, глядят на меня с подозрением. Единственное сказанное слово приковывает мое внимание, и одно его упоминание объясняет необычную враждебность, которую я чувствую с тех пор, как пришла сюда.

Арайя. Нет сомнений, он назвал это имя.

- Черт. Ты маг, Курогири Сацуки? Тогда, ты мой враг.

Я крепко сжимаю нож. Странные мысли, вторгающиеся в разум с начала разговора, не были совпадением. Это его заклинание.

Не о чем больше думать.

Нечего обсуждать.

Его смерть все исправит.

Его смерть закончит все это.

И хотя я не понимаю почему, я чувствую желание рассмеяться.

На мгновение он выглядит как Микия. Еще мгновение, и я вспоминаю, что этот маг на той же стороне, что и я, отделенный от остальных людей, но вместе со мной в мире лжи и секретов. Я сдерживаю себя от прыжка в отчаянной несдержанности, от атаки, которая разорвет его горло и напоит меня еще теплой кровью. Не надо спешить, немного планирования, чтобы не недооценить моего противника. Как только я увижу уязвимость, я брошусь вперед, приближусь и нанесу вертикальный удар в основание горла, протащу нож вниз до живота за один вздох и закончу все это за три секунды.

Хотя я вижу конечности, окровавленные и разбросанные по полу, я слышу удар сердца. И появляется напряжение. Мое дыхание сбивается, меня наполняет нерешимость.

- Это *не то*, что вы сделаете, *Шики-сан*, - властно говорит маг, словно подчеркивая сказанное. Я должна быть рядом с ним, заставить пожалеть об этих словах. Но вместо этого они удерживают меня на месте, не давая мне ничего сделать, потому что что-то внутри меня говорит, что это совершенно *неправильно*, пусть и разум говорит обратное.

Убийственная жажда, которая обычно ведет меня, не появляется, и я не могу заставить себя напасть на него, на человека, так похожего на Микию.

Мое горло высыхает, язык начинает неметь, и все, что я могу сделать – это попытаться сразиться со страхом, не позволяя ему проявиться и толкая себя к финальному действию. Мое тело неподвижно, как окоченевший труп. Если бы только я могла очистить разум, я знаю, что смогла бы избавиться от бесполезных мыслей и *двигаться*. Но я не могу.

- Нет, не могу, – единственное, что я могу сказать. Маг смотрит на меня, словно часовой.

- Хорошо. Вы остановились. Вы бы убили меня, если бы продолжили в таком духе. Когда-то вы уничтожали убийственный импульс по имени **Шики** снова и снова, чтобы даровать себе иллюзию нормальной жизни. Теперь вы пытаетесь заткнуть *Шики*, и хотите опереться на тень той же опустевшей части себя. Но заткнув *Шики*, вы вернетесь во внешнюю тьму, из которой пробудились. Хм. Арайя сказал, что вы были дерзкой, импульсивной. Но перед собой я вижу трусливого нерешительного ребенка.

Он отводит глаза в сторону.

- Арайя говорил мне, рассчитывал, что я выманю вас. Худшая комедия ошибок – то, что я оказался здесь, когда он сам уже побежден. Позор. Я хотел увидеть, чего он мог достигнуть своим экспериментом.

Проходит несколько секунд, пока он молчит, стоя передо мной, не моргая и не двигаясь, как и я, не собираясь атаковать или бежать. Линии смерти танцуют в ожидании, и мой нож все еще крепко сжат в руке, его тепло спрашивает, как долго я намерена стоять перед ним. Я не могу ответить. В тишине, окутывающей часовню, я слышу лишь собственное безумное сердцебиение, и оно не замедляется. Неспособная заставить себя атаковать или даже просто замедлить пульс, я решаю спросить:

- Почему ты просто стоишь там, Сацуки Курогири?

- То, что я должен был сказать, сказано, и все, что я скажу далее, будет ответами на ваши вопросы. Если вы уйдете сейчас, игнорируя те странные пути, которыми свела нас судьба, то и я покину вас, несвязанный с вами, как и прежде. Решите сражаться - и я буду защищаться. Я должен был помочь Мисае Одзи лишь раз, и теперь с этим покончено. Я не буду делать ничего, кроме как подчинюсь вашему желанию.

Мои брови дергаются от его любопытного ответа. Чего он хочет добиться, отдавая выбор мне? Он не хочет сражаться? Тогда зачем он вообще заманил меня в эту ловушку?

- Так ты сделаешь, что я захочу? Ладно, я все равно никогда не хотела возвращения потерянных воспоминаний.

Мое сердцебиение разгоняется еще сильнее, когда я говорю это, и я прижимаю руку к груди, пытаюсь остановить боль. Маг смотрит на меня с любопытством, прежде чем покачать головой в знак несогласия.

- Это не то, что говорит ваше сердце. Вы искали эти давно забытые воспоминания так долго, и теперь ваше сердце говорит правду. Это ответ, которому я подчинюсь.

Черт возьми. Он... не лжет. Но я всегда хотела воспоминания **Шики**. Теплые, но болезненные воспоминания старого одноклассника. Но никогда – то последнее воспоминание. Не последнее воспоминание морозной ночи, в которую ледяные капли дождя вонзались в мою кожу как кинжалы...

- Нет. Не делай этого, Курогири, - говорю я, неожиданное отчаяние закрадывается в мой голос. – Я не хочу их. Я никогда... я просто хотела забыть об этом, понятно? Это то, чего я хочу!

Разве не поэтому я забыла ту ночь? Это не поэтому **Шики** умер и оставил лишь бесполезные обрывочные остатки воспоминаний, как знак его существования? Я всегда думала, что воспоминания не вернуться. Он убил себя, чтобы я смогла оказаться здесь.

- Мне не нужна твоя помощь.

Я осознаю, что мой голос ломается на этих словах.

Тишина, после чего на его лице появляется улыбка и он отвечает:

- Должно быть, я ошибся. Если это ваше желание, то оно будет исполнено. Это моя роль.

В его словах нет злобы или ненависти, добродетельности или доброжелательности.

Токо говорила мне о феях, перед тем, как я уехала, о том, как их трюки не связаны нашим пониманием морали. Только безликое действие, как будто вынужденное духовным приказом или странным запретом. Этот маг с его поразительным непостоянством ума и своевольной природой собирания воспоминаний, очень похож на фею в моих глазах.

Почему этот человек улыбается? Будет ли правильной для него перестать это делать?

- Знаешь, ты чертовски странный. Хотя ты говоришь, что будешь следовать моим желаниям, я не знаю, какого хрена ты так довольнo улыбаешься. Я не хотела улыбки. Если ты так сосредоточен на становлении зеркалом моих желаний, сотри эту мерзкую ухмылку с лица.

- Вы правы. Однако я не верю, что улыбаюсь прямо сейчас. Как я сказал ранее, я никогда не улыбался.

Хотя он говорит это, улыбка не покидает его лица.

- Всем так кажется. Я хочу вести себя нормально, но Курогири Сацуки всегда будет улыбчив. Я никогда не чувствовал, что улыбаюсь, Шики-сан. Никогда не думал об этом. Я не понимаю плюсов этого действия или почему люди это делают. К такому человеку, как я, удовольствие никогда не приходит с легкостью, и в этом отношении я был похож на вас, кто когда-то не чувствовала себя по-настоящему живой. Но время, похоже, решило эту проблему, да? У Шики Реги есть цель, будущее. Что касается меня, у меня нет ничего кроме прошлого, и это все, что я вижу в других. Как другие нуждаются в еде, чтобы жить, я вынужден собирать прошлое и открывать его. Что случается после, меня мало интересует. Человек сам должен судить, что он будет делать с этими воспоминаниями, потому что я точно не могу судить. Не в моей природе.

Улыбка на его лице немного слабеет, но она кажется не менее реальной.

- Ничего кроме прошлого? Что это значит?

- Не иметь прошлого значит быть ничем, пустым. К сожалению, моя природа слаба, привязана к старым, жутким феям. Я не могу думать о себе, и потому не имею мечты или цели. Я подобен книге, которой даровал смысл писатель, но желаниями и мыслями наделили читатели. Та же слабость удерживает меня от суицида, и у меня нет иного выбора, кроме как жить. Только одно меня привязывает к чему-то напоминающему личность. Исполнение людских желаний. Я не делаю этого, чтобы найти в себе что-то хорошее, но я обязан это делать. Как судьба, я отвечаю на желания людей. Я возвращаю забытое время. Разве не является это очевидно желанным исходом, Шики-сан? Я возвращаю лишь то, что принадлежит вам по праву.

- Может быть, для тебя. Но как ты только что сказал, не тебе судить.

Я сужаю глаза. Показывая отрицание, я чувствую в себе странный ответ на его слова. Как будто они не останавливаются в моем уме, но продолжают циркулировать по телу. Словно сила, которая принуждает его, также принуждает меня считать его слова важнее, чем что-либо еще.

- Спасибо за предложение, но мой ответ по-прежнему «нет». Тебе не нужно отсылать мне письмо, рассказывающее то, что я уже знаю. Потерянные воспоминания не возвращаются. Твои проповеди не изменят моего решения.

Мое сердце бьется как сумасшедшее, рука прижата к груди. В первый раз наши глаза встречаются, но он смотрит куда-то вдаль, в его глазах пустая тьма, говорящая о давно сдерживаемом прощании.

- Так даже вы среди тех, кто отказывается от прошлого. Я просто не могу понять, как вы пришли к этому решению. Почему вы так легко отвергаете вечность?

- Вечность? Заставлять людей вспоминать старые грехи и записывать их – для тебя вечность? Это смешно. Где ты научился так разглагольствовать? Если люди правда хотят сохранить воспоминания, дай им это сделать самим, камерой. В отличие от магов, она не врет.

Мои слова, кажется, наконец стирают улыбку с лица Курогири Сацуки, и когда он снова говорит, в его голосе слышно семя осуждения, однако, очень малое.

- «Что есть материя, не может жить в вечности». Старая истина, но все такая же верная. То, что принадлежит материальному миру, не вечно. Твои Глаза говорят об этом лучше всего. У всего должен быть наблюдатель, который даст смысл, и впечатление само по себе не должно искажаться, иначе это не вечность. Даже ты не можешь точно сказать, совпадает ли то, что ты видела однажды с тем, как ты это помнишь. Разум наблюдателя прост, эвристичен. Новое становится старым, цвет чуда блекнет. В наших умах ценность чего-либо переменна и непостоянна. Энтропия безжалостнее вечности, и мы всегда привязаны к ней. Вечность является без формы, без тела, намерением, управляемым созерцателем, неспособным исказиться. Только запись случившихся событий – точная, всезнающая запись – может быть такой вещью.

- Записи можно изменить, - сурово отвечаю я. – Весь этот инцидент подтверждает это. Не думаю, что вы сможете найти вашу бесценную «вечность» где-либо в округе.

- Это не записи. Лишь мимолетные воспоминания. Такие вещи создают лишь основы личности людей, и как воспоминания, они меняются, чтобы подходить случаю, становясь похожими на одежды. Ты должна знать это. Плоть и разум могут быть переделаны также легко, как ты меняешь манеру речи.

Маг делает шаг ко мне, и это заставляет мое сердце подпрыгнуть.

- Наблюдатель наблюдает себя, и в свою очередь меняется этим, личность, сохраненная только знанием веса времени. Нет такой вещи, как определяющая личность. Записи есть лишь семена души, которая когда-либо существовала, и их надзор над вечностью строг. Это шрам, который остается в тебе даже после того, как ты и вселенная сломаются под тяжестью странных эпох.

- Я вообще не понимаю, к чему ты ведешь.

- И я не ждал этого. Ты, как и все остальные, подобные тебе, не можешь понять. Никогда не можете. Нет памяти, которая заслуживает быть выброшенной. Сознательно или нет, вы все желаете записей из забвения. Я лишь отражаю на вас эту истину.

Он делает еще шаг вперед, отходя от алтаря. Его странная улыбка возвращается, когда он подходит ближе. Моя ладонь вспотела от жара хватки на ноже, но это знакомый и успокаивающий жар. Его бессмысленная тирада содержала лишь одно важное заключение. Этот человек никогда не был похож на Микию. Микия никогда не был столь безразличен и неосторожен. Разница – это все, на что я могу положиться, пытаюсь изгнать необычный эффект его слов, хотя бы на момент. Момент – все, что мне нужно. Требуется громадное напряжение ментальных сил, но я чувствую, как мое сердцебиение замедляется, онемение в пальцах начинает пропадать. Усилия напрягают меня, и я знаю, что это лишь временно, но это все, что у меня есть.

- Ты говоришь, что не ищешь хорошего в себе, - говорю я обыденно, пытаюсь отогнать напряжение, чтобы лишь ненадолго поддержать иллюзию, давая ему приблизиться. - Ну, я не могу сказать, что ты злой, точно также, как я не могу назвать злым зеркало.

Это была откровенная ложь. Он старается выглядеть так, словно у него нет выбора, но явно Курогири Сацуки обладает разумом, чтобы оценить свои действия. И даже тогда у него хватает наглости называть себя безвредным.

- И это то, что ты думаешь о себе, я права? – продолжаю я. – Зеркало. Так, что ты можешь сделать вид, что не делаешь ничего неправильного. Ты просто делаешь то, что делаешь. Но ты знаешь, кого ты напоминаешь? То, как ты перекадываешь ответственность на других, напоминает избалованного ребенка.

На этих словах в его глазах появляется безумный блеск.

- Вы *хотите* сразиться со мной, не так ли, Шики-сан?

Жестоко искаженная улыбка.

- Так давайте сделаем это. Это почтит роль Арайи для меня. Однако было бы лучше, если бы вы решили проигнорировать меня.

Маг поправляет очки и позволяет себе еще один любопытный шаг, шаг, который ставит его в зону одного рывка, одного удара ножа. Поправлять очки передо мной было крупнейшей и последней ошибкой, которую он делал.

Ментальный блок все еще затрудняет движения, но я умудряюсь вложить силу в ноги и сократить дистанцию, поднять руку...

- *Твое зрение утеряно.*

Я слышу голос на долю секунды, и в этот момент он раздается эхом в голове, как неоспоримая истина. В следующую секунду я осознаю, что не вижу ни следа Курогири Сацуки, и мой нож пролетает через пустоту.

- Что за... - я верчу головой, налево, направо, оборачиваюсь. В часовне никого, кроме меня, и мои чувства, обычные и иные, не могут найти цель.

Он был прямо передо мной. Но теперь его нет. И раздается непрошенный голос.

- Близко. Очень близко. Я ненавижу людей, которые перебивают других до того, как они договорят. Эта атака лишила меня руки. Неудивительно, что Арайя был побежден. Ты правда великолепная убийца.

Голос исходит от мертвеца передо мной. Ментальный блок, наложенный на мой разум, все еще давит меня, осложняя фокусировку заклинание в глазах. Я пытаюсь вынести это. Если я не могу увидеть его, может, я могу увидеть его линии смерти.

- Но ты не сможешь победить меня, – незванный голос вторгается в мой разум. Но бесполезно. Я увидела линии смерти, прямо передо собой.

- Попался, убудок, - выплевываю я. Я сближаюсь так быстро, как могу, прежде чем потеряю преимущество, не планируя позволить ему сбежать. Но прежде чем я смогу сделать что-то толковое, он снова пропадает из вида.

- *Твои глаза тебе не помогут.*

Утверждение уверенно раздается в часовне, тьма начинает укрывать все. Его слова лишают меня малейшего намека на свет за считанные секунды, и все вокруг превращается в мир тьмы.

- Хм. Первый язык не столь эффективен против тебя, как я предполагал, - ворчит он. – Связь наших заклинаний со спиралью Истока, возможно, дает тебе некоторое сопротивление. Но в итоге смерть, за которую ты цепляешься, останется невидимой. Как и все остальное.

Его слова зарываются в мои уши, как будто он прямо рядом со мной. Я взмахиваю ножом по широкой душе, влево и вправо, но не задеваю ничего кроме воздуха и случайных деревянных поверхностей.

- Бесполезное занятие. Я уже сказал тебе, что ты не сможешь победить. Ты так легко убиваешь что угодно, но бессильна против простых слов. К сожалению, сегодня смерть обойдет тебя стороной. Это не моя роль. И кроме того, по правде, я никого не убиваю. Не словами. Но я могу даровать тебе то, что ты хочешь.

Его последнее предложение заставляет меня задрожать. Мое желание. Правда обо мне, которую я никогда не хотела знать.

- Нет! Прекрати! Это не то, чего я хочу! – кричу я изо всех сил, но звук растворяется во тьме.

- Теперь оставшаяся скорбь должна быть извлечена и возвращена тебе. Не волнуйся. Хотя ты думаешь, что она потеряна в забвении, память повторяется, подобно записи.

Голос мага звучит как ритм, абсолютно ровный и математически идеальный, словно метроном музыканта. Я чувствую, как ритм сплетенного заклинания пронзает меня, и если у меня есть душа, то там оно находит свое место назначения. Неспособный остановиться, он тянется к моему ядру, к *Шики*, и все, что я могу, это беспомощно смотреть, в то время как его голос входит в меня, и я наблюдаю его работу.

Записи в забвении – 7

Я направляюсь прямо к зданию старшей школы, как только заканчиваю говорить с Микией. Стрелки показывают чуть больше часа, но покрытое толстыми облаками небо над головой готово обрушиться на нас, солнце едва пробивается сквозь свинцовое покрывало.

- Дождь сегодня рано, - шепчу я. Холодный зимний воздух смешивается с запахом черных сосен в лесу и прохлада вторгается в мои легкие, когда я делаю вдох. Подозреваю, в обычных обстоятельствах, этот аромат будет очарователен, но сейчас я не могу назвать его иначе как несколько беспокойным. Спустя несколько минут, я вхожу в старшую школу. Я очень рада, что выбралась из леса.

Иду по коридорам, не встречая никого; заброшенность здания создает в нем пустынное одиночество. Ничто не двигается, пока я шагаю по зданию к классной комнате учителя

английского. Когда я прибываю на место, то не утруждаю себя стуком и просто захожу в кабинет, где обнаруживаю Курогири Сацуки, сидящего в кресле лицом к двери и ко мне, как будто он ждал, как будто он все знал. Он улыбается, словно все нормально, не удивленный моим внезапным появлением.

Мои глаза натываются на его левую руку, лениво висящую как мертвый вес, все еще прицепленный к телу.

- Это сделала с вами Шики, Курогири-сан?

- Да, - кивает Курогири Сацуки. – В одобрении ее умения разрушать, я отпустил ее с миром. Шики-сан невредима. Она должна прийти в себя в течение часа. Не могу сказать того же о моей руке.

Пепельный свет, пробивающийся через окно за его спиной, придает Курогири Сацуки какой-то иллюзорный, нереальный вид, и то, насколько мирно он себя ведет, само по себе выводит из себя. Я на секунду задерживаю дыхание, затем выдыхаю, решаясь задать интересующие меня вопросы.

- Это вы беспокоили Каори Татибану, Курогири-сан?

- Да, - кивает Курогири Сацуки.

- И вы заставили Хидео Хаяму исчезнуть...

- Да, - кивает учитель.

- И вы даровали Одзи-сан ее магию...

- Да, - кивает маг.

- И тем, кто собирал наши забытые воспоминания...

- Да, - кивает мужчина.

- Так значит история о том, как вас похитили фея – правда.

- Да, - кивает он с улыбкой.

- Но зачем?

Это единственный вопрос, который я могу задать.

- Зачем вам это?

Второй вопрос получается еще более неуклюжим.

Глаза за очками не шевелятся и не темнеют, когда он чуть склоняется вперед.

- Не я должен вкладывать в случившееся значение. Будь то Татибана-сан, Одзи-сан или Хаяма-сан, единственное, что я сделал – это даровал им их истинные желания. А почему они желали подобного, вам стоит узнать у них самих. Я не могу ответить.

Почему-то я знаю, что он говорит правду. Давать ответы – не для него.

Когда Каори Татибана в отчаянии обратилась к Курогири Сацуки за советом, он показал ей выход, единственный, который был для нее доступен. Выбор спасения через суицид был ее собственным.

Когда Мисая Одзи в ярости разделила с ним его желание расплатиться за смерть Каори, он показал ей способ наказать класс Д, терроризируя и запугивая их до тех пор, пока они не станут беспомощны, показал способ, доступный только ей. Решение изучать магию было ее собственным.

Все казалось кристально чистым. Ничто не содержало скрытого мотива, который бы позволил заподозрить мага.

- Но сбор воспоминаний выпадает из этого ряда. Вы заставили людей вспоминать против их воли.

- Правда? И почему вы так думаете, Кокуто-сан?

В веселье его голоса не слышно подозрения, как будто вопрос рожден чистым любопытством. Все это было олицетворением странности. Я пришла в комнату, чтобы столкнуться с человеком, стоящим за кулисами театра безумия, разыгравшегося в школе, но Курогири Сацуки задает мне вопрос, как будто мы никогда не выходили из классной комнаты, он все еще учитель, я все еще прилежная ученица.

- Потому что я бы точно не желала лишиться своих.

Я решаю ответить ему прямо.

- Может быть. Но вы даже не помните этих воспоминаний, так как вы вообще могли о них подумать? Подозрительно похоже на мою ситуацию, Кокуто-сан.

- Что вы хотите сказать, Курогири-сан?

- Это на самом деле очень просто. Я вынужден искать воспоминания, чтобы лучше понимать людей. Единственный способ понять людей для меня – это читать записи. Это потому я собираю воспоминания, утерянные в забвении.

Он говорит так, словно это все давно случилось, и то, как он опирается головой на руки, ставит его силуэт прямо на пути серого света. Его глаза, лишённые каких-либо эмоций, смотрят на меня с любопытством, и я пытаюсь изо всех сил вернуть должок.

- Я ищу более общую причину, Курогири-сан. Например, причина, по которой вы начали собирать воспоминания. Разве вы не ищете лишь собственное прошлое?

В ту же секунду вспоминается детальный отчет Микии. Я вспоминаю ту маленькую деталь о похищении Курогири Сацуки, предположительно феями. Услышав вопрос, мужчина издает тихое «гм», что я воспринимаю как демонстрацию восхищения.

- Вы удивляете меня, Кокуто-сан. Вы отлично провели исследования. Да, все так, как вы и предполагаете. В юности у меня было столкновение с феями. После того инцидента воспоминания стало сложно помещать в мой разум. Лучшее, что предлагала медицина, не могло помочь, но чары, которые даровали мне феи, со временем выразили себя в магии, и я подумал, что могу помочь себе там, где мир не смог. Так я изучал Магию в попытке вернуть забытые воспоминания. Если бы не тот инцидент, мне бы это не понадобилось.

В его речи не слышно злости, лишь сожаление и покаяние.

- Тогда зачем?

- Я уже сказал вам. Мой разум заставляет меня делать это, подчиняясь магии фей. Я узнал так много о магии, но я все еще остаюсь загадкой для себя. Разум никогда по-настоящему не забывает, но только живой разум. Но мои воспоминания не просто потеряны во временном забвении, а повреждены и разбиты. Есть только один способ вернуть их, это прочитать записи реальности; все воспоминания, по одному человеку. К счастью, магия фей даровала мне возможность свободно преследовать эту цель. Но это быстро становится безрезультатным. Никто не может рассказать мне хоть что-то обо мне самом. И это отделяет меня от человечества. Так что у меня нет выбора, кроме как кормиться воспоминаниями людей обо мне, их личными интерпретациями меня. То, что это заставляет меня прикоснуться к спирали Истока, финальной цели всех магов, крайне удачно, и через нее, я могу увидеть то, что на самом деле внутри вас, и, быть может, найти что-то, что я смогу вложить в себя.

- И вы делаете это, касаясь Записей Акаши?

Я презрительно качаю головой. Когда Токо-сан впервые рассказала мне о Записях Акаши, об Истоке всего, они казались настолько туманным концептом, что я не смогла в него поверить. То, что она пыталась достичь их, но не смогла, лишь укрепило мою позицию. Коллективная запись всего, что случилось и случится, метафизическое существо, ожившее благодаря объединенному консенсусу человечества, преследуемое магами в поиске вознесения, казалось бы, созданного, чтобы сделать их обособленными существами.

- Но, Курогири-сан, если мы можете сделать это, разве не можете вы найти там свое прошлое?

Мой голос слабеет, потому что он несет не только слова, но и конец этого человека. Однако, он лишь слегка изменяет свою улыбку, как будто наблюдает какое-то космическое явление.

- Я мог бы. Но я не стану. Я предпочту создать себя из чего-то нового, например, воспоминаний других людей. Скажите мне, Кокуто-сан. Почему люди забывают?

Внезапный вопрос заставляет меня сглотнуть. Я не уверена в ответе, но говорю:

- Потому что есть предел тому, что наш мозг может быстро вспомнить. Есть воспоминания, которые нужно извлечь быстрее других, и с течением времени воспоминания, которые нам нужны, лишь разрастаются. Нам нужно это, чтобы привести подобие порядка в наше восприятие реальности.

- Определенно, технически верный ответ. Но вы меня неправильно поняли. Вопрос был не о том, *как* время откусывает кусочки от наших воспоминаний, но *почему* мы можем выборочно забыть прошлое. Посмотрите на себя, Кокуто-сан. Вы знаете, что должны сказать, но вы не наслаждаетесь словами.

Курогири-сан устраивается поудобнее, лучи серого света позади меняются в подражании его движениям.

Рефлекторно, я делаю еще один пустой глоток воздуха.

- Мы... решаем забыть, чтобы защитить себя. Это верно, Курогири-сан?

В этот момент всякая сила исчезает из моего голоса. Он прав. Конечно, я знаю. Он читает меня так легко, и даже просто стоя перед ним, я чувствую, что я столкнулась с кем-то, в десятки раз превосходящим меня интеллектуально. Я снова ребенок. Я знаю лучше, чем большинство людей, что иногда вспомнить опаснее, чем забыть. Грехи прошлого вспоминаются слабо, так что все мы можем держаться за иллюзию чистоты так, что мы можем судить себя лучше, чем другой человек.

- Весьма верно. Вы все выбираете забыть преступления, табу, раскаяние, пряча их глубже, в ту часть себя, которую можно запереть и больше никогда не открывать. Это грязные, запятнанные записи, и их чтение приносит лишь боль. По той же причине я разрываюсь между поиском истины о своем прошлом и выбором отбросить его. Это эмоция, на которой я проклят кормиться, так что я возвращаю записи тех потерянных воспоминаний их владельцам. Каждый хочет забыть какую-то грязь из прошлого. Это не грех. Это единственный способ знать, как мы живем. Это также часть того, что делает нас лучше чудовищ. Мы знаем о своих грехах. Я понимаю, что не могу отделить себя от своего прошлого, но я знаю, что если я вернусь к нему, я вернусь в мир неуверенности и постоянного конфликта. Я не хочу такого мира, лишённого необходимой мне вечности. Я исполняю желания людей вернуть эту силу конфликта, оставляя им упражняться в их свободе в воспоминаниях, которые они неосторожно забыли. Если они по этой причине совершат зло, то это будет их вина, а не моя.

Его слова звучат странно. Он говорит, что ищет прошлое, которого он желает, в дремлющих воспоминаниях людей, и он, осознанно или нет, заставляет самого человека вспомнить. Он утверждает, что действия людей – причина, по которой он не грешит, когда делает это, но все это лишь пустые детские оправдания.

- И вы все еще считаете, что ваши действия не несут зла, даже когда их результатом оказывается еще больше конфликтов и смертей. Вы не думаете, что в этой погоне вы слишком сильно обманываете себя?

- Да. Я правда верю в это. Я ничего не желаю, лишь хочу увидеть определенное заключение моего положения.

Хотя его заявление не кажется мне уверенным, но он создает атмосферу непоколебимой естественности, хотя очевидно, что он загнан в угол моими заблуждениями.

Но и в нем самом есть определенная доля заблуждений. Он думает, что все воспоминания забываются по причине какого-то старого греха, что очень далеко от истины. Некоторые воспоминания забывают просто потому, что человек более не нуждается в них. Детские иллюзии и изображения, вроде облаков, похожих на животных или горизонта, как достижимого места, выбрасываются, когда человек взрослеет, освобождая место правде. Эти воспоминания более не несут пользы во взрослом мире, за исключением юмора, основанного на времени простого неведения.

- Мне вас жаль, - говорю я, сама поражаясь тому, что только что сказала. – Правильнее было бы вернуть свое прошлое прежде, чем играть с памятью других.

Снова никакой реакции.

- Но как, когда сами феи украли мои воспоминания? Мои воспоминания о времени с ними должны быть спутанными, сложными, и нет надежды, что я смогу понять их.

- Не сможете понять?.. – глупо повторяю я.

Что он хочет этим сказать? С начала разговора он был склонен говорить о его обстоятельствах так, словно это были проблемы другого человека, а не его собственные. Я не знаю, откуда истекают такие манеры, но...

- Феи уничтожили ваши воспоминания?

Он кивает.

- Да, до определенных пределов. Я не потерял себя. Но они навсегда привязали меня к забвению незнакомцев, гарантируя, что даже когда я сбегу от них, я не смогу вернуться домой.

И вот, в первый раз, его лицо меняется. Это незначительное изменение, но в его случае любое изменение должно быть отмечено, будто его лицо произвело эту трансформацию за время странных эпох. Его улыбка искажена - пародия на саму себя, отражающая темную картину в его разуме, которую он предпочел бы забыть, но все еще видит какое-то большое удовольствие в возвращении к ней. Он продолжает, тон его голоса чуть меняется, хотя я не могу понять, какие качества в него добавились:

- Феи забрали меня, когда я был ребенком. С какой целью, сказать не могу. Может, хотели поиграть со мной. Может, хотели, чтобы я стал их другом. Я не понимал их. Все, что они говорили – это то, что они хотели «вечности». Я лишь хотел вернуться домой. Я знал истории о детях, похищенных феями. Замененные подменными, они больше никогда не возвращаются домой. Я пытался изо всех сил не слушать их слова и бежать. Я бежал и бежал, спотыкаясь о корни деревьев до тех пор, пока я не выскочил из леса на поле, что вело к моему дому. Только когда я увидел дом, я рискнул обернуться. Все, что я мог увидеть – это бесчисленные трупы фей, покрытые их яркой кровью. И когда я посмотрел на мои руки, я увидел, что они покрыты этой же кровью. Тогда я узнал, что легенды не лгали. Ты никогда не сможешь вернуться. Они сделали меня своим навечно. Вы можете представить, что случилось дома после этого.

Жестокая улыбка не покидает его лица. То есть его не было три дня, если верить Микии – и он вернулся домой, покрытый жуткой кровью. Реакция на его возвращение понятна. И это событие должно было предвещать все, что было дальше. Все теплое знакомство заменено холодным страхом.

- Так феи не похищали вас...

- Нет. Похоже, я убил их всех в каком-то безумном сне. И в отместку они прокляли меня чем-то, чего я до конца не пойму. Мои воспоминания никогда не терялись. Но я боюсь, что когда обрету их, они будут чуждыми, и я не распознаю их, как свои. И теперь, после этого несчастливого события, я не могу вспомнить ничего из того, что я испытываю. Все

дальнейшее - не воспоминания, а просто информация, и мир состоит не из картин, но из данных. Мир остановился, когда мне было десять, и хотя ответы на вопросы «как?» и «зачем?» ускользают от меня, это проклятие, которое никто не должен выносить.

Он сдерживает смех, готовый сорваться с его осторожных губ. Разум Курогири Сацуки был изменен феями, так, что он навечно останется десятилетним. Он говорит такие странные вещи. Имел ли он в виду что-то метафорическое или буквальное, когда сказал, что не может вспомнить ничего, что испытывает? Но этого не может быть. Люди не могут так жить. Не создается новой истории, не изучается ничего нового. Пустая книга, в которой описан вчерашний день. Если он не лжет, то все, что повторялось, ему кажется свежим и новым.

- Но это не может быть правдой, Курогири-сан. Все-таки вы же знаете мое имя. Вы знаете, что я Кокуто Азака. Если вы не можете извлекать свои воспоминания, то это было бы вам неизвестно.

Он вновь отрицательно качает головой.

- Так ли это? Вы всего лишь набор слов для меня, Кокуто-сан. Вы записаны таким образом. Когда я смотрю на вас, я вижу кого-то, кто довольно точно соотносится с записанными словами, так что я называю вас Кокуто Азака. Если появится кто-то, подходящий под описание, то это тоже будет Кокуто Азака. В этом нет ничего неправильного. Я узнаю не вас, а лишь набор информации: рост, вес, телосложение, цвет кожи, волосы, речь, возраст и так далее. Вы для меня Кокуто Азака лишь потому, что вы наиболее точно удовлетворяете критериям, которые я выставил для вас. Кодирование, хранение и распознавание работают. Процесс поврежден лишь в части извлечения. Конечно, этот метод приведет к неизбежным ошибкам. Значительное изменение внешности достаточно, чтобы я принял вас за кого-то иного. Из-за этого ученики называют меня забывчивым, и я с радостью позволяю им так думать.

Теперь улыбка окончательно пропадает с его лица, заменяясь на пустое, бесхитрое выражение. Почему-то оно притягивает меня. В его объяснении я, кажется, вижу причину, по которой думала, что в нем есть пугающее сходство с Микией. Оба не вкладывают себя в суждения о других, желая послушать каждого и дать им шанс. Это единственная особенность, связывающая их, но это же качество явно их разделяет. Курогири Сацуки делает это лишь чтобы найти себя в воспоминаниях и желаниях других, и он вынужден слушать и исполнять их. В своих суждениях Курогири-сан похож на ребенка, и его неспособность увидеть собственную издевательскую улыбку – лучшее этому подтверждение. У него нет мыслей, нет оригинальных идей, он не способен понимать сложные концепты. Это потому он может узнать людей, лишь собирая их утерянные воспоминания. Как машина, он отражает их на тех, кто говорит с ним, и в мире, где свобода воли необходима для функционирования, у него уникальная травма.

- Мне жаль вас, - повторяю я. – Вы никогда не уверены в реальности.

Пауза, молчаливый кивок, и потом:

- Но мне этого достаточно. Я не чувствую, что я улыбаюсь. Я вижу свои пять пальцев, я знаю, что двигаю ими, но не чувствую руку своей. Мое тело в итоге – лишь информация. Но мы же существа разума. Наш разум – это все, что нам нужно. Мир, что мы видим, лишь раздражитель в нашем мозгу. Реальность всегда размыта, и мы никогда не можем быть уверены, ложь это или нет. Все это субъективно. Наша магия, меняющая реальность, сама по себе является доказательством этого. Все, в чем мы можем быть уверены – это содержимое наших голов - разум и душа, что находятся вне материальной тюрьмы. Но даже тогда истинная реальность наших умов повреждена проклятием падшего мира. Поэтому сбор воспоминаний меня так интересует. С его помощью я могу изучать консенсус человечества, дающий миру его силу. Но я всегда помню: *dubito ergo cogito*

*ergo sum*⁴. Для нас нет нужды в стабильных телах и объективных реальностях. Душа сама не выходит сюда, как и в вечность, так что в этом падшем мире, этом подобии, немного смысла.

Его лицо остается спокойным, даже незаинтересованным в том, что он сам говорит. Он явно безразличен к моим эмоциям, хотя поначалу я пыталась понять его положение. Но его слова говорят мне, что там нет личности, нет человека, формирующего их. Лишь какая-то пустая книга, собранная из украденных воспоминаний и амбиций о возвращении своей памяти через Магию. Но в итоге воспоминания предают даже его. И когда он начал смотреть в умы людей, он увидел их «грязь». Его разум, так и не выбравшийся из леса, когда ему было десять лет, пришел в ужас. Он не может допустить ни увиденной грязи, ни грязи «падшего мира». Его ужас не позволит ему. Он буквально проклят не думать ни о чем, кроме этого.

- Это потому вы ищете ваши воспоминания даже после того, как узнали, что это невозможно, - замечаю я. – Феи заставили вас.

Маг кивает.

- Однажды маг поделился со мной планом вознесения через запись всех смертей человечества. Я же желаю мир вечности, потому что я слишком люблю человечество. Но это слишком много для меня. Я теперь не знаю, что и думать. Слишком много шума. Все должны быть умиротворены, но все так сильно стараются отбросить это чувство. Я не могу вести их к покою. Я лишь пытаюсь найти все ответы в воспоминаниях, в надежде, что общая история человечества сможет мне что-либо дать. Возможно, это будет безрезультатно. Но поскольку в будущем для меня ничего нет, нет и иного пути.

Я бросаю на него печальный взгляд, существо, которое не может даже осознать, что люди так быстро забывают обычные ответы. Он верит – или проклят верить – что это делает нас несовершенными существами. И среди противоречий людей, чьи воспоминания он украл, и среди противоречий собственных рассыпанных воспоминаний, он все еще держится за единственную надежду нахождения ответа к этой задаче.

- У меня осталось два вопроса, - объявляю я. Его неподвижное улыбающееся лицо, кажется, поглощает предложение.

- И что же это будут за вопросы? – спрашивает он.

- Вам не нужно было собирать потерянные воспоминания также, как и не нужно было исполнять желания. Зачем вы это делали?

Он кивает в знак молчаливого понимания.

- Причина довольно проста. Это нужно мне, чтобы чувствовать себя хоть немного человеком. Хотя у фей есть их проклятие, исполнение желаний – это то, чем я могу владеть, действие, за гранью магии фей. Если я сделаю это достаточно раз, я смогу поверить, что делаю это по собственной воле. А это то, что нужно нам всем, чтобы чувствовать себя людьми. Без этого у нас нет цели. Это естественная склонность мага, Азака Кокуто. Это слова, которые ты хотела услышать.

Я глубоко вздыхаю в то время, как исполнитель желаний удовлетворенно кивает самому себе. Прежде чем направиться к выходу, я задаю последний вопрос, не как девушка, отправленная расследовать все это происшествие, но как человек, Азака Кокуто.

- Последний вопрос, прежде чем я уйду. Что для вас значит Мисая Одзи?

Мой интерес в отношении этого человека давно угас, но ответ на этот вопрос расскажет мне все, что нужно о нем знать. И возможно, я смогу найти последний кусочек личности внутри него. Но ответ полностью совпадает с ожидаемым мной.

- Одзи-сан такая, какая она есть. Вас это беспокоит?

- Знаете, Мисая Одзи любит вас.

⁴ Я сомневаюсь, следовательно, мыслю, следовательно, существую.

- Мимолетная иллюзия, я уверен.
- То есть вы не питаете любви к ней?
- Это ей решать.

Простые ответы, которые, тем не менее, пусты. В этом голосе нет человечности, лишь спокойное принятие.

- И это воля, которой вы так дорожите?
- Да, наверное. В конце концов, она несильно отличалась от других учениц. И она не избежала моих действий. Никто не избежал. Но Мисая Одзи мгновенно подошла под мои требования.

Он говорит это с собранностью человека, просто передающего простую информацию, но его любопытное утверждение мне намного интереснее, чем ему самому. Я делаю шаг к нему.

- Нет. Не говорите мне...
- Да. Мои действия не ограничились классом Д. Все люди на этой территории в какой-то мере несут мое касание. Все-таки не только класс Д содержал в своем сознании грязь, которую необходимо было продемонстрировать. Вы все просто не замечали этого.

Но это абсурд. Если он собрал грехи восьмисот людей, он также отразил их желания. Среди этого количества должен быть тот, кто ненавидит Курогири Сацуки настолько, чтобы желать ему смерти. Она может быть прямо сейчас на пути сюда...

- Позвольте мне остановить вас, Кокуто-сан. Нет нужды беспокоиться. Если кто-то желает причинить мне вред, да будет так. Каково бы ни было желание или его исход, грех падет лишь на нее. Опять же, не мне судить.

Он говорит, словно игнорируя собственную смерть. Это не слова того, кто готов умереть, но того, кто обесценил свое существование.

- Получается, я... ошиблась, - нервно говорю я. Прежде я думала, что этот человек не мог нанести вреда. Но теперь я понимаю, что это неправда. Урон, нанесенный им, намного глубже и намного более жестче, чем все, что я когда-либо пыталась представить. – Вы никогда не были похожи на Микию.

Сацуки Курогири удовлетворенно кивает. Я оборачиваюсь к нему спиной, двигаясь к двери. Я уже устала от этого места, и мои дела с ним закончены.

- Это был длинный допрос, - окликает он меня из-за спины. – Наверное, длиннее любой беседы, которую я когда-либо вел.
- Не по моей воле. Мой учитель послала меня сюда, чтобы провести расследование. А еще я здесь потому, что Мисаи Одзи не может задать те же вопросы. Я уверена, она бы их задала.

Я продолжаю идти к двери. Бросаю последний взгляд на Курогири Сацуки и выражение, застывшее на его лице – странную улыбку, кажущуюся почти поддельной и застывшей.

- Одзи-сан в старом школьном здании. Она не смогла заручиться вашей поддержкой или поддержкой Реги-сан, так что теперь она должна торопиться. Она собрала студентов класса Д в здании и планирует сжечь их всех. Да... вам стоит поторопиться, если вы хотите остановить ее.

Мои глаза расширяются, а ноги срывают меня с места, заставляя выбежать из комнаты и здания. Я чувствую, что эту последнюю фразу он сказал по собственной воле, а не из-за проклятия фей, но замечаю это лишь после того, как выскакиваю из главного здания.

Записи в забвении – 8

Начинается дождь, сперва морозящий, но потом удары капель, падающих на камень и бетон, дерево и грязь, становятся все более ритмичными и уверенными. Ничего не видно за линией деревьев в лесу, который формирует периметр вокруг старых руин, и там стою я, ничего не видя, кроме деревьев. Дождь становится все сильнее и начинает закрывать вид на здание, половина которого - обугленный остов, кажущийся свежим и лишь недавно горевшим, а другая половина чудесным образом спасена от дальнейшего возгорания.

Девушки собраны на четвертом этаже, все они спят. Но не от моей руки падут они. Я жду только одну из них, чтобы она начала очищающий пожар. И я жду, пока очищающий дождь не омоет меня. Стоя в пасти открытой стены второго этажа, я вижу, как Азака Кокуто выходит из леса, ее шаги разбрызгивают воду вокруг нее. Я разочарованно вздыхаю и спускаюсь на лестницу, чтобы встретить ее.

Капли дождя цепляются за черную форму, и зимняя погода делает их почти такими же холодными, как снег. Ее дыхание превращается в белые облака, она едва сдерживает

дрожь. Азака Кокуто пытается игнорировать все, что становится сложнее и сложнее, когда она прибыла к старому зданию средней школы. Как и вчера, она входит через то, что когда-то было главным входом. Здание все еще несет свою сожженную половину как гнойную рану, рождающую боль, но остаток создает впечатление, что оно было заброшено на десятилетие раньше, чем на самом деле. Живые голоса студентов, когда-то бывшие дыханием здания, теперь стали лишь полувоображаемым эхо, раздающимся в обгоревших залах и разрушенных дверях.

Теперь есть лишь едва заметное изображение чего-то чуть позади входа и агрессивный запах в воздухе. В ту же секунду, как Азака вдыхает его, она узнает, что это за запах. Бензин. Не считая пороха, это материал, оказавшийся наиболее используемым в ее практике в Магии, и она обнаруживает, что легко может учуять его.

- Какая неприятность, - вздыхает она, пожимая плечами. – Я иду на такое только ради женщины, с которой виделась лишь раз.

Приближаясь к зданию, она достает из кармана перчатку и натягивает ее на правую руку. Перчатка темно-коричневого цвета, сделана из кожи, подарена ей учителем Токо. Изготовленная из кожи саламандры, она используется Азакой для Магии, упрощая контроль. Закончив надевать ее и размяв пальцы правой руки, она подходит к лестнице, ведущей на второй этаж. Она мгновенно останавливается, взглянув наверх, потому что там ее ожидает Мисая Одзи.

- Упрямство – ваша определяющая черта, Кокуто-сан? – спрашивает она таким тоном, словно предлагает помочь подруге в учебе. Ее поза на темной лестничной площадке, однако, говорит об обратном. Она стоит, широко расставив ноги, глядя на Азаку сверху вниз. Воздух вокруг нее жужжит, он наполнен резкими звуками, которые Азака слышала раньше, и хотя она не видит их, она знает, что феи-фамильяры окружают ее, ожидая приказа королевы начать атаку.

Аура надвигающейся опасности, окутывающая Мисаю Одзи, не изменилась с их первой встречи в этом же здании. Азака понимает, что если бой начнется сейчас, она окажется в невыгодном положении. Мисая Одзи стоит выше нее, и расстояние между ними слишком велико, чтобы быстро сблизиться для ближнего боя. Но Азака убирает эти мысли подальше и пытается поговорить с девушкой, возвышающейся над ней.

- Эта особенность служит мне верой и правдой. Так я полагаю, ваш план включает какой-то гипноз, принуждающий учениц класса Д совершить суицид.

- Естественно. Я привела их сюда, но задачу поджога они выполняют сами. Только тогда они расплатятся за свой грех. Мне пришлось ускорить планы из-за вас и другой девушки. Лишь немногие в классе находятся на грани самоубийства из-за нарушений памяти и печали, охватившей школу, но нужно столкнуть с края лишь одну, и она потянет всех остальных.

- Хм. Никто из тех, с кем я говорила, не казались готовыми к самоубийству, но это лишь мое мнение. И все же вы неплохо подготовили сцену. Условия идеальны, и атмосфера очень подходит. Играем в рядового пастуха неверных душ, Мисая Одзи?

Я дергаю плечами, но Мисая Одзи, похоже, неправильно понимает жест и хмурится.

- Но вы пришли сюда по иной причине, Кокуто-сан?

- Да, конечно. Все-таки неверующая вроде меня не видит смысла в глупых оценках преступления и наказания. Если несколько из этих девушек желают лишиться себя жизни, то кто я такая, чтобы останавливать их?

Азака улыбается, и Мисая Одзи не может точно сказать, говорит ли она так из-за простого невежества, притворяется или серьезна в той ереси, которую только что произнесла. Мисая Одзи сурово сужает глаза.

- Тогда по какой причине вы пришли сюда? Отомстить мне?

- Довольно близко, но все еще не совсем верно. Я пришла сюда из жалости к вам, Мисая Одзи.

Говоря это, Азака осматривает лестницу, отделяющую ее от цели. Из-за того, что здание строилось для учениц средней школы, ступени невысоки и их мало. Она приходит к выводу, что, если потребуется, может преодолеть всю лестницу за два прыжка.

- Жалость? Ко мне? – враждебность начинает закипать в темных миндальных глазах Мисаи Одзи.

Азака замечает это, но не желает столкнуться с фамильярами прямо сейчас.

- Одзи-сан, почему вы говорили с Курогири-саном?

- Потому что он мой брат, - быстро отвечает она.

- Верно, верно. А от кого вы получили эту силу?

- Это тоже был подарок моего брата.

- Понятно. Когда вы распознали в Курогири-сане вашего брата?

- С самого начала.

Но как только эти слова слетают с губ Мисаи Одзи, она осознает противоречие, и ее брови дергаются. Ее рот слегка приоткрывается, глупо застывает, она дышит неуверенно и ломано, когда осознает, что не может воспроизвести последовательность событий в уме. Азака видит это, позволяя легкому намеку на улыбку появиться на своем лице.

- Ну, вот так, Одзи-сан. Вы говорили с Курогири-саном не потому, что он ваш брат. Вы пошли к нему в первую очередь потому, что он был классным руководителем класса Д. И не только потому, что вы хотели поговорить насчет Каори Татибаны. Вы являетесь самой могущественной ученицей в школе. Вы могли бы добраться до Хидео Хаямы и прямо поговорить с ним даже без помощи Курогири-сана. И после этого Хидео Хаяма исчезает, как будто умер. В вашем сознании вы пытались списать это на неудачный несчастный случай, как делает большинство запутавшихся убийц. Но это не меняет того факта, что вы убили его. И потому что это беспокоило вас, как ничто другое, вы пошли поговорить с Курогири-саном. И он был рад помочь вам, Одзи-сан.

Мисая Одзи хранит молчание, ее глаза сфокусированы на пустоте, словно кошмарная невидимая тень, заметная лишь ей, нависла над ее сознанием. Девушка уже забыла о проблемной ученице у подножия лестницы и погрузилась в свои мысли. Она возвращается к воспоминаниям о ее предполагаемом брате и начинает задумываться, когда она стала называть так этого убедительного человека. Это не могла быть их первая встреча. И, кроме того, как она может помнить? Она даже не знает лица своего брата. Осталась только одна вероятность. Она использовала фей, чтобы украсть его воспоминания. И что-то в этих воспоминаниях изменило девушку и то, что она видела в них. Это пробудило латентные воспоминания, дало ему роль в ее жизни.

- Я... я была, - Мисая Одзи не может закончить.

- Вы никогда не знали. Это не были ваши собственные воспоминания, в которых вы увидели Курогири-сане вашим братом. Это через его воспоминания вы пришли к осознанию этого. Воспоминания незнакомца, из которых не вытянуть своей правды. Он заставил вас видеть то, что хотел, и это была не услуга. Для него вы ничем не отличаетесь от фей, окружающих вас. Как вы используете их, он использует вас.

Азака вспоминает, что Шики говорила ей вчера, когда нашла ее спящей в здании. Даже тогда она уже заметила, что Мисая Одзи также страдала от забывчивости. Может быть, она нашла решение быстро и неосознанно.

- Это...не... - Одзи запинается, тяжело дыша, словно она тонет, капля пота видна на ее длинной шее. Но одним глотком воздуха, она находит себя и свой голос.

- Это ложь!

Мгновение спустя Азака творит свою Магию, как и в их первое столкновение, выделяя бесчисленные сгустки тепла в воздухе. Еще миг – и тепло фей слепо срывается вперед, как будто они отвечают на вспышку ярости Мисаи Одзи. Они выстраиваются в тонкую линию и бросаются вперед подобно пулям. Для Азаки шторм тепла также опасен, как обнаженный клинок, летящий к ней. У нее есть лишь несколько секунд. Ловко уклонившись от фей, которых Мисая Одзи пыталась использовать как оружие, Азака с удовольствием видит шокированное лицо Одзи. Она взлетает вверх тремя большими шагами, лишь немного ошибившись в своем предсказании. Она не останавливается, сохраняя импульс и встречая Мисаю Одзи ударом в живот так, что может пролететь мимо нее к центру лестничной клетки.

Она слышит стон Одзи, когда ударяет ее, но та уже работает с феями, чтобы повторить свою атаку. Азака останавливается, как только проходит мимо Одзи, оказываясь пойманной между высокой девушкой и феями позади нее, которые еще не вступили в бой. Азака чувствует, как сгустки тепла, от которых она уклонилась, разворачиваются к ней, а феи всего в нескольких футах от нее начинают бить крыльями и двигаться. Именно то, что она хотела. Хотя феи подобны пулям, они ее не поймают.

Азака встает, расставив ноги, и выбрасывает руки в стороны, в направлении обоих роев фей, так, чтобы не указать на Мисаю Одзи.

- *Азольт!* – кричит Азака. Лорика отдается эхом, и она чувствует, как сквозь ее тело струится магия, ритуал, завершающийся за мгновение. Чувство поднимающейся температуры проходит сквозь кожу обеих магов.

Следующее, что они видят – это вспышки огня, яркие и внезапные, сжигающие многочисленные невидимые предметы в воздухе в спонтанном возгорании по обе стороны от Азаки. Вокруг слышны бесчисленные крики мучения, высокие и дрожащие, пока все они не падают на пол. Несколькими секундами позже, когда Азака удовлетворенно кивает, она сжимает кулак, и огонь тухнет. Единственным доказательством его существования остается дым, поднимающийся от углей на полу. Опустив руки к бокам, поджигательница вздыхает.

- Это истинное лицо магии, которую, по твоему мнению, ты изучила, - говорит Азака. – Но Магию не выучивают. Она навечно вычерчивает в твоей душе истину, и в тебе я не вижу этой отметины. Магия не открылась тебе месяц или два назад, как ты думала. Но контракт, который ты заключила с Курогири-саном, предоставляет удобную замену.

Дым все еще исходит от правой руки Азаки, но вскоре исчезает и он. Мисая Одзи смотрит на нее с выражением, сочетающим изумление и замешательство. Ее ноги наконец не выдерживают, и она падает на колени.

Я говорила с Хидео Хаямой о смерти Каори Татибаны, но это быстро превратилось в спор. Я настаивала на том, что он ответственен за нее. Я винила его во всем. И он продолжал отрицать это. Но я была права. Я всегда права. Я становилась нелогичной, думая, что любые средства хороши. Я помню, как толкнула его, но после этого, все в тумане, и я прихожу в себя, стоя перед его еще теплым трупом. И впервые в жизни я не знала, что делать. Я искала помощи у Курогири Сацуки. Все-таки говорить с моим отцом или главой академии было бы самоубийством. Но он... он создавал чувство, будто может решить все проблемы и исполнить все мои желания. Для человека вроде меня, ценившего лишь выгоду, этот мужчина, не привязанный ни к чему, был тайной. Он мог спасти меня. И как я и желала, он дал мне все необходимое для того, чтобы закончить все.

Сацуки взял на себя роль моего любимого брата, которого я давно потеряла.

Сацуки дал мне силу, которая была необходима, чтобы отомстить за смерть Каори.

Он всегда говорил, что чистые руки не должны касаться грязи. Почему я никогда не замечала, что это не обо мне и не о других ученицах? Он говорил, что для того, чтобы не

испачкаться, нужно использовать кого-то другого для своих дел. Он понимал также, как и я, что все ученицы класса Д должны умереть, чтобы расплатиться.

Если бы я только осознала раньше, что в конце все будет точно так же.

- Если бы я ничего не сказала, все было бы лучше, - шепчет Мисая Одзи. Она смотрит на стену, но, кажется, что она смотрит на пустоту за ней, не обращая внимания на меня. Однако я уверена, что ее слова обращены ко мне.

Я знала, но что-то удерживало меня от того, чтобы вспомнить. Я любила его, и это заставило меня не разрушать фантазию, которую он создал для меня. Я не хотела, чтобы он любил кого-то еще, и взамен любила только его. Но это всегда было бы секретом. Даже если бы он вообще не думал обо мне.

История, которую она рассказывает, стара и для меня, и для нее. И я должна принять это знакомство, каким бы неприятным оно не было. Я сама могла сказать эти слова.

- Я не могу жить, не приняв это, - говорит Мисая Одзи, скорбно, словно озвучивает величайший из совершенных ею грехов.

- Одзи-сан, вы должны знать, что это Курогири Сацуки довел Каори Татибану до суицида. Он никогда не любил вас. Только заставил верить, что любит. Месть, который вы хотели, для него абсолютно бессмысленна, - говорю я, не обдумывая слова.

- Не будьте глупы, Кокуто-сан. Я ведь говорила вам. Все это мне известно. И все, что мне нужно – это вспомнить.

Стоя на коленях, опершись руками на пол, она сгибается и прячет лицо. Я слышу звук, который сперва принимаю за смех. Лишь когда я приглядываюсь к ней, вижу, как слезы каплют на пол из ее невидимых глаз. Я оставляю ее здесь, жалкую и одинокую, в здании, где когда-то веселились дети. Дождь, шедший ранее, превратился в толстый туман, скрывающий деревья и прячущий путь домой в сказочной дымке.

Записи в забвении – 9

Я видела сон о времени, когда была ребенком и все еще жила с семьей. Я видела далекое прошлое.

У нас тогда был сосед. Старик, которого покинула семья, он жил совсем один в маленьком доме. Его рассудок давно помутился, и даже вчерашний день он редко помнил. И все же он всегда был добр к нам.

Я всегда держала с ним дистанцию, но мой брат Микия стал ему очень близок. Возможно, старик видел в моем брате способ забыть о своем одиночестве хотя бы на время. Они часто болтали об обыденных вещах, но мой брат всегда приходил домой и рассказывал мне, что ему говорил старик, как будто это были самые важные вещи.

Но пришел тот день. Было время ужина, и никто не ожидал этого. Мой брат пошел в дом старика и обнаружил, что тот лежит на полу, не просыпаясь, и рассказал нашим родителям. Они бросились к нему, делая все, что могли, и они же покачали головами, когда мы задали тот вопрос, который обязаны были задать. Мы знали, что это значит. Настроение семейного ужина быстро развеялось. И непонятно почему, я обнаружила, что плачу. Он выдержал долгие десять лет без своей семьи, только чтобы скончаться в

одиночестве. Даже я, считавшая, что мое сердце уже затвердело, проливала слезы по этому человеку.

И если даже я плакала, я думала, как тяжело должно было быть моему брату. Но он не плакал. Его лицо не могло скрыть печаль, но он не плакал. Сначала я считала, что он изображал силу, которой у него нет, хотя это было бы глупо с его стороны думать, что такая демонстрация силы принесет ему какую-то пользу.

Прошли дни, но ни единой слезы не вытекло из глаз Микии. Я нашла его ночью, сидящим на веранде, глядящим на яркую полную луну. Села рядом с ним, и тоже стала смотреть на бесчисленные звезды. А потом спросила:

- Почему ты не плачешь?

- Кто знает, - ответил он. Он посмотрел на меня с высоты своего роста со странным выражением. В его глазах были видны боль и спокойствие.

- Это потому, что мальчики не плачут? – спросила я, повторяя слова, которые однажды сказал мне мой отец. Но брат лишь покачал головой.

- Почему ты не плачешь? – повторила я.

- Я хочу, но не должен. Потому что слезы должны быть особенными.

Считая вопрос исчерпанным, он снова посмотрел на ночное небо. Даже сейчас я помню, что тогда он был ближе всего к тому, чтобы расплакаться, но в итоге так и не сделал этого. Он был ближе всех к этому старику и он больше всех заслуживал право плакать.

Но слезы должны быть особенными. Они бросают тень на всех, кто их видит, позволяя чувству печали попасть в тех, кто видит нас. Это зараза, эхо, которое усиливает скорбь. Но это особенное и личное.

Поэтому он не плакал. Он был сильнее, чем кто-либо, кого я знала. Он не хотел никому вредить, и он держал всю злобу и скорбь в себе ради других. Если он будет плакать, то только для кого-то особенного. Но на это понимание других он обменивает понимание себя. Никто не понимает его. Ему, должно быть, одиноко.

Это в тот момент Микия Кокуто стал кем-то по-настоящему особенным для меня. Важный человек, которого я постараюсь никогда не потерять.

Это была ночь, когда лунный свет дико играл на траве и когда даже огни города не могли сравниться с ним. И так брат и сестра смотрели на звездное покрывало. И эту картину я вижу каждый раз. Это старый сон из дня, который должен быть давно забыт.

Одиннадцатое января, понедельник.

Начались занятия, и я вернулась к обыденной ученической жизни. Покончив с уроками, я спешу в общежитие, чтобы подготовиться. После этого иду в главное офисное здание, чтобы получить разрешение на выход с территории школы на день. Сестры встречают меня суровыми взглядами неодобрения, но они знают, что я не сделала ничего предосудительного за пределами Рейена, и, как всегда, я получаю разрешение.

Когда я выхожу из главного офиса, я сталкиваюсь с Фуджино, замечая ее в первую очередь по вороным волосам.

- Уходишь, Азака? – мягко спрашивает она.

- На время. Я могу не успеть до комендантского часа, так что можешь предупредить Сео за меня?

Она кивает, обещая передать сообщение моей сожительнице. Мы прощаемся друг с другом. Спешно идя по лесному пути, я прихожу к главному входу Рейена. Охранник не открывает для меня больших ворот, предназначенных для машин, вместо этого пропускает через маленькие боковые двери.

Как только я выхожу с территории школы, то замечаю кого-то, кто ждет меня, и кого я очень хорошо знаю. Его выбор одежды никогда не меняется: полностью черный костюм, выглядящий так, словно он только что пришел с похорон, хотя я рада, что по крайней мере в его пальто заметен легкий оттенок коричневого. Я даю себе минутку на то, чтобы успокоить дыхание и голос, перед тем, как подойти к нему.

- Я заставила тебя ждать, Микия?

Он чуть наклоняет голову, глядя на меня поверх очков, потом указывает на покрасневший нос.

- А сама как думаешь?

Он улыбается, и я не могу сказать, настоящая это улыбка или саркастическая.

- Ну, пошли? У нас всего два часа до комендантского часа, лучше поторопиться.

Он встает, я иду сбоку от него, пытаюсь замедлить сердцебиение хоть на несколько ударов. Мы идем вдоль высоких стен Рейена, направляясь к ближайшей остановке.

Все это началось вчера - абсолютно неожиданно мне позвонил Микия. Очевидно, обеспокоенный тем, что бросил меня одну в Новый год ради Шики, он устроил это, чтобы компенсировать тот инцидент. «Думаю, слишком поздно дарить тебе деньги за Новый год. Но ты и так небедная девушка», - сказал он. Это было слишком забавно, чтобы злиться на него, так что на время он прощен. Я сказала ему, что мне не нужны деньги, и нам вместо этого стоит просто пройтись по магазинам. Когда он спросил меня, что я хочу купить, я не смогла ответить. Так что я решила подумать, и вот уже иду рядом с ним, но все еще не могу дать ответа.

- Так куда мы идем сегодня? – спрашивает Микия. Я склоняю голову набок и озадаченно гляжу на него.

- В смысле, на обед. Ты предпочтешь японский или западный ресторан? Я угощаю.

Я снова наклоняю голову как певчая птица.

Он... он ведет меня на *свидание*?

- Ты не смогла вчера решить. Так что я подумал, что сводить тебя в ресторан будет неплохим выбором.

Я гляжу на него в изумлении. Он говорил вчера что-то насчет этого? Не думаю!

- Что, не можешь решить куда идти? Ладно, давай выберу сам. Не беспокойся, это место очень подходит благородной юной леди, и даже цены меня не отпугнут.

Он улыбается мне.

Он что, правда считает, что женщину так легко соблазнить едой? «Я не должна спрашивать. Думаю, считает», - тихо шепчу я.

- Что такое? – спрашивает Микия, но я предпочитаю проигнорировать его и ответить вздохом. Даже если бы я пожаловалась, он бы все равно меня туда повел. Я влюбилась в него точно так же. Я чувствовала, что это правильно – даже наиболее естественно – влюбиться в него, забыв о том, чего я так сильно старалась избежать. *Не торопись*, повторяю я себе как мантру самым тихим голосом, на который способна.

- А ты любишь заговорщицки шептать что-то себе под нос, Азака. Что-то не так? – спрашивает Микия.

Я качаю головой. И на мгновение мир кажется легче, и все вопросы в моей голове исчезают.

- Ничего, правда. Просто обещаю себе не испортить все, как одна девушка из Рейена.

Я беру его руку, обхватываю ей свою и это лучшее, что я могу себе позволить, прежде чем кто-то станет задавать вопросы, которые приведут к странным объяснениям. Слегка покраснев, Микия устойчиво идет вперед. Я следую за ним, отправляясь в блестящий, сияющий город, на который лишь начинает опускаться ночь.

Итак, пусть и запоздало, но мы наконец вышли на новогоднюю прогулку. И да, я все-таки выбрала экстравагантную японскую кухню.

Записи в забвении – 10

Закончив занятия, Курогири Сацуки направляется в свою комнату. Погода с утра окутала небо облаками, и свет делает коридоры почти неподвижными и тихими, похожими на монохромную картину.

Он открывает дверь своей комнаты, оглядывая ее. Она наполнена разными безделушками, сложенными предметами и книгами. Но все они несут атмосферу того, что ими вообще не пользовались для учебы. Книжки выглядят такими же новыми, как и в день покупки, и может быть, их никогда и не открывали. Серый свет льется из окна, придавая комнате атмосферу застывшего во времени места. Как только Курогири Сацуки убеждается, что все так же, как записано у него в памяти, он входит внутрь. С резким ударом он закрывает за собой дверь.

И в то же время чувствует острую, пронзающую боль.

Он опускает взгляд, видя лишь ученицу Рейена на голову ниже него. Почему-то он думает, что должен знать ее. В руках она держит нож, по рукоять вошедший в его живот.

- Кто ты? - спрашивает он беззлобно. Ученица не отвечает. Ее рука на рукояти ножа дрожит, и Курогири Сацуки чувствует эту дрожь внутри себя. Ученица не может даже поднять взгляд на человека, на которого напала. Он наблюдает за ней.

Рост, вес, волосы, цвет кожи, телосложение. Насколько ему известно из записей, только одна ученица достаточно соответствует этому описанию.

- Это ты, верно? - спрашивает Сацуки. – Ты ждала меня здесь, чтобы убить.

Она все еще отказывается отвечать. Сацуки пожимает плечами и ласково кладет руку на плечо, чтобы ослабить ее напряжение.

- Тогда иди. Твоя часть дела сделана.

Слова, лишённые злобы или ненависти, в итоге лишь усиливают ее дрожь. Беспокойство девушки бросается в глаза, его причина не столько в нападении, сколько в истинности утверждения учителя. Проходит несколько бесценных секунд, прежде чем она выпускает нож, словно уступая его человеку, которого пронзила. Она выбегает из комнаты.

Поймав ее последнее изображение, он все еще не может быть уверен, видел ли он ту, о ком подумал. Кто она? Все характеристики были верны, кроме волос. Они короче, думает он, обрезаны неаккуратно. И все же такое изменение означает, что для Курогири Сацуки эта девушка – незнакомка, увиденная им в первый раз.

Из последних сил он закрывает дверь, запирая замок с удовлетворенным шелчком. Каждый его шаг роняет на пол несколько капель крови, лениво стекающих из раны, из которой все еще торчит нож. Это действие вытягивает его последние силы, и он вынужден опереться на ближайшую стену, его тело медленно сползает по ней, пока он не оказывается на полу. Он думает, что смерть несильно будет его волновать, поскольку он давно знал, что его конец будет примерно таким.

Он смотрит на свое ослабшее тело. Какая ирония. Оно тоже отличается от Курогири Сацуки, записанного в его разуме. Может, поэтому смерть не внушает ему тот страх, который охватывает большинство людей. Он собирается, хотя кровотечение ухудшается с каждой секундой. Он знает, что не будет облегчения, и что смерть придет через считанные минуты, возможно, через десять минут. Вздыхает, решая использовать эти минуты лучшим известным ему способом. Но десяти минут слишком мало. О чем он должен думать, или что чувствовать, что представлять? Но время – меньшая из проблем. Он рожден, и всего через десять минут он умрет. Время жизни в минуты, возможно, более ценное, чем годы, которые он странствовал по земле.

Думай, говорит он себе. Представляй. Он тратит большую часть времени своих последних минут размышляя об этом, едва чувствуя боль в животе. И в этот таинственный период ясности, он удивляется тому, что может найти ответ на свой вопрос.

Его дыхание неровно.

Минуты длинны.

Кровотечение серьезно.

Жизнь коротка.

Он очищает свой разум от всех иных мыслей и фокусируется на ответе, который может дать самом себе.

- Может, я подумаю о том, о чем я думал перед рождением.

Это последнее забвение, из которого он может что-то взять, время воспоминаний, которых нет ни у одного человека. Мир перед рождением, без символической ценности и конфликта. Его страдание – очень простая вещь.

- Если бы я не родился, мир и я были бы намного более спокойными.

Счастливый и удовлетворенный ответом, Курогири Сацуки улыбается. Он не может понять значения этого действия. Но теперь он понимает его ценность, впервые в жизни осознавая, что он на самом деле улыбается.

17

Маг был прав. Ты не можешь умереть просто от слова. Но люди умирают. Энтропия требует, чтобы мы умирали, исчезали и о нас забывали. Иначе граница между прошлым и будущим будет пуста и бессмысленна. Отмена энтропии потребует энергии, которой у нас нет, вещи обретают ценность в своей временности.

Но вещи могут жить вечно. Даже если что-то утеряно и забыто, факт его существования не меняется. Оно хранится в уме, всегда с тобой, обитая в его темных уголках, ожидая правильного выключателя, чтобы вернуться. И это причина, по которой чем больше я думаю об этом, тем больше попытки мага извлечь вечность из забвения воспоминаний кажутся мне пустой тратой сил. То, что забыто, никогда по-настоящему не исчезает, и где-то в тебе есть истина... или то, что ее заменяет. Это уже была та вечность, которую он искал.

Теперь я знаю, почему **Шики** заставил меня забыть важные воспоминания трех и четырех лет назад. Он знал, что они все еще во мне, крепко спят. И даже если я не могу вспомнить их, они все еще там. Маг знал это, но не мог принять, не мог увидеть, как забвение может быть по-своему хорошим. Единственное, чего он хотел – это гнаться за своей ошибочной философией. В конце вечность, которая была также сильна, как его слова, свелась к безрассудной и бесполезной цели.

Наступает утро седьмого января, и я рада, что это официально знаменует день, когда я могу снять эту нелепую сковывающую форму Рейена. К сожалению, Азаке придется остаться в школе, когда я уйду снова жить жизнью свободной женщины. Я комкаю поддельный запрос о переводе и выбрасываю его в мусорный бак, словно это какой-то ритуал очищения. Слова Азаки, сказанные матери-настоятельнице, должны позаботиться об остальном.

Счастливо надев кожаную куртку поверх синего кимоно, которое прислал мне Акитака, я направляюсь к главным воротам, готовясь покинуть этот странный мир леса и камня. Но как только я выхожу из ворот, я вижу, что кто-то ждет меня, кто-то, кого я очень хорошо знаю.

- Так ты не нашел занятия получше, чем просто ждать, когда я выберусь отсюда? – спрашиваю я.

- Выходной день от Токо-сан и ее щедрость. Редкая возможность, знаешь ли, – он пожимает плечами.

Он делает это точно также. Движение, из-за которого тебе кажется что то, что только что случилось – это твоя ошибка. С яркостью кусачего мороза я вспоминаю. И это напоминает о том, что я не хотела видеть Микию сегодня.

Я несу старые воспоминания. Странные. Может быть, опасные. И пребывание рядом с Микией прежде, чем у меня появится время подумать о них, еще больше беспокоит меня. Но может быть, видеть его лицо будет лучше, чем продолжать бояться всего. Может быть.

- Так как насчет того, чтобы начать со старой доброй траты времени? – предлагаю я с сарказмом. – Я узнала потрясающе никчемную сказку, и позволю тебе услышать ее.

Я начинаю идти по дороге, параллельной стенам Рейена, и Микия не отстает от меня. Как и всегда.

- Ну, ты сегодня в хорошем настроении, - говорит он, глядя прямо мне в лицо. Но мои глаза инстинктивно опускаются вниз, и я пытаюсь сделать так, чтобы он не заметил это. Не знаю, получилось ли.

За время, которое нам нужно, чтобы добраться до делового центра, я успеваю рассказать Микии всю историю о Курогири Сацуки и Мисае Одзи. Мы идем среди знакомых улиц и зданий, не возвращаясь в наши квартиры, а вместо этого как-то, заключив негласное соглашение, направляемся в офис Токо.

- Так Курогири Сацуки вытянул какую-то часть памяти почти у всех в школе, – Микия размышляет с выражением понимания на лице. – Но Мисая Одзи хотела, чтобы класс Д страдал, отсюда и письма. Секреты других учениц были открыты только им, но не другим людям, на которых они могли повлиять.

- Да-да, я это знаю. Настоящий вопрос – почему только глупое желание Мисаи Одзи привело к хаосу в школе?

- Верно. Она должна была быть в чем-то особенной для Курогири Сацуки, чтобы он ради нее приложил такие усилия. Он вытягивал воспоминания и открывал их другим ученицам. Но лишь Мисае Одзи он дал средства для самостоятельных действий.

Его заключение выглядит весьма логичным. Курогири Сацуки был зеркалом, отражающим желания учениц, но с Мисаей Одзи вышло иначе.

- Но почему? – шепчу я. Микия или не слышит меня, или решает не отвечать.

Мы некоторое время идем в тишине, все это время я отказываюсь встречаться с ним взглядом. Гулять на холодном воздухе очень неудобно. Это тот холод, который пробирается под кожу независимо от того, сколько на тебе одежды. После еще нескольких молчаливых кварталов, Микия оборачивается ко мне.

- Шики, у Курогири Сацуки на самом деле была сестра.

Он больше ничего не говорит, и о причине, по которой он это сказал, остается лишь гадать. Была ли Одзи его сестрой или нет, знает только Курогири Сацуки. Ирония в том, что если то, что он рассказал о своей глупой пародии на «память» - правда, то он сам не мог бы узнать. Какой бы ни была правда, она потеряна навсегда. Ха, опять это «навсегда».

- Определенно странная история. Мне в чем-то жаль Курогири Сацуки.

Думаю, я должна признать, что в этих словах нет лжи. Его ситуация с памятью и чувствами напоминает ситуацию одной девушки всего несколько месяцев назад. Микия, однако, не может понять этого, и лишь моргает, пораженный моими словами.

- Хм. Даже если он атаковал тебя? Настоящая симпатия от Реги Шики. Слов нет.

- Я не выгораживаю его, тормоз. Просто я... понимаю, почему он был так отчаян, наверное.

Все-таки как я могу осуждать его и его действия? Я не могу обмануть себя. Те долгие ночные прогулки, путешествия по темным аллеям и узким улочкам; я знаю, что я искала, и это намного хуже, чем просто игры с человеческими воспоминаниями.

- И кроме того, - продолжаю я, - этот парень в чем-то похож на тебя.

- Не могу сказать, что понимаю, чем именно.

- Ой, ладно тебе, если прочитать твое имя иначе, оно будет тоже звучать как Курогири⁵.

Микия усмехается.

- Рад видеть, что после пребывания в этом месте твои мозги все еще в порядке.

- Просто шутка мертвого языка, - говорю я в то время, как Микия косо смотрит на меня, озадаченный моими словами. Разглядев его лицо, я не могу удержаться от смеха.

- Ну что теперь не так? – спрашивает он.

- Ничего. Просто подумала о том, чтобы убить тебя, раз никого там не прирезала.

Я снова смеюсь, и Микия только качает головой. Не могу его винить. Это все-таки очень странное предложение.

- Не обращай на меня внимания, - быстро добавляю я. – Просто мысли вслух, вот и все. И эти мысли звучат чуть менее очевидно, когда я их озвучиваю.

Касательно мыслей, выраженных словами, когда теряется значение, и слова становятся пустым звуком. Когда маг Сацуки Курогири остался ребенком, и вырос им, он тоже потерял значение бытия взрослым, думая, что простого подражания будет достаточно.

- Как скажешь, - говорит Микия, пожимая плечами. – Кроме того, я никогда никого не ранил, не говоря уж об убийстве, так что не жди от меня понимания.

Иногда этот парень может вести себя как полный идиот. Но, по крайней мере, он терпимый тип идиота. Отсмеявшись от последних следов волнения по поводу вернувшихся воспоминаний хотя бы на время, я продолжаю идти рядом с ним, позволяя улыбке появиться на моем лице. Прежде чем мы оба замечаем, на город опускается ночь, и луна, кажется, примерзшая к своему месту, висит вместе со звездами в небе над головой. В еще одном негласном соглашении мы решаем воздержаться от визита в офис Токо, проходя мимо него по незнакомым улицам и извилистым аллеям, через темную

⁵ Фамилия Микии Кокуто может читаться как куро (黒) гири (桐) так же, как фамилия Сацуки, но пишется другими иероглифами (玄霧).

кровеносную систему города. В безделье нашей прогулки и посреди наших размеренных дыханий я наконец нахожу в себе силы встретить его взгляд.

Он может быть идиотом, но я рада быть сейчас с ним. Причина проста. Это все-таки первый раз, когда я пошла на ночную прогулку со своим спутником.

Граница Гоетии⁶

Мне нужно кого-нибудь избить.

Не важно, кого, но я предпочёл бы, чтобы это был кто-то, из-за кого я не буду чувствовать вины, и предпочтительно там, где никто не сможет увидеть меня. Для парня я довольно стеснителен, и я не хочу, чтобы меня выгнали из школы, по крайней мере, пока я не закончил.

Подумав об этом неделю, я точно знаю, кого бить и где это делать. Это будет парень из моей школы, на класс или два младше. Блондинистый парнишка «неправильно» посмотрел на меня, когда проходил по коридору. Место – неподалёку от игрового центра, где он часто бывает. Думает, что он крут, ставит рекорды в играх, распускает кулаки в адрес каждого, кто обыгрывает его.

Но он не делает этого внутри. Обычно вытаскивает бедолагу в аллею позади здания под предлогом дружеской беседы об игре, чтобы получить компенсацию с помощью своих

⁶ [http://ru.wikipedia.org/wiki/Гоетия_\(традиция\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Гоетия_(традиция))

кулаков, думая, что может стереть свой воображаемый позор, избив кого-либо. Это место решает задачу скрытости, так что некому призвать его к ответу.

Всё хорошо. Условия идеальны.

Слабаки вызывают у меня отвращение.

Я собрал в себе храбрость, чтобы предстать перед ней и признаться ей однажды, только для того, чтобы одной фразой она уложила меня.

Может быть, она была права. Я никогда не был в бою – физическом – в своей жизни. Я никогда не позволял ссоре обостриться до такого уровня и никогда не был храбр настолько, чтобы обострить её. Видимо, поэтому она назвала меня слабым.

И следовательно, я должен кого-то избить, чтобы избавиться от этой слабости. Это скорейшее доказательство силы, которое я могу придумать, и с тех пор я планировал и планировал до секунды. Ударить кого-то сильнее всего – это, наверное, одна из самых дурацких вещей, которые я еще не делал за свои семнадцать лет.

Итак, я начал выманивать парня.

Уже стемнело, когда я пришёл в игровой центр, и он был там. Я обыгрывал его в одной и той же игре, снова и снова, в течение часа. И когда пришло время вытащить меня наружу, я последовал за ним, медленно, словно сомневаясь. Это шоу. Подходящий момент для появления, когда он будет ожидать меньше всего. Так что он бросает на меня молчаливый приглашающий взгляд, его рост даёт ему дополнительную эффективность. Это само по себе развитие, потому что обычно дальше следует определённое количество уговоров. Сегодня ночь без слов. Он ведёт меня в аллею за зданием, и я следую за ним с притворным сомнением.

Хорошо. Успокойся. Наверняка он попытается ранить меня. И всё же мысль ранить его в ответ внушает мне некоторую неуверенность. Но скоро я избавляюсь от её. Всё-таки если он и правда готов навредить мне, никто не может судить, где преступление, а где наказание. Он тащит меня все дальше и дальше в аллею, свет с улицы едва достигает нас.

- Эй, - говорю я скучным голосом, заставляя его обернуться. Я вытаскиваю из-за спины маленькую деревянную дубину, которую прятал под рубашкой, и со всего маху опускаю её на голову парня.

Хруст, и затем глухой стук, когда парень падает на землю лицом вниз, словно марионетка. Несколько секунд спустя кровь начинает вытекать из раны на голове, стекая на асфальт аллеи, пачкая мусор и выброшенные шприцы вокруг его головы. Несколько секунд требуется на то, чтобы заключить, что он в ближайшее время не будет шевелиться.

- Что? – я не могу поверить в это.

Я лишь один раз его ударил деревянной палкой, и это была почти мгновенная смерть?

- Что за хрень? – неподдельный возглас.

В смысле, посмотрите. Это несчастный случай. Я не хотел убивать его! Это же не убийство, да?..

- Никогда не знал... - чего? Что люди хрупки и могут так легко умереть?

Но многие люди используют подручные предметы, так почему именно я убил кого-то? Все обращаются к насилию, но это мой первый раз! Так нечестно! Это я невезучий или это те люди такие везучие? Что, тут где-то рядом невезение раздают?

Я не знаю ничего.

Я не знаю.

Я не знаю!

Я не знаю ничего об этой ошибке или положении дел, или вопросе о том, было ли это преступлением, или даже об ответе на простой вопрос - что делать дальше. Но я знаю кое-что другое. Полиция будет считать это убийством, и не важно, сколько я буду умолять их

поверить в то, что это несчастный случай и здесь нет греха. Скоро они поймают меня. И на этом всё закончится.

- Нет. Я не сделал ничего неправильного. Будет неправильно с их стороны запереть меня. Но всё равно всё это нужно спрятать. К счастью, нет свидетелей, о которых нужно было бы позаботиться. Всё, что мне нужно сделать – это спрятать тело, и нормальность моей повседневной жизни будет восстановлена.

Но где я его спрячу? И как? Без свидетелей его просто невозможно спрятать. Я могу поджечь его, но даже так я не застрахован от ошибки. Не говоря о том, что это привлечёт интерес, которого я точно не хочу. Будь всё проклято. Если бы это было в лесу или в горах, я бы мог рассчитывать на то, что животные съедят его...

Просто понимаете... съедят его, естественно.

- Может, если я съем его, это прокатит?

Блин, ответ так прост, что можно танцевать! Я сегодня просто гениален! Если я так поступлю, от трупа мало что останется.

Но даже так, остаётся вопрос «как?». Слишком много мяса. Я не смогу съесть всё до утра. Может, стоит начать с крови. Да, с крови.

Я склоняюсь к телу, накрывая губами открытую рану ребёнка, из которой продолжает вытекать кровь, как вода из пробитой бутылки. Я начинаю сосать, и густая кровь липнет к моим губам и горлу. Но через несколько секунд, я отхаркиваю всё, что успел выпить.

Чёрт возьми. Я почти ничего не выпил. Липнет к моему проклятому горлу, и как воду ее пить не получится. Если я так продолжу, я просто захлебнусь и умру здесь, как и он. О, боже, что мне делать? Не могу есть мясо, не могу пить кровь... Пока я думаю, не могу сдерживать дрожь, и не в силах ничего поделать, кроме как дрожать здесь, словно жалкий псих.

Я убил человека.

Я даже не могу скрыть своего деяния.

Я убил человека.

Так закончится моя жизнь. В хаосе и замешательстве, лишённая лёгкого выхода в поле зрения.

- Почему ты не примешь себя до самого конца? – говорит голос, исходящий из-за моей спины. Когда я оборачиваюсь к его владельцу, я вижу человека в чёрном пальто, похожем на плащ в своей необъятности. Высокий теневой силуэт, который он отбрасывает на аллею, стоя напротив уличного фонаря, выглядит жестоким, и этого не может скрыть даже его массивный плащ. Его глаза, изможденные и затуманенные, несут вес вечности.

- Условные правила всё ещё ослепляют тебя, не подпуская к твоей истинной природе? – продолжает спрашивать он, глядя не на окровавленный труп позади меня, но только на меня.

- Правила? – шепчу я. Интересно, почему я *не подумал*, что есть что-то неправильное в том, чтобы съесть труп? Я даже не почувствовал отвращения, когда попытался пить кровь. Что приказало мне приложить губы к ране, но при этом ничего не чувствовать? Я пытался съесть кого-то, что, вероятно, является преступлением более тяжелым, чем убийство. Достаточно просто взглянуть на количество убийц, которые решали съесть свою жертву, и это точно будет небольшое число. Нет, большинство людей даже не думают об этом. Очевидно, потому, что каннибализм является очень странным, чуждым действием.

- Но я подумал, что это естественно, - говорю я, сам того не осознавая.

- Именно. Это значит, ты особенный, если выбрал такое действие после убийства.

Большинство людей уже сбежали бы, оказавшись в тупике. Но ты воспринял собственное

деяние в своей манере. Даже если эта манера решительно отделяется от консенсуса, это действие, за которое тебя нельзя винить.

Мужчина в чёрном делает шаг в аллею, шаг ко мне. Почему его слова звучат так сладко, почти заставляя меня забыть, что он свидетель моего преступления?

- Я? Особенный?

- Да. У консенсуса нет над тобой власти. Реальность правил связывает тех, кто отклоняется, их действия называются грехами. Но для отклонившихся, их действия – самая естественная вещь в мире. Так где зло в этом уравнении?

Он приближается, кладя руку мне на голову, и я не делаю ничего, чтобы остановить его. Извращенцы и лунатики, и дегенераты, и дураки. Я не являюсь одним из этих невежественных людей. Но всё же если я по-настоящему безумен, я все равно ничего не могу поделать с трупом, правда?

- Я не нормален... другой, - бормочу я.

- Так и есть. И если ты настолько сломан, как сам говоришь, то тогда тебе остаётся найти выгоду в том, чтобы сломаться окончательно.

Его голос, звеня звуком какого-то колдовства, зарывается глубоко в мозг, сердце и остаток тела. Он прав. Он всегда был прав. И когда я принимаю его слова, мои дрожь и страх будущего изгоняются из тела, заменяются радостным ощущением, как будто я получил в аренду новую жизнь. Моё поле зрения белеет. Моё горло высыхает, и даже вдыхая воздух изо всех сил, я не могу вложить достаточно кислорода в лёгкие. Я чувствую себя так, словно тело сжигается болью, путешествующей через все мои вены и артерии, но это прекрасная боль, которую не смог бы даровать ни один наркотик.

Загадочный, жестокий на вид человек держит мою голову рукой, которая может раздавить меня. И под этой рукой я начинаю рыдать так, как никогда за всю свою жизнь. Слезы теплые, рожденные удовольствием. Крик, который вылетел из моих лёгких, говорит о какой-то животной страсти.

Это... Это время и место, где я ломаюсь.

Мальчишка поглотил труп за час. Он не использовал никаких инструментов, кроме силы его собственных зубов и челюстей, пожирая нечто намного большее, чем он сам, целиком и полностью. Его язык не говорит о качестве, о сочности или о чем-то еще. Он видит ценность лишь в физическом напряжении, жевании его субъекта.

- Час? Ты великолепен.

Мужчина в чёрном внимательно рассматривает работу парня, будучи свидетелем всего случившегося. Парень лениво оборачивается к нему, лицо и рот покрыты густой кровью трупа и его собственной кровью, рождённой из его сломанного подбородка и собственной разорванной плоти, показывая плоды спешки и сложности его действия. Он, похоже, даже не знает, что это случилось. Парень вгрызлся в труп, не останавливаясь ни на мгновение, не оставив ничего, кроме нескольких капель крови в тёмной аллее.

- Но твоё отличие будет определять тебя, - продолжает высокий мужчина. – Знание о своём истоке само по себе доведёт тебя лишь сюда. Ты должен вложить катализатор в свою душу, пробудить живую искру.

Мальчик слышит слова мужчины, глядя на него опустевшими глазами.

- Ты всё ещё на краю, на этой пустой границе. Следовательно, ты будешь каннибалом - с этой минуты и до самой смерти. Но ты не желаешь, чтобы она здесь закончилась. Ты будешь человеком, не связанным чувствами черни, но кем-то трансцендентным. Уникальная, новая жизнь родится здесь. Желаешь ли ты заполучить её?

Слова человека волшебны и очаровательны. Они глубоко впечатываются в затупившиеся мысли парня, вдавливаясь, словно подсознательная сила. Купаясь в крови, своей и

жертвы, парень вяло кивает в ответ - действие, которое можно сравнить с молитвой собственному богу спасения.

- Закончено. Это будет первый, – человеку достаточно кивнуть и поднять правую руку с головы парня, чтобы тот завершил кровавый ритуал.

Он осмеливается задать мужчине один вопрос.

- Кто... кто ты такой?

Мужчина в чёрном плаще остаётся неподвижен. Его голос кажется усиленным какой-то силой творца, и в нём чувствуется сила, эхом отдающаяся от стен аллеи с шепотом веков:

- Маг. Арайя Сорен.

Наконец мужчина спрашивает настоящее имя парня.

Тот отвечает ему.

И внутри его лица, такого же каменного, что и сердце, мужчина находит желание улыбнуться.

- Лио. Жаль. Не хватает лишь одного шага для того, чтобы стать львом.

В его словах слышна неподдельная меланхолия, даже когда он улыбается.

ПЕРЕВОД: CHERNOB
КОРРЕКТОР: ROSETAU

